

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛИ
ПЛОТИ

-Сесеро-Заног®

Annotation

...Волей случая, киммериец встречает старую подругу Испарану, оказывается владельцем магического перстня, и сам того не желая, оказывается втянут в интриги вокруг трона Замбулы...

•

Крис Уэнрайт

Золотой павлин Сабатеи

Часть первая

ПЕРСТЕНЬ С ЗОЛОТЫМ ПАВЛИНОМ

Глава первая

Мудрая пословица гласит: «Семенящий бег шакала не спутаешь с плавной поступью тигра». Сколько ни ряди павлина в вороньи перья, даже выщипав ни с чем не сравнимый великолепный хвост, его божественное происхождение спрятать не удастся. Величественная осанка, отливающие перламутром перья на шее и груди, королевская поступь — что-нибудь обязательно выдаст его.

Когда скромный торговец в потрепанной одежде и запыленных сапогах сел за дальний столик в таверне «Туранский сокол» и попросил кружку пива, ее хозяин Бехруз с первого взгляда понял, что посетитель явно не тот, за кого пытается себя выдать. Кожа на лбу и скулах, обветренная и опаленная солнцем, делала его похожим на обычного погонщика верблюдов, однако надменное выражение лица, повелительный тон человека, привыкшего распоряжаться, и гордо выпрямленная спина подсказывали, что это не какой-то простолюдин.

Даже долгий путь через пустыню и явное желание казаться не слишком заметным не помогли незнакомцу скрыть все это. Углы его губ скривились в пренебрежительной усмешке, когда хозяин с поклоном поставил на стол шербатую глиняную кружку, в которой обычно подавали здесь пиво и вино. Руки с длинными пальцами были гладкими и холеными — этот человек явно никогда не возился с упряжью, веревками тюков или углями костра.

— Может быть, почтенный господин желает что-нибудь из еды? — с подобострастной улыбкой спросил хозяин, плешивый и скуластый туранец с лисьим выражением узкого, словно сдавленного с боков, лица.

— Ступай пока, я подумаю, — величественным жестом отпустил его посетитель.

«Предупрежу на всякий случай Гоухара, — пятась к стойке, подумал Бехруз, — глядишь, что-нибудь и мне перепадет, если дело будет того стоить».

Он откинул линиялую занавеску, отделявшую зал таверны от кухни. Двое поваров, которые уже начали готовить пищу к вечеру, оторвались от своих дел и вопросительно подняли глаза на хозяина.

— Где этот сын помойки? — спросил Бехруз.

— Сейчас вернется, — ответил один из поваров, ловко отрубая сочные, жирные куски от бараньей туши, лежавшей перед ним на огромном деревянном столе. — Я послал его за зеленью.

Длинный широкий нож так и сверкал в его умелых, привычных к делу руках, и горка толстых ломтей мяса выростала прямо на глазах. Послышался топот босых ног, и в кухню влетел загорелый дочерна мальчишка, вся одежда которого состояла из грязной набедренной повязки и ленты на лбу, поддерживающей слипшиеся от пота густые черные волосы. Мальчишка бросил на стол охапку свежей, пахучей зелени и уставился на хозяина, почесывая босой пяткой голень другой ноги.

— Вот что, малый, — взял его за ухо хозяин. — Стрелой лети к Гоухару, начальнику базарной стражи, и скажи ему, но только ему, понял? — Он слегка вывернул парнишке ухо. — Что ко мне в таверну зашел странный посетитель.

Мальчишка поворачивал голову вслед за движением руки хозяина и пытался кивнуть, морщась от боли. Удовлетворенный Бехруз отпустил, наконец, его ухо.

— Одна нога здесь — другая там! Живо!

Мальчишка убежал, почесывая распухшее ухо, а хозяин вернулся в зал и, опершись о стойку, медленным взглядом обвел свое заведение, стараясь не задерживаться на странном госте. Время вечерней трапезы еще не наступило, и народу в таверне было немного: трое караванщиков за столом у стены, парочка матросов из Хоарезма, которые пили здесь с самого утра, да этот посетитель, который медленно прихлебывал пиво, не обращая на остальных ни малейшего внимания. Он даже не повернул головы, видимо занятый своими думами, когда в таверну вошел тощий сморщенный старик в лохмотьях и, протянув вперед узкую высохшую ладошку, загнусавил:

— Во имя светлоокого Митры подайте на пропитание старому и немощному, больному и одинокому, бездомному и голодному...

Попрошайка обходил столы, за которыми сидели посетители, и останавливал на них скорбный и умоляющий взгляд наполовину покрытых бельмами глаз. Матросы, находясь в отличнейшем расположении духа, бросили ему в ладонь серебряную аквилонскую монету, отчего глаза нищего алчно вспыхнули, и он долго стоял и кланялся, пока они не прогнали его к караванщикам, которые оказались не столь расточительными, но все же отвалили ему несколько медяков. Старикашка, шаркая босыми ногами, потащился к последнему столику.

— И ты, о? почтеннейший, не дашь ли мне от щедрот твоих, да продлятся дни твои в благословении богов...

Гость хмуро взглянул на него.

— Ступай, ступай, не до тебя, гиена, — брезгливо отмахнулся он от назойливого старика.

Тот, пожевав беззубым ртом, повернулся и засеменял к выходу. Проходя мимо стойки, где с сонным видом восседал Бехруз, нищий, не двигая губами и даже не повернув к хозяину головы, шепнул куда-то в пространство:

— Постарайся задержать...

Хозяин заведения задумался. Конечно, задержать посетителя совсем нетрудно, если подсыпать ему в пиво сонного порошка из желтого лотоса. Подобное он проделывал уже не раз. Но что если незнакомец не закажет больше ничего? Что тогда предпринять? А не выполнить указание шпиона Гоухара, этого самого старика, который изображал нищего... Это занятие для самоубийц. Тут есть над чем задуматься, и глубоко.

Однако долго ломать голову Бехрузу не пришлось. Посетитель, поставив кружку на стол, неожиданно поманил его к себе.

— Садись, — кивком указал он на скамью напротив себя. — Надеюсь, у тебя найдется приличная комната для ночлега?

— А как же! — просиял хозяин. — Мое заведение — одно из лучших в Шангаре. Для господина, если у него есть деньги, конечно, — Бехруз умудрялся одновременно говорить и по-лисьи улыбаться, — всегда отыщется отличная комната с мягкими пуховиками, а если почтеннейший пожелает, — тут уголки его рта стремительно поползли к мочкам ушей, — и девушку достойную могу предложить, опрятную и горячую, что твой огонь.

Гость бросил на него недовольный взгляд, но, сунув руку за пояс, показал несколько золотых:

— Достаточно?

— Прости, уважаемый, — встал со своего места Бехруз, — сам понимаешь, времена сейчас беспокойные, много всякого народа здесь ходит. Я распорядюсь, чтобы тебе приготовили комнату получше. Вижу, ты не из этих. — Он украдкой кивнул на публику, которая постепенно заполняла просторный зал таверны.

— Принеси мяса и вина! — приказал гость, и его тон, а также гордый поворот головы окончательно укрепили уверенность Бехруза, что он не напрасно потревожил начальника базарной стражи.

* * *

— Ты не ошибся, старый шакал? — Гоухар сидел за маленьким столиком и, сытно рыгая, запихивал в рот лепешку с зеленью и бараньим мясом.

— Чтоб меня Эрлик покарал.

Старикашка, который только что просил милостыню в таверне, в очередной раз ткнулся лбом в ковер перед ногами начальника стражи. От белым не осталось и следа, но глаза его, хоть и вполне теперь зрячие, были по-стариковски тусклыми и не выражали ничего, кроме преданности своему господину.

Замчи — так звали этого старика — уже давно служил шпионом у стражников Шангары, а до этого много лет, так уж получилось, скитался по Турану и близлежащим странам. Цепкая память сослужила ему хорошую службу. Он знал в лицо так много людей, а особенно богатых и высокопоставленных, что порой оказывался просто незаменимым.

— Это Хафар, совершенно точно, я узнал его! — Сложив ладони перед собой, Замчи еще раз низко поклонился. — Он сначала был визирем Актер-хана в Замбуле, а позже и при его сыне остался на этой должности.

— Ха! — чуть не поперхнулся Гоухар. — Я до сих пор не могу понять, как в Замбуле может быть сатрапом мальчишка! Ему ведь и сейчас лет тринадцать, не больше?

— Мне рассказывали, что в Замбуле всем заправляют женщина по имени Испарана, — осторожно ответил Замчи, — и этот визирь.

— Ладно, иди. — Начальник базарной стражи отпустил старикашку-шпиона и надолго задумался.

Подумать действительно было о чем. Появление в Шангаре такого крупного вельможи из туранского города-государства не с пышной свитой, как они обычно приезжают, чтобы нанести визит местному повелителю, а тайно и без охраны могло навести на мысль, что в Замбуле не все в порядке. Не исключено, что там произошел переворот и этот сановник спасается бегством. Но что ему нужно в Шангаре? Может, здесь у него есть сторонники или просто друзья, если, конечно, вообще кто-нибудь может похвастаться дружбой с таким вельможей? Но если есть сообщники, то кто они?

Перед Гоухаром, одним из низших начальников отряда стражи Шангары, встала непростая задача. Доложить своему начальнику, этому ублюдку Азатбахту, который вхож к самому повелителю? А если он заодно с треклятым визирем и не хочет, чтобы о его пребывании здесь кто-то знал?

Ответ ясен как день: ему, Гоухару, придет конец... В лучшем случае его уберут тихо и безболезненно, в худшем — неизбежна плеть палача. Начальник стражи внезапно почувствовал озноб, потом его бросило в жар. Он достал шелковый платок и долго вытирал взмокший лоб, как будто это могло ему чем-то помочь.

«Скотина Бехруз! Мог бы и не обращать внимания на этого незнакомца, — с тоской подумал Гоухар. — Сидел бы себе тихо в своей вонючей харчевне, и я не знал бы ничего... Все было бы спокойно, хвала Эрлику! Теперь вот думай, как выкрутиться. А если просто-напросто послать двух стражников и тихонько, чтобы никто и не узнал, убрать этого визиря — как его там, Фараха... нет, Хафара — с глаз долой. — Начальника стражи снова бросило в пот.

— Додумался, умник! А старикашка-шпион? А Бехруз? Что знают трое... — Гоухара прошиб озноб. — Вот влип так влип! Лучше уж в верблюжьем дерьме вывалиться с ног до головы. А если убрать и Бехруза, и эту гадину Замчи? Кстати, куда подевался мерзкий старикашка?

— Эй! — завопил Гоухар, трясясь от недоброго предчувствия.

На его зов в комнату влетел стражник в расстегнутой рубашке, на ходу завязывая трясующимися руками пояс на шароварах.

— Опять? — злобно выкатил глаза Гоухар. — Сколько раз я говорил, чтобы ты не пользовал базарных шлях во время дежурства?

— Я вовсе... Совсем не... — пытался оправдаться перепуганный страж, но начальник жестом остановил его:

— Где эта вонючая задница Нергала, этот немытый старый шакал?

— Только что был здесь, — испуганно залопотал стражник, — позвать?

— Давай его сюда, кобель паршивый! — гаркнул, чуть не плача, Гоухар.

Стражник вылетел из комнаты, а когда появился вновь, по его растерянной роже начальник стражи понял, что старика найти не удалось. Надо было торопиться, если эта костлявая гиена еще не успела его опередить.

— Коня, червь паскудный! — заорал он на стражника, вскакивая с дивана.

— Молодец, старый пес, — похвалил Замчи начальник ханской стражи. — Я тебя щедро награжу за то, что ты догадался сразу же сказать мне об этом. Твой начальник знает, что визирь в Шангаре? — спросил он, наклоняясь поближе к шпиону.

Получив утвердительный ответ, Азатбахт подозвал стоявшего рядом охранника и что-то шепнул ему на ухо.

— Подожди за дверью, он тебя проводит, — ласково глядя старику в глаза, кивнул на стражника Азатбахт.

Старикашка, кланяясь и пятась задом, вышел из комнаты в сопровождении охранника. Как только дверь закрылась, ему тут же вывернули назад руки и, засунув в рот кляп, поволокли в подвал.

Начальник стражи тем временем, заложив руки за спину, нервно шагал по своей комнате: вперед до стенки, назад к окну, снова вперед...

«Визиря надо тихо, чтобы никто не заметил, арестовать и препроводить ко мне в подвал. Когда узнаю, зачем он здесь и кто за ним стоит, тогда решим, как с ним поступить, — размышлял он. — Старикашку велю удавить, зажился на свете, шакал, пора и по Серым Равнинам прогуляться. Шпион он, ничего не скажешь, полезный, но лишних свидетелей мне не надо. Остается этот болван Гоухар... Служака он исполнительный, вот и прикажу ему без лишнего шума схватить Хафара, а потом отправлю догонять старика...

— Господин, — в дверь просунулась голова охранника, — пришел Гоухар и просит принять его.

«Ну вот, и звать не надо, — довольно потирая ладони, подумал начальник стражи, — сам тут как тут».

Гоухар, шумно сопящий и потный от страха, вкатился в комнату и тут же бухнулся в ноги своему командиру.

— Господин, есть известия государственной важности, — не поднимаясь, а только выгнув шею, чтобы видеть лицо хозяина, начал толстяк.

— Поднимись, — милостливо позволил ему Азатбахт, — и расскажи, что там случилось.

Он дружески похлопал по плечу своего подчиненного и внимательно выслушал его рассказ, прерываемый шумными вздохами.

— Очень хорошо, что сразу же доложил мне об этом, — похвалил Азатбахт.

«Сука такая! — думал он между тем про себя. — А ты ведь не торопился, засранец, прикидывал что-то. Что? Ну, потом расскажешь, ничего не утаишь. Мало кто умеет, пообщавшись с моим палачом, сохранять тайну. Он у меня мастер развязывать языки».

— Дело действительно очень серьезное, — как бы размышляя вслух, продолжал Азатбахт, — ты оказал великую услугу нашему повелителю. Говоришь, кто тебя предупредил? Хозяин «Туранского сокола» Бехруз? А он узнал этого визиря?

— Нет, господин, — хвастливо ответил Гоухар, — откуда этому жалкому простолюдину знать высоких вельмож? Это целиком моя заслуга!

«Ну и хорошо, — подумал Азатбахт. — Значит, знают всего двое... Нет, уже один, — поправил он себя, — старикашка не в счет, пока он в подвале, а скоро и ты, сын и внук грязной свиньи, — он благожелательно взглянул на Гоухара, — тоже будешь там, и никто не узнает, что нас тайно посещал великий визирь Замбулы».

— Теперь слушай, — важно обратился он к Гоухару, который был уже на седьмом небе от счастья от того, что поступил все-таки правильно. — Дело государственной важности. Наш повелитель, несомненно, им заинтересуется.

— Все исполню, — пролепетал начальник базарной стражи, близкий к обмороку от осознания своей причастности к важным делам государства.

— Ты говоришь, что его задержат? — Азатбахт сдвинул брови, в то время как несчастный Гоухар ловил каждый звук его голоса и только кивнул, не в силах произнести ни слова в ответ. — Так вот, арестуй его, но так, чтобы это не привлекло ничьего внимания.

— Сделаю, — хрипло отозвался начальник базарной стражи, хотя, как это делать, он пока не имел ни малейшего понятия.

— Ну и хорошо, — кивнул Азатбахт, — я пришлю повозку со своими людьми. Они будут ждать в переулке около «Туранского сокола». Отдашь пленника им. Иди, и повелитель не забудет о твоих заслугах. Только помни, — еще раз повторил он, — ни одна живая душа не должна знать, кого ты арестовал.

Когда Гоухар, чуть не подпрыгивая от радости, что все так хорошо складывается, выкатился из зала, начальник стражи, посмотрев ему вслед, несколько засомневался в успехе своего предприятия: «Служака он хороший, но уж больно глуп: как бы не испортил все дело. Когда замешаны такие большие люди, надо быть очень осторожным».

* * *

Хафар, не ведая, что над ним сгустились тучи, лакомился бараньей печенью с луком, умело приготовленной поваром Бехруза. Ему казалось, что все выполнено как нельзя лучше. Конечно, еще многое предстояло сделать, но начало положено: никто, конечно, и заподозрить не мог, что под видом скромного торговца скрывается могущественный визирь Замбулы. Он уже купил домик на окраине Шангары, куда до поры до времени поместит Испарану с Джунгир-ханом и верными слугами. Потом он отправится в Хоарезм. Тамошний визирь — родственник ханской семьи.

Он должен помочь. Небескорыстно, конечно, но можно надеяться, что цена не будет слишком высокой.

«Мерзавец, Хамер! — прихлебывая вино, размышлял визирь. — Правильно, что я не доверял капитану хан-хилайим, личной гвардии правителя. Да еще эта Испарана! — поморщился он. — И кто придумал давать волю и власть женщине! Вот теперь вместо покоев в ханском дворце спи на тюфяке в занюханном клоповнике!»

Он брезгливо покосился на гомонившую вокруг него чернь: таверна к вечеру была переполнена людьми.

«Куча ослиного дерьма, — продолжал он честить про себя вероломного начальника ханской охраны, — хорошо хоть ноги унести сумели! Но подожди, отрывка гигиены, долго ты не будешь править, я с тобой еще поквитаюсь! А когда разберемся с Хамером, и бабу эту заносчивую надо будет убрать куда подальше, одна морока от нее. Подумаешь, соратница хана... Правда, мальчишка в ней души не чает, — напомнил себе Хафар, — она ему и как мать, и как подружка, но над этим можно будет подумать потом, когда скинем Хамера»

Хафар налил себе еще кружку, но пить ему что-то расхотелось, он почувствовал усталость и желание хорошенько выспаться.

«Да, долгий путь даром не дается, — с трудом поднимаясь со скамьи, решил визирь. — Пойду, посплю. Надо отдохнуть, не все же носиться по делам».

Он, пошатываясь, прошел зал таверны и, выйдя во двор, с наслаждением глотнул свежего воздуха.

«От этого вшивого отродья так воняет, — мысли с трудом ворочались в его голове, — что в этой харчевне и задохнуться недолго.

...Что-то морда знакомая... — Ему показалось, что проходивший мимо человек пристально смотрит на него. — А, ладно, пес с ним... Спать, спать...»

Он открыл дверь и, нащупывая за пазухой ключ, который выдал ему хозяин таверны, начал, с трудом волоча ноги, подниматься на второй этаж, цепляясь, чтобы не упасть, за перила лестницы.

«Что это со мной? — Хафар с трудом попал ключом в замочную скважину. — Вроде и не пил много...»

Дверь, наконец, отворилась, визирь сделал еще пару шагов и рухнул как подрубленный на мягкую постель. Через мгновение он уже спал беспробудным сном.

* * *

«Я выполнил поручение, — Бехруз послал мальчишку проследить за незнакомцем и, получив известие, что тот спит как сурок, вернулся к своим делам, — но где этот кретин Гоухар? Пора бы ему уже здесь появиться».

Он провернул все на редкость искусно — как-никак сказывался большой опыт: подсыпал в кувшин с вином порошок, который дал ему в свое время его приятель чародей Махтар, и теперь постоялец будет спать, ничего не ведая, до самого утра. Иногда, заснув, его гости не просыпались вовсе, потому, что они с колдуном заворачивали доверчивых посетителей в коровью шкуру, произнося при этом замысловатые заклинания. Правда, основную часть работы выполнял Махтар. Бехруз лишь помогал чародею, закрепляя шкуру на бедолаге, а потом быстро покидал комнату. Когда он через некоторое время возвращался, там уже не оставалось никаких следов постояльца.

Главной заботой Бехруза было определить в госте человека издалека, никому здесь не знакомого: такого никто не станет искать. В то же время требовалось, чтобы у этого странника были монеты. Их-то они потом и делили по-братски с Махтаром. Этот постоялец, конечно же, был при деньгах, и хозяин таверны уже начал жалеть, что сообщил о нем Гоухару.

«Поторопился, болван! — укорял он себя. — Надо было лучше позвать колдуна».

Глава третья

«Вот этот мне подойдет — Конан плеснул себе в рот остатки вина из кружки и поднялся из-за стола. — Купчишка, сразу видно, не из бедных».

Он вышел из-под навеса и, щурясь от яркого солнца, посмотрел вслед на большему каравану из пяти верблюдов и запряженной четверкой коней повозки, в которой восседал на мягких подушках какой-то приезжий торговец. О его богатстве кроме роскошных одежд, в

которые он был облачен, напоминали четверо конных охранников на крепких и низкорослых гирканских лошадах. Гостей, подобных ему, сейчас немало прибывало в Шангару в преддверии праздника в честь Повелителя Огня Эрлика. На торжества они съезжались не столько ради того, чтобы воздать почести этому пантенийскому богу, а в основном, чтобы поглядеть на петушинные бои, которые с некоторых пор, по примеру северных соседей, заморанцев, начали входить в моду в Туране.

Киммериец видел таких петухов еще в свою бытность в Шадизаре, где это развлечение сопровождало праздник рахават в честь Митры Животворящего, Повелителя Жизни, Бога Справедливости и Добра. Ему, правду говоря, все эти петушинные бои были малоинтересны, как, впрочем, и сами праздники в честь богов, если бы не одно обстоятельство. Дело заключалось в том, что на петушинные бои съезжалось много богатых людей из разных мест. Все хозяева таверн, постоянных дворов и харчевен готовились к этим дням загодя, предвкушая хорошие заработки от съеденного и выпитого в их заведениях, от сдачи внаем апартаментов и просто мест для ночлега, стойл для лошадей и верблюдов, — город буквально распирало от приезжего люда. А денег вокруг этих петухов крутилось видимо-невидимо! Как-то в Шадизаре варвар заработал пятьдесят золотых у купца Хирталамоса только за то, что помог ему сохранить в живых боевого офирского петуха, которого тот собирался выставить на празднике. Конан вспомнил эти развеселые и боевые три ночи, и у него сладко заныло под ложечкой.

Мало того, что он заработал пятьдесят монет, так ему удалось поладить и с наложницами этого любителя петушинных боев, пока тот ездил в Арэнджун. Какие девушки были! Лелия из Гандерланда, белокурая и пышная, ее серебристый голосок напоминал пение флейты. А темноволосая кхитаянка То-Ню? Миниатюрная, легкая, как маковый лепесток, но все положенное женщине было при ней, и ночь, проведенная с этой девушкой, тоже была хороша, как выдержанное офирское вино. Нет! Лучше, куда лучше, решил варвар. Да и вообще, разве можно сравнивать с чем-либо неземное блаженство?

Женщины в отсутствие почтенного Хирталамоса сами поделили его между собой, и киммерийцу ничего не оставалось, как постараться удовлетворить каждую так, чтобы они и дальше жили в мире и согласии между собой. В третью ночь ему досталась рыжая заморанка Валла с глазами точно изумруды. Да, есть что вспомнить! А вот как звали петуха, варвар забыл. Фиг... Фигля... Фиглатпа...

Тьфу! Пусть Нергал помнит эти дурацкие имена дурацких петухов! Но праздник рахават киммериец не забыл. Хороший праздник придумали, побольше бы таких!

Всем хватало работы на этих торжествах: и торговцам сладями, и водоносам, и грузчикам, и всякой мелкой сволоте, которая могла что-то поднять или поднести, и лихой братии — ворами и разбойникам: они тоже ждали этих дней, чтобы урвать свою долю добычи. Варвар специально для этой цели прибыл в Шангару из Самарры, где обитал в последнее время. Негоже было оставаться в стороне, когда представляется такая прекрасная возможность поправить свои дела. Он не был жаден до богатства, деньги доставались ему легко и так же легко исчезали, но не пропускать же такое событие!

— Эй! — окликнул он вихрастого мальчугана, бежавшего за караваном, который облюбовал киммериец.

Тот подошел, с некоторым страхом косясь на огромную фигуру варвара, гриву его черных, давно не мытых и спутанных волос. Холодные, словно лед с горных вершин, синие глаза киммерийца смотрели пристально, как бы пронзая собеседника насквозь.

— Видишь монету? — Конан подбросил серебряный аквилонский диск, сверкнувший на солнце, и ловко поймал его перед самым носом мальчишки. — Будет твоей, если узнаешь, где остановится этот торговец. Я посижу вон там. — Варвар указал на столик под ярким цветастым навесом и направился продолжать свою трапезу, прерванную появлением каравана.

Мальчишка скоро вернулся и рассказал киммерийцу даже больше того, на что тот рассчитывал: сколько людей у купца, в каких комнатах постоянного двора поселили хозяина и где разместились его слуги — в общем, Конан только подивился тому, что это растрепанное дитя улицы еще и не выполнило за него основную работу — не пощипало этого богача.

— На, держи, — Конан положил в ладошку мальчугана честно заработанную монету, — из тебя выйдет законченный мерзавец, если вырастешь, конечно, — не слишком по-доброму пошутил он на прощание.

Лучшим временем для дел, подобных тому, что замыслил варвар, по справедливости считается ночь. Однако, поразмыслив, Конан решил провернуть свою затею прямо во время послеобеденного отдыха. Во-первых, мало кто ожидает подобной дерзости от воров. Чтобы среди бела дня взять добычу, это надо иметь такую поддержку Бела, которой мало кто и достоин! Во-вторых, может случиться так, что кувшинчик вина за обедом окажется не единственным, если объявится хороший собутыльник, и, глядишь, хозяин засидится в таверне, а пара-другая слуг тоже задержится по каким-нибудь своим делам.

А деньги-то в комнатах, под надежной охраной! Кто ж будет носить в кошельке большие суммы, которые завтра придется поставить в петушиных боях или заплатить за этих самых длинношеих и клювастых злобных тварей, от чьего вида бешено забьется сердце знатока? Так что, не без оснований рассуждал киммериец, попробовать стоит. Справедливости ради надо сказать, это придумал не он. Ловкач Ши Шелам, с которым он провел немало времени за кувшинчиком доброго вина, многому научил его в Городе Негодяев, Шадизаре, что остался за Кезанкийскими горами.

«Как-то у него сейчас дела? — вспомнил о Ловкаче варвар. — Такой тощий обглодыш, а соображать умел хорошо», — мысленно похвалил он своего бывшего напарника, направляясь к «Ослиному копыту», большому постоялому двору, который был по карману только весьма богатым гостям Шангары.

В харчевне постоянного двора, куда заглянул киммериец для начала, было прохладно и не слишкомлюдно, однако шумно. Смех и гомон исходили от двух крепких туранцев в полном боевом облачении, вооруженных мечами и кинжалами, которые, сидя за столом, друг против друга, перекидывались в кости, сдабривая игру вином из пузатого расписного кувшина. Конан подошел к хозяину и, тоже заказав себе вина, присел за стол недалеко от игроков.

Прихлебывая кислотоватый, но приятный и освежающий напиток, варвар, делая вид, что совсем не обращает на них внимания, старательно прислушивался к тому, о чем говорят охранники важного господина. Еще не закончив первой кружки, он уже знал: хозяина зовут Камкар, и приехали они из Акита на петушиные бои («Я не ошибся», — отметил про себя варвар), а приезжают они сюда не первый год, опять хозяин собирается купить новых пернатых и выставляет на схватку своего любимого синего петуха... В общем, чуткое ухо может многое уловить, особенно если языки тех, кого подслушивают, развязаны вином.

«Всегда внимательно слушай, что говорят, — часто вспоминал варвар слова шельмы Ловкача, — имеющему уши приходится реже вытаскивать кинжал, клянусь Белом».

И Деламам был трижды прав, потому что киммериец узнал самое главное: как

разместились в гостинице Камкар и его люди, а также что в этом году охранникам досталась комната хуже, чем в прошлом, с очень маленьким окошком, но зато и забот у них на сей раз намного меньше, так как в комнате хозяина окно выходит во двор...

Не допив вина, киммериец обратился к слуге, который на время заменил хозяина у стойки:

— У тебя не найдется места переночевать сегодня? Недорогое, может, где-нибудь в каморке во дворе?

Услышав такой вопрос, стражники, гоготнув, оглянулись на варвара и продолжили свое занятие.

— А что дашь? — с любопытством спросил малый, у которого появилась возможность заработать монету втайне от хозяина.

— Есть у меня кое-что, — показал ему Конан мелкую серебряную монетку.

— Пойдем, покажу.

Они вышли во двор, где в стойлах стояли лошади, мулы и верблюды, мирно жевавшие свою жвачку. Слуга провел киммерийца за огороженную площадку, где располагались под навесом мешки с зерном и тюки сена, и, указав на топчан в самом углу, спросил:

— Годится?

— В самый раз, — Конан сунул ему монету, — вечером я приду.

Они вернулись в таверну, но, пока шли обратно, варвар цепким взглядом оглядел выходящую сюда стену гостиницы, успев при этом заметить тысячу мелочей: что расположено во дворе, куда выходят двери хозяйственных помещений, как выглядят засовы на воротах, ведущих на другую улицу, — все, что было так необходимо в его нелегком ремесле.

Киммериец посидел еще немного, допил вино, расплатился и не спеша покинул зал. Он подмигнул слуге на прощание, и тот понимающе ухмыльнулся своему клиенту. Но варвар не пошел на улицу, как, видимо, показалось и слуге, и двум продолжавшим веселиться стражникам. Он выскочил во двор, оглянувшись, легкими неслышными шагами проскользнул вдоль стены и встал прямо под небольшим окном на втором этаже старого здания, сложенного из грубо отесанных желтоватых камней. Размотав прикрепленную на поясе под плащом тонкую, но крепкую веревку, киммериец размахнулся и забросил ее конец с медным крюком на конек черепичной крыши. Подергав оставшийся у него в руках конец веревки и, убедившись, что крюк засел прочно, он, словно ящерица, мгновенно взлетел на уровень оконца с почти непрозрачным, потемневшим от времени и грязи стеклом. Затем приложил ухо к раме. Внутри было тихо. Обмотав веревку вокруг предплечья, Конан, ловко орудуя кинжалом, бесшумно открыл защелку окна и заглянул внутрь.

Стражник, одетый так же, как и его собратья внизу, сидел спиной к нему и, по-видимому, дремал. Скрип открывающегося окна разбудил его. Охранник вздрогнул и обернулся, но слишком поздно: кулак варвара плотно вбил его голову в плечи чуть не до самых ушей. Несчастный мягко повалился набок, и варвар аккуратно уложил его на пол.

«Где же еще один?» — размышлял про себя киммериец, направляясь к двери, которая, очевидно, вела в покои господина, купца из Акита, чей караван так приглянулся Конану сегодня утром.

Он подошел к двери и прислушался. Внутри кто-то разговаривал. Слов варвар разобрать не мог, да это его и не интересовало, но говорили двое, а вот это уже было нехорошо. Надо торопиться. Он взялся за дверь и чуть приоткрыл ее, потом закрыл, потом опять

приоткрыл...

— Заким, — услышал Конан, — сквозняк, не чувствуешь, что ли? Прикрой дверь!

Киммериец прислушался и, когда понял, что изнутри кто-то взялся за ручку двери, резко дернул ее на себя. Не успев отпустить ее, стражник вылетел наружу, где Конан резким ударом ребром ладони по шее остановил его и, увернувшись от падающего тела, вбежал в комнату.

Купец, выпучив глаза, уставился на него, как на привидение, потеряв от изумления дар речи. Варвар в два прыжка подлетел к нему и схватил торговца за шею.

— Где ты держишь монеты? — зловецким шепотом осведомился киммериец.

Купец с вылезшими из орбит глазами смог только едва шевельнуть бровями, указывая на небольшой ларец, стоявший на резном столике. Варвар на мгновение отпустил торговца, чтобы схватить шкатулку, потом вновь стиснул его шею. Ларец был заперт, и Конан вопросительно и вместе с тем грозно посмотрел на его хозяина. Тот все понял и, сипя от нехватки воздуха, принялся шарить рукой у себя под рубахой. Варвар перехватил его руку и вытащил ключик на тонкой золотой цепочке. Чтобы купец не мешал ему действовать, киммериец несильно, но все же достаточно ощутимо стукнул его по шее и опустил на мягкие подушки дивана. Что-то блеснуло на свесившейся вниз руке. Перстень! Конан осмотрел золотое кольцо с печаткой, на которой был изображен павлин. Ничего не скажешь, красивая вещица! Стащив его с пальца торговца, варвар попытался пристроить перстень себе на руку, затем, с большим трудом напялив его на мизинец, посмотрел на украшение еще раз и удовлетворенно кивнул.

В шкатулке лежали два тугих кожаных мешочка. Киммериец, не разглядывая содержимого, бросил их в кошель, висящий у него на поясе, и, выйдя в прихожую, осторожно выглянул в окно. Во дворе все было спокойно. Конан так быстро и дерзко провернул свое дело, что охранники внизу вряд ли успели сыграть больше трех-четырёх конов в кости.

Обратный путь по той же веревке занял несколько мгновений, и скоро варвар уже шагал по пыльной улице, направляясь к базару, откуда и начал свой сегодняшний день. Приятно потяжелевший кошель обещал некоторое время сытой и беззаботной жизни: хорошие таверны, хорошее вино, хороших женщин, наконец. Нет, не зря эти шангарцы устраивают такие праздники! Ему, Конану, они всегда по душе!

Глава четвертая

«Теперь надо сматываться отсюда, — подумал варвар. Правда, вечер уже на носу, пожалуй, пропушу пару кружек вина, а потом переночую где-нибудь в Гадюшнике».

В каждом городе всегда находится место, где обитает беднота и где среди паутины пыльных проулков и кривых улочек находит себе пристанище воровской люд. Много месяцев Конан прожил в шадизарской Пустыньке, не понаслышке была ему известна и аренджунская Свалка.

Киммерийцу приходилось бывать и в ханских покоях, и дворцах вельмож и даже правителей, но сейчас вряд ли ему там обрадовались бы. Да и наивно было бы ожидать, что после того как он выпотрошит караван или порастрясет купчишку, как в этот раз, впереди него поскачут в город всадники с трубами и знаменами, чтобы приготовить для удачливого вора ночлег на богатом постоялом дворе.

«Спасибо, хитроумный Бел, да и тебя, Ловкач, нелишне вспомнить добрым словом».

Конан отдал должное тем, кто, как он полагал, помог ему в дерзком предприятии, и, глядя по сторонам, стал выбирать таверну, в которой можно было бы скоротать вечерок.

На глаза ему попала вырезанная из дерева незнакомая птица, прибитая над крыльцом с колоннами из отполированных временем толстых бревен.

«Что это за птица?» — удивился варвар, поворачивая к зданию, которое, судя по его виду, и было таверной, где даже припозднившемуся клиенту не откажут в ужине и кувшинчике вина.

Подойдя поближе, он разобрал надпись на темной доске, венчающей крыльцо. Корявые буквы гласили: «Туранский сокол».

— Надо же, оказывается, сокол! — хмыкнул варвар. — А я и не признал.

Он еще раз посмотрел на изображение пернатого существа, больше смахивающего то ли на голубя, то ли на ворону, и, усмехнувшись, направился к дверям. У входа стоял человек в коричневом кафтане, который напомнил киммерийцу одежду шанки — племени, жившего в пустыне недалеко от Замбулы. Человек хватал ртом воздух и как-то, странно посмотрел на киммерийца мутным взглядом, потом повернулся и, пошатываясь, скрылся внутри здания.

Его лицо показалось варвару знакомым, где-то он его уже видел. Нет, определенно они встречались!

«Ух, ты! — через мгновение воскликнул про себя варвар. — Это же Хафар, визирь Джунгир-хана! Что, интересно, он делает здесь один, да еще в такой одежде?»

Он вошел внутрь и увидел, что великий визирь Замбулы с трудом карабкается по лестнице куда-то вверх, перебирая руками по перилам, а снизу за его действиями внимательно наблюдает мальчонка в грязной набедренной повязке.

«Ха! — подумал киммериец. — Похоже, не один я им интересуюсь! Забавно... Посмотрим, что будет дальше».

Он толкнул дверь и вошел в наполненный гулом множества голосов зал. Стараясь не привлекать к себе особого внимания, даже слегка сутулясь, чтобы его рост не слишком бросался в глаза, что, впрочем, было совершенно напрасно, варвар прошел к свободному месту. Усевшись на скамью, он подозвал к себе мальчишку-подавальщика и заказал кувшин вина. Приказание было тотчас выполнено, и киммериец, налив себе первую кружку, начал не спеша прихлебывать напиток, не забывая посматривать на хозяина таверны, чья лисья физиономия выдавала напряженное ожидание. Через некоторое время мальчишка, который был на лестнице, подбежал к нему и что-то зашептал на ухо. На хитрой морде хозяина засияла удовлетворенная улыбка, и он кивком отпустил своего слугу.

«У этого Хафара, должно быть, навалом монет, — подумал Конан, — наверняка даже больше, чем у купчишки из Акита. И надрался он изрядно... Может, имеет смысл пощипать и его?»

Он решил побыть здесь до ночи, а там уж действовать по обстановке. Не зря же мальчишка-слуга следил за Хафаром. Значит, не только варвара заинтересовал кошелек великого визиря. Конан задумался, подперев голову рукой и почти не глядя на публику, гомонящую вокруг. Ему вспомнилось, как пару лет назад он сыграл не последнюю роль в этой треклятой Замбуле, когда на престол в результате сложных и кровавых интриг сел зеленый юнец, совсем мальчишка.

Киммериец попал туда почти случайно, из-за Глаза Эрлика, магического камня, который служил амулетом для правителя Замбулы. Камень этот был украден, и вместе с Испараной они вернули его Актер-хану. Сначала тот осыпал варвара королевскими почестями:

пригласил его на обед, угостил вином, наградил, расхваливал на все лады, назначил капитаном гвардии. Но потом проявил подлое вероломство, словно забыв, что киммериец оказал ему крайне важную услугу. Не случись этого, Конан никогда бы не присоединился к предводителю заговорщиков Баладу. Замбула ему не нравилась, а населявшие ее люди нисколько не волновали. У киммерийца не было намерений ни помогать им, ни мешать.

Не обмани его хан столь подло и неожиданно, Конан сохранил бы ему верность и, без сомнения, острый ум и воинское мастерство варвара обернулись бы против заговорщиков.

Но вероломство Актер-хана вызвало в нем праведные горечь и гнев. Он многим пожертвовал, чтобы вернуть правителю Замбулы желанный амулет. Испаране тоже пришлось немало перенести из-за этого треклятого Глаза Эрлика. А оказавшийся столь неблагодарным властелином хан заточил ее в темницу и отдал в руки палачей. Варвар тогда остался на свободе только благодаря случаю. Поэтому он и обиделся и разозлился на правителя Замбулы, обвинив при этом самого себя в излишней самоуверенности: не позволяй он себе расслабиться, вполне возможно, сумел бы довольно быстро раскусить Актер-хана. Душа его жаждала мести, и он присоединился к заговорщикам.

Однако Балад тоже оказался мерзавцем, и Конан чуть было не заплатил своей головой за отказ пойти к нему на службу после свержения хана. Слава богам, для киммерийца и Испараны все кончилось благополучно. В результате трон достался сыну Актера, юному Джунгир-хану.

Да этому мальчишке и сейчас не больше четырнадцати лет. Разумеется, нет никаких сомнений, что за него в Замбуле правят Хафар и Испарана! Испарана... Это имя пробудило в варваре сладостные воспоминания. Что это была за женщина! Пламя! Испепеляющее и в то же время необычайно нежное... Забыть такое невозможно.

«Нергал меня раздери! — выругался Конан. — Что же, в самом деле, делает здесь Хафар? Если он поссорился с Джунгир-ханом или Иснанарой, что одно и то же, и сбежал оттуда, то за каким демоном ему так таиться? Нет никакой нужды! А может, в Замбуле что-нибудь приключилось? Вот если Джунгир-хан потерял свой трон, а визирь остался ему верен, в этом случае он совершенно прав, что не хочет привлекать к себе внимания».

Варвар даже вспотел слегка от усиленных раздумий. Очень уж сложные интриги во дворцах туранских владык! Он не всегда мог разобраться до конца в их хитросплетениях, а поскольку любил во всем ясность и точность, то тонкости поведения всех этих повелителей и их вельмож были для него иногда сродни чародейству. Магию и чародейство он принимал как неоспоримую данность, однако в душе сильно недолго любил. Для его натуры гораздо легче и уж куда приятнее было снести головы десятку противников, чем размышлять о причинах поведения того или иного сановника, от которого зависела судьба многих людей, а часто и его, Конана, дальнейшая жизнь.

«Допить вино и топтать в Гадюшник, вот что надо делать!» — наконец, решил варвар.

Сказать, что он боялся чего-нибудь, было бы, мягко говоря, неверно. Киммериец, несмотря на свой достаточно юный возраст, столько уже повидал в жизни и успел принять участие в таком количестве смертельно опасных предприятий, что удивить его, а тем более напугать было сложно. Дело в другом: если нет крайней необходимости совать голову в пасть дракона, то и не надо этого делать, потому что чужая секира и так тебя найдет. Конан уже собирался последовать мудрому совету, который сам себе и преподнес, как еще одна мысль обожгла его мозг.

«Испарана! Если этот визирь здесь, то она тоже может быть где-то неподалеку. Если

она, конечно, жива, — поправил он себя. — Надо поговорить с Хафаром и все разузнать», — решил он, но тут же засомневался в правильности своего решения, так как вспомнил, что визирь, похоже, напился до синих соплей и вряд ли был способен поведать что-нибудь вразумительное.

«Да и утром, когда проспится, поговорить нам вряд ли удастся, — подумал варвар. — Кто-то следит за ним, и неясно, будет ли еще визирь здесь к восходу солнца, к тому же живой. Надо бы присмотреться, кого это он так заинтересовал».

— Хозяин! — поднял руку Конан. — Что у тебя есть на ужин?

Тот, не выходя из-за стойки, поверх голов толпящихся в таверне людей начал перечислять:

— Баранина, фазаны в имбирном соусе, копченый вилайетский лосось...

— Давай все, — махнул рукой киммериец. До ночи было еще много времени, и неизвестно, что может произойти, а значит, надо подкрепиться как следует. — И еще кувшинчик вина! — Он бросил на стол пару серебряных монет, которые ловко подхватил подлетевший к нему мальчуган.

«Испарана! — продолжало стучать в голове Конана. — Если ей грозит опасность или нужна помощь... Разве я могу бросить ее в беде?»

Отношения между варваром и прекрасной замбулийкой начались с жестокой вражды, но Конан сразу же почувствовал, как неудержимо влечет его к этой женщине, которая так же, как и он сам, могла убить врага легко и непринужденно, не испытывая при этом никаких душевных мук. Конан вспомнил слегка удлиненное лицо с высокими скулами, пристальный взгляд миндалевидных карих глаз, нос с легкой горбинкой и полные чувственные губы, густую копну великолепных, отливавших пурпуром, черных волос.

Ее тело, стройное и сильное, ее благоухающая золотисто-коричневая кожа! Киммериец печально вздохнул.

Конечно, всякий, у кого повернулся бы язык назвать, Конана чувствительным и сентиментальным, оказался бы лжецом или, на худой конец, совершенно не разбирающимся в людях человеком. Киммерийцу, его варварской натуре, такие чувства были незнакомы и даже чужды, но, тем не менее, он вспоминал об Испаране с какой-то непонятной, удивительной для него самой теплотой. Два с лишним года назад, покидая Замбулу, он звал ее с собой, но эта удивительная женщина отказалась. Тогда раздосадованный варвар подумал, что Испарана пренебрегла им, поскольку за помощь в возведении на трон Джунгира она получила титул Соратницы хана и по праву могла считаться первой женщиной Замбулы. В гневе и обиде он поклялся тогда забыть эту паршивую Замбулу и все, что было связано с ней, и прежде всего, Испарану. Но ее-то он как раз забыть не смог. Видимо, так решили боги, и никто из смертных не в силах изменить их решения.

Ожидая, пока ему принесут еду, Конан стал внимательнее приглядываться к людям, заполнившим зал «Туранского сокола». Таверна находилась недалеко от городского рынка, и народ здесь собирался соответствующий: торговцы, погонщики верблюдов, мелкие городские чиновники. В этой толпе киммериец не видел тех, кого искал: почти никто из них не носил оружия, по крайней мере, явно. Было понятно, что все это обычные мирные люди. Наметанный глаз варвара не различал среди них крепких бойцов, которые вполне могли быть переодетыми стражниками или чьими-нибудь воинами.

«Если кричит сорока, — вспомнил варвар пословицу, которую слышал от гиперборейского охотника, — то неподалеку может оказаться медведь. — Он с хрустом

вонзил свои зубы в ножку принесенной ему дичи. — Подожду. Они обязательно придут, клянусь хитроумным Белом!»

Глава пятая

Великий визирь правителя Хоарезма только что получил вести из Замбулы. Там произошел переворот, власть захватил начальник личной охраны Джунгир-хана, капитан Хамер, который и провозгласил себя новым правителем. Теперь Мусаиб — так нарекли визиря при рождении — сидел в мрачном раздумии, даже не чувствуя свежих потоков воздуха, которые навевали на него огромными опахалами двое усердных слуг, стоявших по бокам. Замбула, хотя и находилась далеко от Хоарезма, привлекала пристальное внимание Мусаиба. Дело в том, что он приходился дальним родственником ханской семье, которая управляла этой дальней окраиной Туранской империи.

Пару лет назад Замбула уже побывала на грани государственного переворота. Заговорщикам удалось покончить, с Актер-ханом, тогдашним замбулийским сатрапом, но они не смогли воспользоваться плодами своей победы, и в результате трон достался малолетнему сыну правителя Джунгиру. Мусаиб и не помышлял о том, что родство с Актер-ханом сможет возвести его на трон, пока был жив Джунгир, но теперь положение круто менялось.

«Положим, этот ублюдок Хамер уничтожил законного наследника, — рассуждал сам с собой Мусаиб. — Значит, я имею полное право претендовать на престол Замбулы. Конечно, Илдиз Великий, правитель Турана, вряд ли станет снаряжать войско, чтобы восстановить там порядок, но это можно будет сделать и без его участия. Достаточно того, чтобы наш повелитель не был против меня».

Он потер ладони в предвкушении самой великой удачи своей жизни, но тут же остановился, опасаясь спугнуть столь близкое счастье. Он правитель Замбулы! Дворец, всегда готовые услужить подданные, роскошь! Мурашки побежали по телу великого визиря, когда столь приятные видения замелькали перед его мысленным взором. Хан Замбулы! Это звучит! Конечно, от добра добра не ищут, как говорит пословица. Он и здесь не последний человек, его даже знает сам правитель Илдиз. Но одно дело быть сановником императора, а совсем другое — самому стать ханом.

«А если мальчишке удалось бежать? — неожиданно спохватился он. — Тогда, без всякого сомнения, он будет собирать своих сторонников, чтобы вернуть трон».

Мусаиб выпрямился в кресле и расправил затекшие плечи. Он и не заметил, что просидел все это время почти неподвижно. Вытянув вперед длинные ноги, визирь продолжал размышлять дальше. Конечно, простолюдин и ублюдок Хамер долго не продержится, пока живы законные наследники.

Мусаиб был уже немолод и очень многое повидал за свою жизнь. Он знал, что редкий самозванец может удержаться на троне. Имея перед глазами удачный пример, такие же выскочки, безусловно, захотят занять его место, и Замбулу ждут смутные времена с кровавыми переворотами, казнями и войнами. Чернь и ловкачи, отирающиеся близ трона, будут поддерживать сначала одного, потом легко предадут его ради следующего претендента, в основном желая пограбить и погреть руки во время переворота, и это будет продолжаться до тех пор, пока не вернется настоящий правитель ханских кровей. Либо же Илдиз

Туранский, потеряв терпение, вмешается и сам назначит нового сатрапа.

Если же Джунгир-хан сумел сохранить свою голову, то куда он может направиться? Конечно же, сюда, в Хоарезм, где будет просить помощи у своего родственника, у него, могущественного визиря Мусаиба.

— Нужно это мне? — Визирь заговорил вслух. — Нет, совсем ни к чему. Даже одно его появление здесь будет вредно для меня. Значит, мальчишку придется убрать по-тихому, чтобы никто больше о нем и не слышал никогда. — Мусаиб усмехнулся. — А поможет мне в этом Мизра.

Он хлопнул в ладоши, вызывая своего управляющего, и через несколько минут уже ехал в закрытой коляске по крутой дороге, что вела в горное селение, где жил Мизра.

Он был колдуном, и визирь нередко пользовался его услугами, стараясь, чтобы их отношения не особенно бросались в глаза окружающим, а самое главное, чтобы о них не знал повелитель. Он может заподозрить неладное, и тогда прощай все: и сан великого визиря, и богатый дворец, и, не исключено, сама жизнь.

Глава шестая

Конан оказался прав: не успел он еще разделаться с ножкой фазана, как в таверну вошел, гремя доспехами, стражник.

В этом не было ничего необычного, зашел себе стражник и зашел, мало ли, захотелось горло промочить или взглянуть, все ли в порядке. Но то, что это был не простой солдат, судя по знакам отличия, и то, что он подошел к хозяину и тот долго шептал ему на ухо, — все это натолкнуло варвара на вполне понятный вывод: те, кого он ждал, начали действовать. В планы киммерийца не входило, чтобы кто-то помешал ему поговорить с визирем, поэтому он поднялся из-за стола и спокойно направился к выходу, стараясь, чтобы его меч под плащом не особенно бросался в глаза.

Выйдя на улицу, он увидел еще трех стражей порядка, стоявших неподалеку от таверны.

«Так, — подумал он, — похоже, моего бывшего знакомца ждет подземелье, не иначе, клянусь замороженным задом Имира!»

Конан прогулялся по площади, заглянул в близлежащие переулки и в одном из них заметил крытую повозку, запряженную парой лошадей, около которой стояли четверо, по виду переодетые солдаты. Их накидки не могли скрыть спрятанного под ними оружия.

«Ого! — удивился варвар. — Видно, Хафар кому-то сильно нужен. Вот только кому?»

Нужно было принять верное решение. То, что визирь не должен попасть в лапы стражников, было ясно, но как это проверить? Возвращаться в таверну и попытаться помешать его аресту? Киммериец подумал немного, меряя шагами проулок, и в конце концов отверг эту мысль. Во-первых, сам Хафар ему не помощник, потому что он вряд и очнулся. Спит, небось, как бревно. Во-вторых, может начаться большой переполох, и тогда сюда сбегутся не только стражники, но и просто зеваки с половины Шангары. В этом случае придется спасаться самому. К тому же его и так уже могут искать, если кто-то связал ограбление акитского купчика с пребыванием варвара в «Ослином копыте»...

Конан остановился, на мгновение глубоко задумавшись...

Так часто бывает в таких случаях, вмешалось само провидение. Стоявшие около повозки люди обратили внимание на прошедшего мимо них варвара.

— Это еще что за вошь? — задал кто-то совершенно глупый вопрос. Уж на кого-кого, а на насекомое молодой варвар не смахивал никоим образом. — Что этому ублюдку тут надо?

— Идите и спросите, — кивнул один из них, видимо старший, двоим солдатам.

— Эй ты, постой! — Стражники шагнули к киммерийцу.

Варвар, не оглядываясь, ускорил шаги, намереваясь свернуть за ближайший угол.

— Стой, кому говорят! — Солдаты пустились бегом. — Стой, дубина!

Они выскочили из переулка, но никого не обнаружили.

Шагах в пятидесяти от них в свете фонарей виднелись базарная площадь и таверна «Туранский сокол», около которой было пустынно, и больше ничего, только высокие изгороди и огромные стволы старых смоковниц, стоявших вдоль улицы.

— Не может быть! — изумился один из преследователей, — Он что, растворился или улетел по воздуху? Клянусь Эрликом, мгновение назад видел его своими глазами...

Варвару, притаившемуся в густой листве, было хорошо видно обоих солдат. Он крепче обхватил ногами толстую ветку, на которой лежал, и, прицелившись хорошенько, метнул одного из них кинжал. Страж захрипел и стал оседать на землю. Второй солдат поднял вверх голову, и в этот миг что-то огромное с шумом свалилось на него с дерева. Конан, не давая противнику опомниться, двумя ударами кулака размозжил ему голову и вскочил на ноги.

Затем он выдернул кинжал из шеи солдата и вытер его лезвие плащом второго стражника. Оттащив оба трупа поближе к забору, киммериец мягкими шагами двинулся вперед и осторожно выглянул из-за угла. Двое оставшихся солдат стояли около повозки, занятые своим разговором.

Расстояние до них было слишком большим, чтобы убить хотя бы одного из них, метнув нож. Киммериец отпрянул назад и прижался к забору, ожидая, как развернутся дальше события.

— Где же они? — услышал он голос старшего. — Сходи-ка, поторопи этих ленивых обезьян.

Конан подпрыгнул вверх, не ожидая, пока посланец завернет за угол, и, подтянувшись на руках, вскарабкался на кромку ограды. За забором находился чей-то сад, в глубине которого виднелось невысокое каменное строение с освещенными окнами. В саду, на его счастье, никого не было. Киммериец спрыгнул вниз и побежал по саду к тому месту, где стояла коляска, стараясь не производить никакого шума.

Он не опасался, что его услышат с улицы, но вот если хозяева обнаружат у себя в саду незваного гостя, это могло испортить все дело. Однако если боги благоволят к тебе, то уж во всем: Конан промчался по саду, никем не замеченный, и, снова уцепившись за кромку ограды, подтянулся и посмотрел на улицу. Он проскочил место, где стояла повозка, шагов на двадцать и теперь не мог рассмотреть, что происходило за ней.

«Ну, это и к лучшему, — спрыгивая с забора, пробормотал под нос варвар, — во всяком случае, меня с этой стороны никто не ждет». Он приготовился, если будет нужно, мгновенно выхватить меч и крадучись направился к повозке. Пригнувшись, киммериец увидел только одну пару сапог, почти закрытых него колесами и лошадиными ногами. Сапоги стояли пятками к нему и не двигались. Видимо, старший смотрел в том направлении, куда отправил своих солдат. Конан, подкравшись поближе, схватил под уздцы одну из лошадей и заставил ее шагнуть назад. Удар заднего борта чуть не сбил человека с ног.

— Что вы там вытворяете, ублюдки!

Старший вылетел из-за повозки, но его встретил кулак киммерийца. Икнув, солдат

пошатнулся и наверняка грохнулся бы на землю, но варвар поддержал его, а затем, долбанув еще раз по темени, поднял наверх и посадил на козлы, прислонив к передней стенке повозки. Теперь издалека он вполне мог сойти за вздремнувшего кучера. Оставался еще один солдат, которого послали посмотреть, в чем дело. В это время в переулок с противоположной стороны зашли трое подвыпивших гуляк. Они заняли почти всю ширину проулка, и варвару пришлось прижаться к телеге, чтобы дать им пройти. Веселая компания даже не заметила киммерийца, с жаром обсуждая какое-то событие, приключившееся с одним из них. Перебивая друг друга, они шумно спорили. Каждый, как бывает в таких случаях, громко излагал свои мысли, не обращая внимания на собеседников. В это время из-за угла вылетел посланный старшим солдат и с разбегу наткнулся на спорящих.

— Ты что, слепой? — покачиваясь, спросил один из них.

— А ну тебя! — отмахнулся солдат, намереваясь бежать дальше.

— Нет, погоди, — схватил его за руку другой пьяниа, — ты толкнул моего друга!

— Ну, берегись! Сам напросился! — рассвирепел страж отработанным движением вмазал в ухо заступнику, от чего тот покатился в дорожную пыль, сбитый с ног крепким кулаком.

Солдат отвернулся на мгновение, но сзади получил шуточный удар по шее от третьего приятеля, и тут же первый повис у него на руке, не давая возможности выхватить оружие.

— Сахмет! — крикнул солдат, призывая на помощь командира.

— Бегу! — отозвался Конан и рванулся вперед, выдергивая на ходу меч из ножен.

Увидев бегущего к ним человека со сверкающим клинком, пьяная компания бросилась наутек, оставив солдата, который не сразу сообразил, вглядываясь в выросшего рядом с ним киммерийца, кто это такой и почему он прибежал на его зов вместо командира. Конан быстро покончил с его размышлениями, с ходу всадив ему в живот меч чуть ли не по самую рукоятку. Внутри у бедняги что-то булькнуло, и он рухнул на землю, пытаясь скрюченными пальцами зажать ужасную рану, из которой уже вываливались внутренности. Вторым ударом варвар прекратил его мучения, потом подхватил труп и швырнул его в придорожную канаву, чтобы не сразу бросался в глаза.

Конан вернулся к повозке. Командир, изображавший кучера, сидел на своем месте, лошади спокойно стояли, иногда мотая головой, чтобы отогнать мух. Надо было действовать дальше, но что нужно теперь сделать, киммериец пока не представлял. Вдруг со стороны площади послышались частые шаги, и Конан увидел бегущего к нему человека, в котором узнал стражника, заходившего в таверну.

За ним, спотыкаясь и ругаясь вполголоса, бежали еще трое, таща на плечах какой-то предмет. Конан отступил на пару шагов, готовясь, если потребуется, принять бой, и уже прикидывал, кому из них нанести первый разящий удар.

Увидев киммерийца с мечом, бегущий впереди — а это был начальник базарной стражи Гоухар, торопившийся выполнить поручение своего начальника, — замахал руками и негромко спросил:

— Тебя прислал Азатбахт?

Конан кивнул, не спуская с него настороженного взгляда. Гоухар, довольный, что все прошло хорошо, даже не обратил внимания на того, с кем говорит, и приказал своим людям:

— В повозку его, живо!

Подбежавшие стражники сбросили ношу с плеч на руки и, открыв дверцу, как бревно, пропихнули в повозку длинный кожаный мешок. Варвар, который уже понял, что, а вернее,

кто в мешке, нагнулся к уху Гоухара и свистящим шепотом спросил:

— Он не сопротивлялся?

— Где ему! — гордо ответил начальник стражи. — Мой человек надежно его усыпил.

Конан, не говоря ни слова, прошел вперед, прыгнул на козлы и, поддерживая мертвеца, чтобы тот не рухнул, тронул вожжи:

— Пошли!

Лошади резво взяли с места. Повозка, набирая ход, пошла по проулку, оставив позади донельзя довольного собой Гоухара, потиравшего руки от удовольствия, что он как нельзя лучше выполнил поручение. Сам того не зная, киммериец отсрочил на некоторое время его гибель, ибо Азатбахт приказал своим переодетым солдатам прихватить Гоухара с собой, чтобы отправить в подвал, в компанию к старикашке-шпиону. Собственно, его несколько и не волновал вояка-неудачник, он просто гнал повозку подальше от таверны и остановился только один раз, чтобы сбросить в канаву мешавшего ему покойника.

Глава седьмая

Дом Мизры был огромным, красивым и крепким, он стоял за высоким каменным забором, из-за которого с дороги было невозможно разглядеть, что находилось внутри. Проезжающий мимо мог заметить только пышные кроны деревьев, да кое-где проглядывавшую сквозь ветви красную крышу из офирской черепицы. Одним словом, это был не дом, а, скорее, крепость.

Соскочив с козел, слуга постучал в ворота условным стуком, и через некоторое время они со скрипом отворились, пропустив внутрь коляску с визирем. Мусаиб спрыгнул на землю и увидел, что на крыльце дома стоит человек, для встречи с которым он проделал столь долгий путь, маг и чародей Мизра.

Колдун был осанистым мужчиной среднего роста, как, впрочем, и большинство туранцев. Его квадратное лицо с окладистой бородой и черными, широко расставленными глазами отличалось благообразием и величавостью. Борода и короткие жесткие волосы на голове отливали благородной сединой,

— Рад видеть тебя, почтеннейший, — приветствовал визиря колдун, слегка поклонившись гостю. — Что привело тебя ко мне? Вижу, какие-то сложные дела оставили печать тревоги на твоём челе.

«Он что, мысли читает?» — в очередной раз спросил себя Мусаиб, который никак не мог привыкнуть к этому, хотя знал колдуна далеко не первый год.

— В жизни моей могут произойти серьезные перемены, и я хотел бы получить твой совет, — осторожно ответил визирь.

— Чем слабый колдунишка может помочь столь умному и могущественному мужу? — еще раз поклонился Мизра, пропуская гостя вперед, в большой, освещенный скудным светом двух светильников, зал, вдоль которого по стенам были расставлены всевозможные диковинные вещицы и приспособления для магических обрядов.

Мусаиб в отличие от хозяина был рослым. Когда он входил в зал, ему пришлось даже слегка нагнуть голову, чтобы не удариться о притолоку. Несмотря на свое высокое положение, которое предполагает, как правило, обжорство и, следовательно, некоторую тучность, визирь был невероятно худощавым, а если называть вещи своими именами,

попросту тощим. Его роскошные одежды болтались на нем, как на вешалке, и жители Шангары за глаза звали его Костяком. Заложив руки за спину, Мусаиб, как цапля, вышагивал вслед за Мизрой, направляясь к огромному дивану, полукругом завершавшему дальнюю стену зала.

— Что же привело тебя ко мне? — еще раз задал свой вопрос маг, когда они уселись на диван.

— Не знаю, как и сказать, — слегка замялся визирь.

Махнув рукой, он начал издалека:

— Мы с тобой совместно провернули немало дел, и я всегда высоко ценил твои способности и острый ум.

Колдун склонил голову в знак того, что согласен с такой оценкой собственной персоны. Много из того, что сейчас лежало в сундуках в дальней комнате этого дома, было платой Мусаиба за его, Мизры, помощь. В городах Турана нередко случалось так, что один фаворит уступал место другому, и сами сатрапы далеко не всегда были уверены, что их место закреплено за ними навечно. Тот, кто еще вчера ездил в сопровождении отряда охранников и часто трапезничал с самим повелителем, завтра мог очутиться в далеком горном селении. А если совсем не повезет, то и в пыточных подвалах или отдельно от своей головы на помойке, в то время как бывшая верхняя часть его тела будет уныло взирать на прохожих с высокого шеста на городской площади до тех пор, пока воронье, солнце и дожди не отполируют до блеска кости черепа.

Так что изменения никого не удивляли, но требовалось приложить немало усилий, чтобы они происходили, когда и где это было нужно. Вот этой столь важной для Мусаиба стороной и занимался по мере своих сил Мизра с тех самых пор, когда молодой отпрыск знатного замбулийского рода только появился в Шангаре. Они быстро сошлись, начинающий маг и ханский смотритель, и с тех пор работали рука об руку. С того времени в городе произошло множество событий. К некоторым из них как раз и имели отношение способности и ум Мизры, как совершенно справедливо подметил визирь. То сборщик податей правителя вдруг заболел непонятной болезнью и умирал в страшных судорогах, а сатрап Шангары назначал на его должность мало кому известного здесь Мусаиба. Потом неожиданно свалился с коня в пропасть во время охоты ханский казначей, и на его место передвинулся опять все тот же ловкий и еще довольно молодой в ту пору человек.

На каждом месте нынешний великий визирь, как и любой чиновник в здешних местах, себя не забывал, но кое-что — и немало! — отходило скромному чародею, уединенно жившему в горах Ильбарс, вдали от шумного города.

Когда же Мусаиб стал визирем у повелителя Шангары, то колдун зажил и вовсе хорошо. Мало у кого из местных вельмож были такой большой дом и роскошный сад с мраморными дорожками, фонтанами и стаяй павлинов с радужными хвостами.

— Дело в том, — продолжил свою речь визирь, — что появилась возможность... Я прямо тебе скажу об этом, какие тайны между нами! — усмехнулся он и повторил — Появилась возможность переехать жить в Замбулу.

— В Замбулу? — скривился Мизра. — В эту пустыню? Что мы там потеряли?

— Нет, ты послушай, — с жаром обратился к нему Мусаиб и рассказал историю о перевороте, которую утром принес ему гонец из Замбулы.

— А ты уверен, что, кроме тебя, больше нет законных наследников? — Теперь пришла очередь усмехнуться колдуну. — Или, скажем так, почти законных претендентов?

— Вроде бы по линии Актер-хана других наследников не осталось.

— Это мы сейчас проверим. — Колдун хлопнул в ладони и приказал вошедшему слуге

— Никого к нам не пускать.

Когда слуга вышел, он собственноручно задвинул засов на двери и, вытащив кинжал, подошел к визирю:

— Давай левую руку!

— Что ты хочешь делать? — забеспокоился Мусаиб.

— Не бойся, не зарежу, — успокоил визиря маг, быстро провел острием клинка по его предплечью и собрал немного крови в изящную серебряную чашу.

Затем колдун замотал место пореза шелковой тряпкой, подул на нее и снял повязку — кожа визиря была гладкой, не осталось даже небольшого шрама.

— Теперь смотри! — приказал ему чародей, капая несколько капель крови в стеклянный сосуд, стоявший на бронзовом треножнике. Сосуд имел форму шара и был очень большим, туда вполне мог поместиться бочонок вина.

Кровь потекла по внутренней поверхности сферы, и сосуд начал заполняться розоватым дымом, местами сгущавшимся в более темные образования, которые напоминали облака.

— Я ничего не вижу, клянусь Эрликом! — воскликнул визирь.

— Не торопись, смотри внимательнее, — ответил колдун.

Темно-красные сгустки начали приобретать очертания людей, которые двигались по внутренней поверхности шара, перебирая ногами, словно мухи.

— Посмотри, может быть, узнаешь кого-нибудь, — предложил ему Мизра.

Визирь придвинулся поближе к сфере и сощурился, пытаясь различить черты лиц этих созданий.

— Вижу! — вдруг радостно закричал он. — Вот он!

— Кто?

— Этот мальчишка, Джунгир-хан... — Визирь осекся. — Значит, он жив?

— Выходит, что так, — спокойно ответил Мизра. — А из остальных никто тебе не знаком?

— Почему я должен знать эти твои привидения?

— Потому что это отражения духов твоих кровных родственников.

— Что, так много? — упавшим голосом спросил Мусаиб.

— Не совсем, положим, — медленно проговорил колдун, — это твои кровники до пятого колена из тех, кто сейчас жив.

— Ну, напугал... — Визирь вытер пот со лба. — Я уж думал...

— Тебя ведь интересуют потомки по мужской линии из рода, к которому принадлежали вы с Актер-ханом?

— Да, да, — радостно закивал визирь, втайне надеясь, что их будет гораздо меньше, чем этих, похожих на муравьев, ползающих по стеклу.

— Для этого надо еще кое-что сделать. — Мизра плеснул в сферу немного жидкости из хрустального флакона.

Внутри сферы закружился вихрь из красноватых фигурок, которые потеряли очертания людей, превращаясь снова в сгустки, только теперь они приобрели ярко-фиолетовый цвет. Сгустки собрались в один большой шар, он повис в центре стеклянного сосуда, временами внутри него вспыхивали огоньки, они разгорались все ярче и ярче, так что визирь прикрыл глаза от слепящего света, потом пламя уменьшалось, затихая, огни мерцали, как падающие

звезды на темном небосводе.

Маг нараспев произнес несколько заклинаний и внезапно, засунув руку в сосуд, выхватил фиолетовый шар, который, словно живой, изменял свою форму, то вытягиваясь в длину, то вновь превращаясь в почти идеальную сферу.

— Протяни руки! — приказал Мизра.

Визирь, как во сне, выполнил приказание, и маг положил ему на ладони колдовской шар. Мусаиб чуть не закричал, когда почувствовал, что студенистое вещество начинает протекать сквозь сомкнутые ладони и, падая на каменный пол, превращается в стеклянные шарики, которые со звоном начали подскакивать, как будто магическая сила дергала их за невидимую нить. Сначала шариков было много, но потом часть из них с легким звоном испарилась, а остальные все увеличивались и увеличивались в объеме. Мусаиб стоял, расставив руки и боясь пошевелиться, тупо глядя вниз на оставшийся шар, который прекратил свои прыжки и вращался на месте, как будто отдыхая после бешеной скачки.

— Тебе повезло, — словно сквозь туман услышал он голос Мизры, — по линии Актерхана остался только один родственник. Ты последний после этого мальчика.

— Что же делать? — растерянно спросил визирь, будто сам не продумывал чуть раньше свои действия.

— Пожалуй, ты прав, — услышал он в ответ, — надо готовиться к переезду в Замбулу. Ты станешь там сатрапом, а я буду скромно жить под твоим крылом.

Глава восьмая

Убедившись, что погони за ним нет, киммериец замедлил бег лошадей, чтобы не привлекать излишнего внимания грохотом колес по ночным улицам Шангары. Через некоторое время тенистые аллеи и красивые дома сменились покосившимися заборами и узкими кривыми улочками.

«Ну, вот и Гадюшник, — удовлетворенно отметил про себя варвар, пустив лошадей шагом, потому что здесь недолго было угодить в канаву или яму, если не следить внимательно за дорогой. — Надо бы где-нибудь остановиться. Эх, жаль, что я не в Шадизаре!» — посетовал он, пристально оглядывая покосившиеся ограды и низкие убогие строения — лачуги местных босяков.

Конан не напрасно вспомнил милый его сердцу Шадизар. Там, в Пустыньке, каждый его знал. Если не лично, то уж, по крайней мере, все слышали о гиганте-киммерийце, и в любом проулке он мог схорониться так, что никто не смог бы его отыскать. Здесь, в Гадюшнике, он не опасался встретить стражников или солдат, потому что, как и в шадизарской Пустыньке, те не совали нос в это скопище лачуг и сараев, где запросто могли сгинуть без следа. С высоты козел варвар заметил справа от себя неяркий свет. Горел масляный фонарь или факел. Привстав, киммериец попытался определить, как туда можно проехать, и, немного поплутав в паутине проулков, выехал к глиняной ограде с воротами, сквозь щели которых пробивался свет и слышались голоса людей. Конан спрыгнул с повозки и постучал в ворота. Голоса мгновенно стихли, послышались шаги, в воротах отворилась узкая дверь.

— Кого там демоны несут? — В образовавшуюся щель просунулась нечесаная голова, принадлежавшая невысокому человечку, может быть, даже карлику.

— Нам нужен ночлег на одну ночь, — ответил варвар, согнувшись чуть не до пояса,

чтобы оказаться вровень с говорившим.

— Ночлег? — Человечек пошлепал губами и оглядел киммерийца. — А откуда ты взялся, такой длинный?

— Из Киммерии, — ответил варвар.

— Это еще что такое? — любопытствовал карлик.

— Страна на Полуночи, далеко отсюда.

— Забавно... — Губы существа растянулись в подобии улыбки. — Ни разу не слышал...

— В мире есть много вещей, которые нам до поры неизвестны, — буркнул варвар, начиная терять терпение. — Так тыпустишь нас на ночлег?

— А что я получу взамен, дубина ты киммерийская? — Черные глаза со странноватым блеском уставились на Конана.

— Отдам тебе повозку и лошадей, — сделал широкий жест киммериец, решив не обращать внимания на столь невежливое обращение.

— Небось, все это краденое?

— А тебе-то что от этого, туранская вошь? — усмехнулся варвар. — На них же не написано, чье это. Покупателей найдешь, не сомневайся.

— Туранская вошь, говоришь? — захихикал странный человечек. — Ну, ладно, тогда заходи. — Он повозился с засовом, и ворота начали медленно отворяться.

Конан повернул лошадей, и повозка, подпрыгнув на бугорке у въезда, вкатилась во двор. Шагах в пятидесяти от ворот стояло длинное деревянное строение, снаружи больше похожее на хлев для скота, чем на жилище человека: вместо дверей были большие ворота, под самой крышей поблескивала в скудном свете зажженных факелов пара узких окон. Но не дом, а сам двор поразил варвара: почти все пространство было заполнено множеством невысоких человечков, которые сидели на корточках и смотрели на въезжающую повозку такими же блестящими черными глазами, как и у открывшего ворота карлика. Их растрепанные волосы торчали во все стороны, словно иголки ежа.

«Нергал мне в печень! — выругался варвар. — Что это за люди? И люди ли они, вот в чем дело».

Он оглянулся назад, уже жалея, что сунулся в это логово, но ворота закрылись. Карлики сидели смирно, вполголоса переговариваясь между собой, и, видимо, ожидали, когда заговорит их предводитель. Конан, остановив лошадей, напряженно ждал, что последует дальше.

— Он просит ночлега! — объявил, подняв правую руку, впусивший варвара человечек, и только тут киммериец увидел, что у него всего три пальца, но зато неестественно длинных и с большими загнутыми ногтями.

«Вот вляпался! Кажется, опять какая-нибудь магия... — Варвар приготовился к возможным осложнениям. — Смыться бы отсюда!» Он хотел слезть с повозки, но словно неведомая сила сковала его волю, и он продолжал сидеть не двигаясь.

— Пусть ночует, — равнодушно выдохнула толпа.

— Иди туда! — Карлик указал киммерийцу на сарай.

— Я не один, — ответил Конан, спрыгивая с повозки и направляясь к ее заднему борту.

У варвара исчезло малейшее желание что-либо менять, и он продолжал делать все так, словно ничего странного не происходило. Он открыл дверцу, вытащил оттуда кожаный мешок и положил его на землю. Карлики, поднявшись, маленькими шажками придвинулись к нему и столпились полукругом, безмолвно глядя на мешок блестящими черными глазками. Конан,

не обращая на них внимания, вытащил кинжал и распорол мешок по шву. Хафар спал, как ни в чем не бывало, посвистывая носом.

— Ух, ты! — единодушно вздохнули человечки. — Он возит с собой запасное тело!

— Вы что, спятили? — рассердился варвар. — Это другой человек, шакальи задницы!

— Ха-ха-ха! — покатались со смеху карлики. — Шакальи задницы, — повторяли они друг дружке с таким воодушевлением, будто киммериец сказал им что-то необычайно приятное.

Он взглянул на лежавшего перед ним человека и похолодел. Крохотные монстры были правы: перед ним на земле спал вовсе не Хафар, а он, Конан! Варвар заглянул в повозку, но там больше никого не было.

— Где же Хафар? — растерянно обратился он к карлику.

— Хафар! Хафар! — снова захихикала толпа.

«Кто-то из нас спятил, и, скорее всего, я, — пробормотал про себя Конан и, не представляя, что еще может сделать, поднял своего двойника на руки и понес к сараю. — Ладно, если уж я вступил в этот зверинец, надо идти до конца, а там будь что будет».

Когда киммериец со своей ношей подошел к воротам, те сами собой распахнулись, и он увидел вполне приличное и чистое помещение со стоящим у стены широким топчанином. Небольшой масляный фонарь, прикрепленный к стене, освещал этот зал, в котором больше не было никаких выходов в другие комнаты. Конан перешагнул порог, ворота начали медленно закрываться за ним, а во дворе он услышал нарастающий тихий шум, похожий на шелест листвы под порывами ветра. Он бросил взгляд за спину и через узкую щель еще не совсем захлопнувшихся ворот увидел такое, что его длинные волосы поднялись дыбом: повозка, на которой он приехал, раздулась в шар громадных размеров, его поверхность подрагивала, как бы дыша, и лошади, притянутые оглоблями, расплющились по нему, словно вытканые на ковре.

Подойдя к топчану, он бросил тело на подушки и стал бить его по щекам, надеясь, что сейчас человек проснется, он увидит, что это Хафар, и наваждение исчезнет. Его двойник действительно проснулся, сел и тупо уставился на него.

— Хафар!

Рот Лже-Конана открылся, он шевелил губами, словно произнося неслышимые слова.

«Это сон, — догадался киммериец, — сейчас я проснусь, и все будет в порядке!»

Он ущипнул себя за щеку, но ничего не изменилось. Его двойник продолжал что-то горячо говорить, но звуки голоса были не слышны варвару.

«Призрак! — мелькнула мысль. — Эти гаденыши подсунули мне призрака...»

Он толкнул двойника в грудь, но ощутил упругую и сильную плоть и тотчас же почувствовал ответный увесистый удар.

— Ах, ты, ублюдок! — Варвар выхватил меч, намереваясь своим коронным ударом слева наискось разрубить пополам это порождение темных сил.

Лже-Конан с быстротой молнии тоже выхватил меч, причем киммериец отметил про себя, что его клинок был таким же длинным и широким, как у него, и отбил удар.

Они разошлись по углам зала, напряженно глядя друг на друга и выбирая миг, чтобы нанести разящий удар. Противник раскрыл рот в беззвучном крике и бросился на Конана. Выпад был хорош, но варвар увернулся и сам нанес ответный удар. Мечи, встретившись, высекли сноп искр. Бойцы были достойны друг друга. Они, словно коршуны, кружили по залу, внезапно бросаясь на врага, но атаки отбивались с тем же проворством, с каким

наносились удары. Отбивая десятую или двадцатую атаку — варвар уже не мог сосчитать какую — и, бросаясь вперед, он вдруг с ужасом понял, что не слышит звона клинков, хотя от тех ударов, которые они наносили, должен был стоять грохот, как в кузнице.

«Великий Кром! Я же бьюсь сам с собой, — догадался Конан. — Эти огрызки хотят, чтобы я убил себя...»

Он остановился и вложил меч в ножны, то же самое сделал его противник.

«Я каким-то образом раздвоился, — хмуро обдумывал свое положение киммериец. — И что же мне теперь делать?» Лже-Конан стоял в такой же позе, и, казалось, был поглощен теми же думами.

«Пес с ним, с этим визирем, — решил варвар, — теперь не до него... — Он поднял глаза на двойника и встретился с таким же напряженным ответным взглядом, от которого по спине побежали мурашки. — Кто же из нас я сам?»

От таких мыслей и у более искушенного в магии человека мозги могли расплавиться, но у варвара было несомненное преимущество перед многими — он был человеком действия.

«Я делаю то же, что и этот, другой, — мелькнула в голове Конана мысль, — значит, нам надо действовать вместе!»

И это было единственно верным решением. Он бросился к воротам и стал дубасить по ним кулаками. Звуков он не слышал, но створки дрожали, как под ударами молота кузнеца, нет, двух кузнецов, потому что двойник с таким же рвением повторял его действия.

— Открывайте, ублюдки! — орал варвар, и стоящий рядом тоже открывал и закрывал свой рот, повторяя его слова.

Створки ворот начали поддаваться, прогибаясь все сильнее и сильнее. Конан навалился на них всем телом, и они рухнули вперед, произведя ужасный грохот и подняв тучи пыли. Варвар, не удержавшись на ногах, вылетел во двор и растянулся на земле. Он поднялся, выплевывая песок изо рта и дико озираясь по сторонам. Ночь прошла, и рассветные лучи уже золотили узкую полосу на востоке, свежий утренний ветерок приятно охлаждал разгоряченное лицо.

«Где же двойник?» — киммериец ошарашено оглядел пустынный двор.

Рядом с ним не было никого: ни Лже-Конана, ни карликов, которыми был заполнен ночью весь двор. Зато слева от себя он обнаружил небольшой, покосившийся от времени домик, который почему-то не заметил вчера. Дверь со скрипом открылась, оттуда показалась фигура сгорбленной старухи. Кряхтя и протирая заспанные глаза, карга выбралась наружу и заковыляла к киммерийцу, опираясь на клюку.

— Проснулся? — скрипучим голосом спросила она варвара. — А твой приятель еще дрыхнет, что ли?

Конан смотрел на нее, как на привидение, вспоминая события, происшедшие с ним этой ночью. Он не понимал, что это было, сон или явь... И он ли это вообще был...

— Что вчера произошло со мной, и почему я здесь?

Киммериец вздрогнул, услышав позади себя голос, и мгновенно обернулся.

Великий визирь Замбулы в поношенной одежде, с заспанным и слегка опухшим лицом, стоял в проеме сарая, зевая и потягиваясь.

В который раз уже перстень с золотым павлином ускользает от него! Махтар давно выслеживал этот перстень, еще с тех пор, как он пропал при странных обстоятельствах у эрукского чародея Дзин Аллала. Магические книги подсказали ему, что эта сабатеяская реликвия покинула Шем и попала в Замбулу, потом следы кольца затерялись, и, наконец, он снова вышел на него. Осталось немного. Нужно было, чтобы кто-то отправил на Серые Равнины его обладателя, и тогда сокровище окажется у него в руках! Но как могло такое случиться?! Торговец благополучно перешел в иной мир раньше, чем Махтар смог устроить это дело, а, перстень опять исчез непонятно куда.

Чародей сидел, задумавшись, над своими волшебными книгами, пытаясь отыскать новые пути, которые могут помочь ему снова напасть на след вожака сокровища.

— Может быть, его ухитрилась стащить старая карга Эноха? — подумал он вслух, но тут же отверг свою догадку. — Вряд ли, ее жалких колдовских сил на такое не хватит, хотя близко подобраться она к нему может. Все же попробую выведать у нее, может, она, по крайней мере, что-нибудь знает.

Перстень позарез был нужен Махтару. В последнее время — он чувствовал это на своей шкуре — в Шангаре появилось слишком много чародеев. Иногда совершая даже обычные обряды, которые раньше давались ему без труда, он натыкался на противодействие сил, явно приведенных в действие другими колдунами, причем куда более могущественными, чем он. Задуманное срывалось, приводя мага в бешенство. Ему до смерти надоело потрошить коноводов со своим поделником Бехрузом: денег мало, а хлопот много.

Обладая он перстнем, все эти выскочки не смогли бы ему помешать. Тогда можно было бы творить большие дела, хвала Сабатее! Кольцо с золотым павлином обладало огромной силой, но привести ее в действие могли только несколько магов в мире. У обычных смертных и даже у непосвященных колдунов эта вещь была бы простым украшением. Иной обладатель сокровища и не подозревал, что он носит на пальце.

К несчастью для Махтара, он не мог овладеть кольцом, убив его хозяина или купив эту реликвию. По заклятию оно переходило к нему, не теряя своей силы, только в единственном случае: если он снимет его с пальца мертвеца, но убивать его сам не должен. И вот так получилось, что он все подготовил, уже готов был наемный убийца, а кто-то возьми и опереди его! Было отчего рвать на себе волосы...

— Кто это сделал? — в который раз спрашивал он себя, но разве отыщешь обидчика среди тысяч людей, наводнивших Шангару к празднику Эрлика?

Хуже всего было то, что три дня после перемены владельца определить место, где находился перстень, невозможно даже по его магическим книгам. Потом на их страницах будет начертано, что он плывет где-нибудь по морю Вилайет или направляется с караваном в Стигию или, того хуже, в Вендию. Ищи-свищи, выслеживай! Так уже бывало. Колдун чуть не завыл от обиды, когда явился в «Ослиное копыто» и увидел, как два охранника пытаются выломать дверь в покои своего господина. У него сразу неприятно засосало под ложечкой, и предчувствие, увы, не обмануло колдуна. Перстень Сабатеи исчез. Очухавшийся стражник был настолько парализован пережитым ужасом, что не мог сказать ничего вразумительного. Единственное, что он помнил — это глаза, холодные синие глаза напавшего на них человека.

«Делать нечего, — решил маг, — придется сходить к этой старой сопле. Может быть, сумею перехватить след еще здесь, в Шангаре, пока не поздно».

Довольный собой, Гоухар со своими стражниками возвращался в «Туранский сокол», где намеревался отметить свою блестящую победу кружкой вина. Вдруг один из его подчиненных, громко икнув, дрожащим пальцем указал на что-то темное, лежавшее в канаве.

— Чего ты там увидел, сучий хвост? Тебе что, сам Нергал мерещится? — хохотнул его начальник.

Однако, когда они вытащили из канавы труп вооруженного человека, Гоухар мгновенно перестал веселиться, в душе у него что-то противно заныло от недоброго предчувствия, зубы начали выбивать мелкую дрожь, а ладони стали мокрыми и липкими. Мертвеца он прекрасно знал — это был один из подручных Азатбахта.

Перед его глазами возник образ человека, которому он отдал мешок с телом плененного визиря, и Гоухар вдруг с ужасом понял, что раньше никогда его не видел.

Он тут же приказал стражникам прочесать ближайшие переулки, но лишь укрепился в своем подозрении: он отдал Хафара неизвестно кому. Три трупа людей его командира могли означать лишь одно: за его голову теперь никто не даст и высохшего таракана. Азатбахт такие промахи не прощал. Никогда и никому. Помертвевший от леденящего душу страха Гоухар застыл на месте, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Казалось, он окаменел, и лишь вставшие дыбом волосы еще жили своей, отдельной жизнью...

* * *

— Как мы сюда попали, бабка? — довольно грубо спросил киммериец, который после событий прошедшей ночи не доверял никому, и даже себе.

— Вы попросились на ночлег, — прошамкала старуха, — я вас и пустила по доброте своей. Ты мне еще обещал хорошо заплатить.

Конан пошарил в кошельке и вытащил пару первых попавшихся монет.

— Хватит?

— Конечно, золотой ты мой! — Старуха неуловимым движением смахнула серебро куда-то в складки своего широкого одеяния. — Может быть, накормить вас? День-то впереди долгий.

— Нет! — решительно отказался варвар.

Он не сомневался, что все случившееся не было сном, а значит, надо быстро убираться отсюда, пока целы.

— Хафар! — окликнул он визиря, все еще потягивавшегося после долгого сна. — Пошли, нам пора!

Визирь безропотно двинулся за киммерийцем. Они вышли в проулок и быстро зашагали прочь от подозрительного двора.

— Сейчас найдем тихую харчевню, где-нибудь поблизости от Гадюшника, — предложил варвар, — там и поговорим. Мне кажется, тебе есть что рассказать.

Хафар молча кивнул, еле поспевая за широким шагом Конана. Когда покосившиеся лачуги остались позади и улицы стали приобретать сравнительно ухоженный вид, они заметили вывеску постоялого двора, куда и направились в надежде спокойно посидеть и поговорить. Зал харчевни был почти пуст, не считая двух нищих, которые, видимо, уже выпросили себе по куску лепешки на завтрак и теперь, шаркая босыми ногами, двигались к выходу.

— Чего-нибудь пожевать! — коротко бросил варвар слуге, не рассчитывая в столь ранний час на особые кулинарные изыски.

Они присели с Хафаром в дальний угол, и расторопный подавальщик принес им холодную баранину, лепешки, соус и большой глиняный кувшин с пивом.

— Больше ничего нет, — развел он руками, извиняясь за скудный выбор. — Сами видите, солнце только взошло.

— Сойдет.

Киммериец бросил на стол несколько монет и с аппетитом принялся за мясо. Из-за вчерашних событий он не успел, как следует поесть и чувствовал себя голодным, как волк зимой.

— Так что у вас там произошло? — Варвар взглянул на Хафара, так и не притронувшегося к пище.

Хафар сделал пару глотков пива и, вытерев рот рукавом, начал:

— Сам не понимаю, как все получилось. Жизнь текла тихо и спокойно...

— Это в Замбуле-то спокойно? — недоверчиво покосился на него Конан.

Ему вспомнилось, как совсем недавно, каких-нибудь два года назад, он чуть было не отправился на Серые Равнины в этом гнусном городишке. Меч Скелосо! Это демоническое порождение колдовской силы и изощренного, злого ума, которое безжалостно убивало свою жертву, и ничто не могло спасти ее. И его повелитель, колдун Зафра, чье честолюбие мешало ему оставаться простым магом. Он сам хотел властвовать, и Актер-хан был нужен ему лишь как ступенька к трону, для того чтобы подняться выше всех остальных смертных. Проклятая Замбула — сплошная сеть заговоров, грязной лжи и предательств. Настоящий гадюшник, где ни на кого нельзя положиться, никому нельзя верить, в любое мгновение ожидая, что тебе всадят нож в спину. И эти заговорщики, Балад и вся их братия, ни капли благородства и никакого понятия о справедливости! Спокойно в Замбуле, как же! Только человек, привыкший к придворной жизни и сам похожий на тамошних властителей, мог говорить об этом...

— Я имею в виду, что спокойно было во дворце, — недовольно повел плечом Хафар. — Конечно, и зуагиры, и эти ублюдки из Эрука временами напоминали о себе. Приходилось и отряды в пустыню посылать, чтобы защитить наши караваны. Пару раз твой друг Ахимен-хан участвовал вместе с нами в походах, в общем, помогал неплохо...

— Друг? — усмехнулся варвар. — Ну, раз ты так считаешь...

— Да дело не в этом, — продолжал бывший визирь, — никто из нас и не предполагал, что мерзавец Хамер намеревается захватить трон...

— Какие-то странные вы люди. Не иначе, Нергал наказал вас, высушив мозги, — опять не утерпел киммериец. — Даже я, не так много времени проведя в Замбуле, знаю, что в этом гадком городишке ни на кого нельзя положиться. А что, у Испараны тоже ума не хватило

догадаться, что рано или поздно кто-нибудь может позариться на трон Джунгир-хана? Раньше она, вроде, была посообразительнее. Кстати, где сейчас Испарана?

— Ты что, считаешь меня дураком? — скрипнул зубами Хафар, не отвечая на вопрос Конана. — Слава Эрлику, не первый год визирем, и шпионы у меня были... Немало, между прочим... Но все произошло слишком неожиданно, как гром среди ясного неба.

Он налил себе еще пива и залпом осушил кружку, словно у него внезапно пересохло в горле.

— Вообще-то, если бы не твоя Испарана, то хана уже не было бы в живых, — продолжил свой рассказ Хафар. — Правда, и боги были на ее стороне, — поправился он, — когда стрелок из лука промахнулся и не попал в нее. Она сумела раскидать остальных охранников и запереть дверь в покои Джунгир-хана. Потом мы выпрыгнули в окно и успели пробраться в конюшню. Хамер слишком понадеялся на то, что без труда справится с нами в тронном зале, но он, как видишь, просчитался. Мы вырвались и из дворца, и из города. Испарана держалась не хуже настоящего воина.

— Кто это «мы»? — спросил варвар, нахмурившись.

— Джунгир-хан, я, Испарана, — перечислил визирь. — И человек десять верных слуг, — добавил он.

— И где они сейчас?

— Мы разделились, — пояснил Хафар. — Я отправил их в горное селение неподалеку от Замбулы, а потом мы все тайно перебрались в Кутхемес. Теперь Испарана и Джунгир-хан со слугами едут с караваном сюда, а я прибыл раньше, чтобы найти здесь прибежище на время и вообще разведать, что к чему.

— И что вы собираетесь делать дальше? — ковыряя острием кинжала выщербленные доски стола, поинтересовался Конан.

— У молодого хана есть дальний родственник в Хоарезме, великий визирь тамошнего правителя, — понизив голос, сообщил Хафар. — Попросим помощи у него.

— Хм... — недоверчиво промычал киммериец, — не очень-то я верю в эту ханскую родню, отрыжка Нергала. Знаю я этих родственничков...

— Испарана тоже так сказала, — прошептал визирь, — поэтому они останутся здесь, а я с письмом Джунгир-хана поеду к Мусаибу.

— Сомневаюсь, что ты сможешь выехать из города, — задумчиво протянул варвар. — Ты хоть понял, что с тобой произошло вчера?

— Не совсем, — честно признался Хафар. — Наверное, я отравился какой-то едой в этой пакостной харчевне.

— Чтоб тебя бешеный волк обмочил! — не удержался киммериец. — Тебе подсыпали сонный порошок, и, не заметь я тебя случайно возле «Туранского сокола», ты бы сейчас, скорее всего, выл под плетью или висел вниз головой над жаровней в застенке палача.

Визирь поежился:

— Неужели? Ты уверен? Но кому я мог понадобиться здесь? И как меня узнали? Мне казалось, я очень удачно изображал небогатого торговца...

— Откуда мне знать? — пожал плечами Конан. — Хорошо, если тебя уже не ищут по всему городу, Нергал им в зубы!

И киммериец рассказал бывшему визирю правителя Замбулы, что произошло с ними за эту ночь, благо разумно умолчав пока о карликах и о том, как сражался со своим двойником. Пока он говорил, лицо визиря становилось все бледнее и бледнее, и под конец варвар стал

опасаться, как бы тот не хлопнулся в обморок.

— Полегче! — Киммериец хлопнул Хафара по плечу. — Не волнуйся ты так, ведь пока тебе удалось выкарабкаться. К тому же не забывай, тебе крупно повезло, что я оказался в Шангаре. Я не могу бросить в беде Испарану и постараюсь вам помочь, чем смогу. Давай сделаем так. Тебе надо на денек-другой как следует спрятаться, чтобы не попасть в лапы тех, кто тобой заинтересовался. Я же выберусь из города, встречу Испарану и проведу в тот дом, что ты купил. Понимаешь? — Конан с сомнением поглядел на визиря.

История, рассказанная им, произвела на замбулийца слишком серьезное впечатление, чтобы он мог взять себя в руки и внимательно следить за его мыслями. — Соберись, почтеннейший, ты же все-таки государственный деятель, а не какой-нибудь погонщик ослов...

— Хозяин! — крикнул варвар. — Комната для моего друга найдется? Он приехал посмотреть на петушинные бои, но устал в дороге и хотел бы отдохнуть.

Подбежавший на крик хозяин ловко принял протянутый ему золотой, и скоро варвар уже шагал по улицам, направляясь к западным воротам, чтобы встретить караван, с которым должны были прибыть Испарана и Джунгир-хан. Бледный от пережитого, Хафар остался в комнате на постоялом дворе. Перед уходом киммериец строго-настрого предупредил его, чтобы не вздумал высовывать оттуда носа, пока он не вернется.

Глава вторая

— Послушай, Эноха, — Махтар начал свой разговор издалека, ибо достаточно хорошо знал старую каргу, — ты когда-нибудь слышала о перстне с золотым павлином?

— Слышала, слышала, драгоценный ты мой, — зашамкала старуха, — уж давно ведь колдую, а на свете живу и того дольше.

— А последний раз давно о нем упоминали?

— Да как тебе сказать... — замялась Эноха.

Махтар сразу же почувствовал: она знает, что ему нужно. Знает, но старается набить цену, чтобы продать подороже, старая перечница!

— Давай прямо, — твердо сказал он. — Мы с тобой не первый день знакомы, чего нам ходить друг перед другом, как двум козлам перед дракой!

— Это кто козел, я, что ли? — обиделась старуха.

— Да я не в том смысле, — стал оправдываться Махтар, ругая себя, на чем свет стоит, что допустил такую промашку.

Ведьма была обидчива, как девушка на выданье.

— Вот тогда в том смысле и говори, — поджала губы его собеседница, а в глазах ее вспыхнул злобный огонек.

«Болван, — еще раз выругал себя колдун, — вот так, на ровном месте, и теряешь золотые, если не подумаешь, как следует и брякнешь невпопад. Теперь будет просить больше, вонючая ведьма!»

— Я знаю, что ты сегодня видела этот перстень. — Колдун напряженно вглядывался в глаза старой колдуньи.

Он говорил наугад, не зная ничего точно, но кожей чувствуя, что Эноха имеет какое-то отношение к предмету его давних бесплодных поисков.

— Откуда ты знаешь? — Карга подняла на него выцветшие водянистые глаза, в которых даже самый пронизательный маг не мог увидеть ничего, кроме алчности и затаенной злобы.

«Дорого, ох, чует мое сердце, дорого мне это обойдется, — тоскливо заскулил про себя Махтар, который тоже не отличался излишней щедростью и был готов удавиться за каждую монету, — но дело все же того стоит».

— Слышал, — в упор, глядя на старуху, сказал он.

— Неужели это было так громко? — спросила Эпоха.

— Да уж не очень-то и тихо, — процедил сквозь зубы Махтар.

— А что я получу за это? — пропела старуха, не подозревая, что уже слегка продешевила, попавшись на уловку колдуна.

— А сколько ты хочешь? — в тон ей спросил Махтар.

— Пятьдесят золотых меня устроят. — Карга даже расправила сухонькие плечики, называя свою цену.

— Побойся Эрлика, старая! — отпрянул Махтар.

— Ты что, спятил, с чего это вдруг я должна бояться Эрлика? — захихикала колдунья. — У нас с тобой свои боги!

— Да так все говорят здесь, я и привык, — снова принялся оправдываться колдун. — Уж больно много ты запрашиваешь!

— Цена по товару, не так ли? — В голосе Энохи послышались нотки плохо скрываемого торжества.

— Ладно, — махнул рукой чародей, — твоя взяла, чтоб тебя шакал обмочил за твою жадность.

— Покажи, — ничуть не обиделась старуха.

— Вот! — Он протянул ей мешочек.

Старуха высыпала монеты на стол и долго перебирала их своими корявыми пальцами. Удостоверившись, что ее не надувают, она подняла глаза на Махтара, который чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, и начала:

— Запоминай: высокий, очень высокий и очень мощный человек. У нас таких не встретишь. Черные волосы и синие, яркие синие глаза. Сверкают, что твой сапфир. С ним какой-то приятель, туранец из благородных, если судить по тому, какие у него руки. А этот высокий — настоящий головорез, может быть, бандит, хотя лет ему от силы двадцать.

— Где ты его видела?

— Да прямо здесь, — прошамкала Эноха. — Лакуди пытались забрать у него перстень, но я напустила на них своего зеленого. Наверное, ты как раз и слышал, как эти кроты зарывались обратно в землю.

— Что ты говоришь? — забеспокоился Махтар. — Лакуди? Я думал, что они отстали. Вот не было печали! Что же ты, старая, не взяла перстень? Мне бы продала!

— Рассвет, — коротко пояснила старуха. — Зеленый не выносит даже лунного, а уж тем более солнечного света.

— Ну и помощнички у тебя! — не выдержал Махтар. — С ними далеко не уедешь.

— Так займай своих! — отрезала Эноха, глядя на колдуна слезящимися старческими глазами. — Сам и отнимай, а мне этот перстень, в общем-то, и ни к чему. Мой зелененький гоняет лакуди, если они попадутся ему в Шангаре. За этим я слежу, а вообще, мне и своих забот хватает, не до твоего дурацкого перстня!

— Да, — почесал затылок смертельно обидевшийся, но решивший не показывать этого

Махтар, — но как же мне его взять?

— Это уж твоя головная боль, — ехидно прошамкала старуха, пряча деньги. — Мне все равно с этим кольцом не справиться.

— Ну, спасибо, старая, — поклонился Махтар, уже готовый бежать сломя голову на поиски синеглазого гиганта. — Век не забуду!

«Чтоб ты сдохла, старая вешалка! — подумал он про себя. — Пятьдесят монет вытянула, экая дрянь!»

* * *

«Где же мне найти этого парня?» — размышлял Махтар, направляясь к таверне своего подельника Бехруза.

Колдуны тоже не отказываются промочить горло после тяжелой работы, а беседа с хитрой каргой стоила ему не только денег, но и немалого напряжения душевных сил. Он вошел в зал, где слуги убрали со столов после утренней трапезы. В нос сразу же ударил запах пряностей, кислого вина, влажного дерева. Перепрыгнув через лужу воды, которую с большим усердием размазывал по полу вихрастый мальчишка, Махтар направился к стойке, где хозяин с умильным выражением лисьего лица пересчитывал монеты, грудой наваленные на столешнице.

— Ты чего так рано? — громко удивился Бехруз. — Случилось что? — понизив голос, уже тревожно спросил он.

— Дай чего-нибудь выпить! — хрипло попросил Махтар. — Эта старая сука выжала меня, как лимон.

Хозяин нацедил ему кружку офирского, которое держал для избранных гостей. Махтар жадно пил, его кадык под сухой загорелой кожей ходил в такт каждому глотку.

— Еще! — Он поставил кружку на стол, нетерпеливо глядя на Бехруза.

— Ты чего-то не в себе с утра пораньше... — заметил тот, наливая вино. — Кто же тебя так расстроил, светоч туранской магии?

— А, — неопределенно махнул рукой Махтар, — что-то спину ломит. Северный ветер, наверное...

«Так я тебе и поверил, — усмехнулся про себя хозяин кабака, глядя, как его гость присосался к кружке. — Хоть ты и колдун, а на твоём лице только идиот не прочтет, что у тебя есть причины волноваться».

«В тавернах о многом можно узнать, — размышлял в свою очередь маг, — может быть, ему о чем-нибудь известно...»

— Кстати, не заходил сегодня твой приятель, этот цепной базарный пес? — спросил он, утолив наконец свою жажду.

— Гоухар? — почему-то шепотом спросил Бехруз.

— Да, этот шелудивый потомок козла, кто ж еще?

— Думаю, он сейчас далеко отсюда, — прошептал Бехруз. — У нас тут такое ночью случилось... Четверых людей самого Азатбахта кто-то прирезал в переулке, совсем рядом. Как раз на участке бедняги Гоухара. Теперь он бегает по всему городу, разыскивает убийцу.

— Надо же, — зевнул Махтар, — не повезло ему... Но ведь это не в диковину, не в первый раз стражников отправляют на Серые Равнины. Работа у них, знаешь ли, такая. А ты

случаем не слышал ничего про синеглазого парня с черными волосами, очень высокого? — переменял он тему разговора.

— Да тут много всяких приходит, всех не упомнишь, — равнодушно заметил Бехруз, складывая монеты в мешочек. — А зачем он тебе понадобился?

— Нужен, — коротко отрезал маг. — Так, значит, ничего не слышал?

— Постой, — наморщил лоб хозяин, — вроде был у меня вчера такой парень, черноволосый... Точно, глаза у него как сапфиры и холодные... Сверкают, что твой лед. Заказал столько, что пятерым не съесть. Я еще подумал, какой здоровый, хоть и молодой еще совсем.

— Чего ж ты молчишь, лисица поганая! — разозлился Махтар. — Тоже мне друг! Я с тобой тут столько болтаю, а самого главного ты мне и не сказал!

— Откуда же я знал, что он тебе нужен? — оторопел хозяин. — Сразу бы и спросил, а еще лучше пришел бы вчера.

— Он был с приятелем?

— Нет, вроде бы один...

— Вспомни, шакаля задница, смуглый человек с черной короткой бородой, по всей видимости, из знатных, но переодет в простую одежду. — Маг, с надеждой глядя на Бехруза, перечислил все приметы неизвестного, которые узнал от Энохи.

— Что ты говоришь? — изумился хозяин. — Иди сюда... — Он поманил подельника в дальний угол таверны.

— Какие еще там секреты? — недовольно спросил колдун, но все же последовал за Бехрузом.

Оглядываясь по сторонам и понизив голос до такой степени, что магу приходилось напрягать слух, хозяин «Туранского сокола» рассказал своему приятелю все, что знал о странном посетителе, не забыв упомянуть, что это именно он заподозрил неладное.

— Ну, Бехруз! — Чародей не мог скрыть охватившей его радости. — Если у меня дело выгорит, лисья морда, я тебя не забуду...

Он выбежал из таверны, оставив Бехруза с открытым от удивления ртом.

Глава третья

«Вряд ли меня будут сильно искать, потому что стражник, скорее всего, и не разглядел меня как следует, — размышлял Конан, пробираясь проулками и задними дворами к городской стене. — Но все же через ворота выходить не стоит».

Его решение было совершенно верным, однако киммериец не мог знать того, что в это самое время колдун Махтар беседует с начальником городской стражи Азатбахтом, настоятельно советуя ему разыскать высокого черноволосого юношу с синими глазами. Найдя верзилу, можно схватить и его спутника — чернобородого. Азатбахт слушал Махтара, недовольно хмурия брови.

— Значит, ты хочешь, чтобы этого парня я отдал тебе, правильно? А если я просто верну тебе кольцо, этого что, будет мало? — дослушав рассказ посетителя, спросил начальник стражи.

Махтар, на мгновение задумавшись, ответил:

— Этот вонючий сын мула украл перстень у моей семьи, и я должен сам расправиться с

ним. Мне кажется, я заслужил эту награду за те сведения, что изложил тебе.

— Ну, хорошо, если поймаю, так и быть, отдам этого воришку тебе, — не стал больше спорить Азатбахт. — Но о нашем разговоре — никому!

Махтар сложил руки в молитвенном поклоне, всем своим видом выражая согласие. Душа чародея ликовала и пела.

* * *

До городской стены оставалось совсем недалеко, когда варвар наткнулся на трех стражников. Завидев киммерийца, они бросились к нему, размахивая алебардами и крича во все горло:

— Стой, сын шакала! Стой! Держи его!

Конан осмотрелся по сторонам: слева от него, прямо у городской стены, виднелось длинное строение, похожее на конюшню или скотный двор, перед которым стоял невысокий глиняный забор. Справа по улице шли дома и сады, которые тоже были огорожены глухими изгородями. Варвар оглянулся назад: улица была пустынна до самой площади, но бежать в ту сторону смысла не имело — чем ближе к центру города, тем большей опасности он себя подвергал.

Прикинув расстояние до преследователей, он понял: те уже шагах в двадцати. Перелезть через городскую стену он не успеет, даже если стражники замешкаются, преодолевая ограду. Придется принимать бой.

— Вот вам, сыновья помойки! — Конан сделал недвусмысленный жест рукой, который привел охранников в неопишную ярость. — Возьмите меня, если сможете, погонщики шелудивого верблюда!

С этими словами киммериец с разбегу перемахнул забор, решив схватиться с преследователями во дворе, а не устраивать представление на улице.

«Хоть в городе и праздник, но почему я должен даром их развлекать?» — решил он, оглядывая двор.

Свободного пространства возле здания почти не было: все загромождено повозками и телегами. Кое-где лежали стопки колес и штабеля досок и жердей, а в открытых дверях мастерской застыли два человека, которые с изумлением и страхом вытаращились на киммерийца.

— Чего уставились? — скрипнув зубами, спросил варвар. — Идите, открывайте ворота, к вам гости, Нергал им в печень!

Действительно, в тот же миг ворота загрохотали, сотрясаемые ударами тяжелых сапог и древками алебард.

— Открывайте, сучьи дети!

К счастью для варвара, стражники, разозленные его дерзостью, не отправили никого за подмогой. Когда один из мастеровых открыл им ворота, все трое влетели во двор, рассчитывая без труда справиться с одним противником. Они не ведали, несчастные, кого в это утро послала им судьба.

— Хей! — приветствовал их варвар, легкими шагами, отступая чуть назад. — Это еще что за шакалы? Вы даже не похожи на туранцев, сыновья гиен! Разве приличная женщина может родить таких бестолковых ублюдков? — издевался он, продолжая увлекать

противников в глубину двора.

Разъяренные стражники бросились на него все одновременно, но киммериец толкнул в их сторону повозку, а сам, прыгнув на стоявшую рядом, приготовился отбивать удары.

Повозка, к несчастью для стражей, не имела одного колеса, поэтому она не поехала, а просто перевернулась, придавив того, кто бежал впереди. Двое других успели отскочить в разные стороны, но это им не помогло: варвар, оттолкнувшись, как птица, перелетел по воздуху расстояние в два десятка локтей и обрушился на одного из них. Тот попытался подставить алебарду, но Конан так сильно ударил мечом, что в руках у противника остался только огрызок древка. Не давая стражнику опомниться, варвар движением клинка снизу вверх вспорол ему живот. Взвыв, несчастный рухнул на землю, а киммериец, не посмотрев даже в его сторону, бросился ко второму, по пути рубанув клинком по первому стражнику, который с кряхтением выбирался из-под повозки. Удар пришелся по шлему, послышался звон, и бедолага осел на землю, перестав на какое-то время видеть и слышать.

— Что, цыпленок, не обгадился еще? — Киммериец, как гора вырос перед последним противником, все еще державшимся на ногах. — Сейчас, подожди немного, — пообещал варвар, отбивая неловкий выпад.

Он подпустил стражника поближе, затем резким движением отвел в сторону его клинок и, сделав шаг вперед, очутился лицом к лицу с противником. Все произошло слишком быстро для несчастного. В следующий миг он уже летел кубарем, закрывая руками лицо, превратившееся в кровавую кашу, — это поработал левый кулак варвара.

Хотя, судя по всему, его не должна была больше заботить собственная внешность: дернувшись пару раз, он затих, а на припорошенных пылью штанах, как и обещал Конан, расплылось мокрое пятно.

— Ты еще жив? — удивился киммериец, обращаясь к последнему, который, почти не осознавая, что делает, все же пытался, правда без особого успеха, подняться с земли.

Конан не стал марать свое благородное оружие, а просто приподнял телегу и швырнул на стражника. Повозка, как скорлупу, раздавила грудь бедолаги, лишь слабо охнувшего напоследок. Его голова гулко стукнулась о землю, а глаза, сразу ставшие похожими на полустертые оловянные монеты, уставились в небо. Схватка была настолько стремительной, что двое людей, находившихся во дворе, так и не двинулись с места, оцепенев от изумления, страха, а возможно, даже и восхищения.

— Куда? — грозно крикнул варвар, заметив, что они, опомнившись, метнулись к воротам, намереваясь выбежать на улицу. — Стоять, сучьи дети! Стоять, кому я сказал!

Он в два прыжка преодолел расстояние до ворот и одним движением захлопнул довольно-таки тяжелые створки. Обитатели двора рухнули наземь, умоляя варвара пощадить их.

— Да кому вы нужны, охвостье Нергала! — выругался киммериец. — Топайте в свой сарай! Придется чуток там отдохнуть, пока кто-нибудь вас не выпустит.

Загнав их внутрь, варвар задвинул снаружи засов и залез на крышу. Размотав веревку с крюком, он со второй попытки забросил ее на гребень стены и с ловкостью обезьяны вскарабкался наверх. Отсюда был хорошо виден раскинувшийся внизу город, а взглянув в другую сторону, киммериец увидел подступавшие чуть не к самым крепостным стенам лесистые склоны гор Ильбарс, тоненькие ниточки караванных троп, серебром поблескивавшие на солнце ручьи, черепичные крыши отдаленных селений. Он быстро спустился вниз, сдернул закрепленный крюк и смотал веревку. Оглядевшись, Конан

убедился, что никто его не заметил, и быстро зашагал по направлению к западным воротам Шангары. Надо было торопиться, чтобы встретить караван подальше от города.

Как раз в это время на всех въездах в город стояла усиленная стража, и солдаты Азатбахта тщательно проверяли каждого конного и пешего, каждую повозку и каждый тюк: им строго-настрого было велено не выпускать из города высокого черноволосого юношу с синими глазами и мужчину, по виду туранца, с черной бородой. Если среди желающих выйти из Шангары таких, как Конан, не оказалось, то подходящих к описанию Хафара набралось довольно много, к полудню у каждого ворот их скопилось человек по десять-пятнадцать. Они были вынуждены ждать под присмотром стражников, пока не подъезжал на взмыленном коне Гоухар и, взмокший от спешки и страха, не отпускал бедняг восвояси, дав им, разумеется, на прощание по зубам.

Должен же он был хоть как-то отвести душу!

Киммериец прошел с полмили по дороге на Кутхемес и присел в тени большого дерева недалеко от караванного пути. Он меланхолично жевал травинку, приглядываясь к редким путникам, направлявшимся в Шангару.

Жители окрестных деревень везли зелень и фрукты для городского рынка, иногда пастухи гнали один-два десятка овец или коз, степенно ступали выючные лошади или верблюды под присмотром погонщиков с дочерна загоревшими лицами — караваны из дальних стран: Шема, Кофа, а может быть, из Офира или Аргоса. Однако те, кого ожидал Конан, не появлялись. Уже солнце поднялось высоко, утренняя свежесть сменилась полуденным зноем, а он все сидел на том же месте, прислонившись к зеленоватой потрескавшейся коре старого дуба.

Перед мысленным взором варвара кружил рой воспоминаний. Как все-таки боги могут повернуть жизнь человека! Если бы он тогда, в Арэнджуне, не стал обхаживать любовницу префекта стражи Кагуля, то не узнал бы ни про Глаз Эрлика, ни про Испарану. Самый обыкновенный случай! Спасаясь от стражников Кагуля, киммериец выбрался на крышу и оттуда услышал, как в верхней комнате таверны двое планируют ограбить волшебника Хисарр Зула, у которого находился Глаз Эрлика. Одной из двоих и была Испарана. Варвар, узнав, что навестить чародея они собираются через две ночи, решил опередить их, но не успел, они тоже пришли раньше. Конан убил напарника Испараны, Карамека, но ей удалось ускользнуть, и он отправился в погоню за женщиной и амулетом. Один, в пустыню, с одной-единственной лошадей. Глупец! Но боги позаботились о нем, и варвар не только догнал Испарану, но и подменил настоящий камень на копию, которую дал ему Хисарр Зул.

А, кроме того, имел глупость влюбиться. Такая женщина! Столь же вероломна, сколь и прекрасна... Как она владела мечом! А броски ее кинжала дважды спасали киммерийцу жизнь. Из-за нее он даже попал в плен к работорговцам, но сумел не только освободиться сам, но и Испарану вытащил из неволи. Потом они отвезли камень Актер-хану, и после всей суеты с заговором Балада, убийством правителя и воздвижением на трон юного Джунгира Конан не остался в Замбуле. Они распрощались с Испараной, как он тогда думал, навсегда. Однако судьба повернулась так, что вот он сидит здесь и ждет встречи с этой женщиной, которую так и не смог забыть.

Варвар уже начал терять терпение, когда, наконец, вдали показалась группа всадников и несколько навьюченных лошадей. Впереди скакали около десятка вооруженных копьями и луками туранских конников. Варвар узнал их по низкорослым гирканским лошадам и характерной посадке седоков с опущенными поводьями и свободно болтающимися руками.

Туранские всадники, больше половины которых были гирканцами, чувствовали себя на лошади лучше, чем некоторые на своих двух ногах. О них говорили так: «Рождаются на коне, проводят на нем жизнь и умирают в седле». Конан по себе знал, как трудно победить этих воинов, которые словно приросли к спине своего коня.

Они свободно стреляли из лука на полном скаку, отлично действовали копьем и мечом, и выбить их из седла было далеко не простым делом даже для него. Этим лихим наездников часто брали служить в охрану многие вельможи не только в Туране, но и в соседних странах: Заморе, Кофе и Офире, да и дальше на западе можно было встретить черноволосых и скуластых воинов на мохнатых невысоких лошадях. «Это те, кого я жду». Варвар поднялся на ноги и не спеша побрел к дороге. Когда всадники подъехали ближе, стало ясно, что среди них находилось несколько женщин. Одна из них, в белой блузе и широких шароварах-сирваль золотистого цвета, с гривой вьющихся черных волос, была хорошо знакома киммерийцу.

Испарана.

Глава четвертая

Конан встал на пути кавалькады и поднял руку.

— Что тебе надо? — крикнул едущий впереди всадник, хватаясь за рукоять меча. Его белые зубы блеснули в недоброй усмешке.

— Меня прислал Хафар, — ответил варвар, придерживая его лошадь. — Где Джунгирхан?

— Хафар нам ничего не говорил о тебе, — недоверчиво взглянул на него всадник. — Чем ты докажешь, что ты от него?

— Тогда я поговорю с Испараной. — У киммерийца и вправду не было ничего такого, что могло бы доказать солдату его связь с бывшим визирем Замбулы.

Постепенно подъехали все остальные. Всадники собрались позади своего предводителя. В этой толпе не так-то просто оказалось разглядеть, где находилась Испарана. Туранец медлил, не зная, как поступить. Тогда киммериец, повернувшись к всадникам, громко крикнул:

— Испарана

— Боги! — раздался из толпы знакомый голос, и, раздвигая лошадей, вперед выехала всадница в белой блузе. — Конан?! — воскликнула она, изумленно глядя на него и не веря своим глазам.

— Я что, так сильно изменился? — Варвар подошел к ней и протянул руки.

Женщина спрыгнула с коня, и киммериец крепко прижал ее к себе на виду у столпившихся всадников. Они не встречались с того времени, как Конан покинул Замбулу, но прошедшие годы ничуть не отразились на красоте гордой замбулийки. Да что там, варвару она показалась даже прелестнее, чем была раньше! Вот что значит жизнь во дворце! Конан сделал шаг назад, чтобы разглядеть ее получше.

— Испарана! Какая же ты женщина, Испарана! — повторял в упоении киммериец. Он не ожидал, что будет настолько рад этой встрече.

— Конан! Как получилось, что мы вновь встретились?

Варвар коротко рассказал Испаране о последних событиях. Она покачала головой:

— Ты уверен, что кто-то неспроста следил за Хафаром?

— Неспроста! — передразнил ее киммериец. — Ты лучше подумай, нет ли здесь в Шангаре кого-нибудь, кто питает особый интерес к вашей занюханной Замбуле.

— Нет, — покачала головой Испарана. — Я в курсе всех дел, но ничего такого не знаю. Это какая-то ошибка.

— Ошибка! — фыркнул варвар. — Я даже не могу поклясться Кромом, что мы увидим твоего друга Хафара, когда вернемся в город.

— Что же нам делать?

— Отпускай охрану, она только привлечет к вам ненужное внимание, и едем в Шангару. Твой визирь снял вам дом, вы с Джунгир-ханом поживете пока там, а я за это время сгоняю в Хоарезм. — Однако, увидев, что Испарана слегка нахмурилась, Конан, чуть подумав, добавил: — Или пусть Хафар поедет. Если его еще не сцапали, конечно.

Женщина повернулась к командиру своих охранников:

— Встаньте в каком-нибудь в селе, в горах, и дайте мне знать. Нет! — поправилась она. — Пришлешь человека для связи.

Туранцы отсалютовали Джунгир-хану и развернулись, чтобы тронуться в обратный путь. Киммериец вскочил на запасную лошадь и, обмотав голову полосатой чалмой, поехал вместе с Испараной, Джунгир-ханом и десятком слуг к закатным воротам Шангары. Заплатив дань, они спокойно въехали в город. На человека в чалме никто и внимания не обратил — мало ли какие слуги у богатой семьи, приехавшей в Шангару на праздник? Стражникам было приказано не выпускать из города высокого черноволосого варвара с синими глазами, а о том, что кого-то нельзя впускать, речи не было.

Дом, выбранный Хафаром, оказался в тихом месте, недалеко от квартала местной знати. Тенистый сад и высокий забор скрывали происходящее внутри от излишне любопытных взглядов.

— Хм-м, — протянул варвар, — я сам бы был не против пожить здесь пару лун. — Он подмигнул Испаране. — А как насчет тебя? Ты бы не возражала?

— Ты все такой же, Конан! — усмехнулась женщина, но в ее бархатных карих глазах киммериец прочитал именно то, что ему хотелось...

— Ночью приду! — коротко бросил он. — А до того я должен препроводить сюда вашего визиря.

* * *

— Ты все рассказал? — Азатбахт смотрел на Хафара взглядом удава, который собирается проглотить дрожащую мышь.

— Клянусь Эрликом и его пророком Таримом! — Визирь сложил руки в молитвенном жесте.

— Хорошо, я тебе верю. — Азатбахт, довольный, что все сложилось, как он задумал, теперь решал, какую выгоду он может извлечь из всего, что узнал. — Подожди...

У Хафара были веские основания считать себя счастличиком, потому что все могло кончиться для него гораздо более плачевно. Киммериец долго не появлялся, и бывший визирь, не вняв предостережениям, отправился ему навстречу. Не успел Хафар пройти и двух кварталов, как был схвачен стражниками, после чего брошен в подземелье, где, дрожа от ужаса и проклиная себя за глупость, сидел, тоскливо ожидая, когда его вздернут на

перекладину и безжалостный бич вопьется в тело. Что произойдет именно так, у визиря сомнений не было, потому что сам он не раз добывал, таким образом, нужные ему сведения. Однако палач не понадобился, потому что начальник стражи Шангары оказался доброжелательным и понимающим человеком и поверил всему, что рассказал ему Хафар. Правда, бывший визирь Замбулы должен был догадаться, что казавшийся ласковым Азатбахт мог уже узнать о перевороте от кого-нибудь другого и теперь просто хочет использовать его или получить мзду за освобождение. Однако пережитый испуг почти лишил разума мудрого Хафара, и он смотрел на развалившегося в кресле Азатбахта как на своего друга.

— Я позабочусь о том, чтобы враги Джунгир-хана не добрались до вас, но, сам понимаешь, это непросто...

— Мы будем счастливы находиться под столь надежной опекой, — обрадованно подхватил Хафар, — и не поскупимся...

— Вот и хорошо, — продолжал начальник стражи, — а этого парня, как его?..

— Конан, — с готовностью подсказал визирь.

— Угу, — кивнул Азатбахт. — Так вот, я дам тебе порошок, подсыпешь ему сегодня в вино. Когда он заснет, известишь моих людей.

— Исполню, — наклонил голову Хафар.

Ему было слегка не по себе, что он предает киммерийца. Но, в конце концов, кто ему этот варвар — друг, брат?.. Это Испарана не могла его забыть, хоть и старалась не показывать этого, а он как был визирем при Актер-хане, так и остался на этой должности при его сыне. Нет, Конаном для своего спасения он запросто мог пожертвовать. Что ж поделаешь, коли так сложились обстоятельства?

— Я дам тебе коляску с охраной, они отвезут тебя на место, — кивнул Азатбахт на прощание. — Но помни, я вас отсюда не выпущу, пока у меня в руках не будет этого варвара...

* * *

Когда киммериец тихонько постучал в комнату, где он оставил Хафара, ему никто не ответил. Конан постучал сильнее, но за дверью по-прежнему было тихо.

«Что-то произошло, — подумал киммериец, — вот бы разузнать, что именно...»

Он спустился вниз и, найдя хозяина, расспросил его о постояльце.

— Расплатился и ушел сразу после полудня, — ответил хозяин, с некоторым страхом подняв глаза на варвара, который возвышался над ним, будто конный над пешим.

— Смотри у меня, — пригрозил киммериец, — если обманываешь, из-под земли достану, клянусь Кромом! Помнишь хоть, в какую сторону он ушел?

— Клянусь Эрликом, не видел, — испуганно заскулил хозяин.

— А, чтоб тебя, шакаля задница! — вместо прощания выругался варвар.

«Демоны разорви этих замбулийцев! — Конан сам бы с наслаждением разорвал визиря на части, если бы он только попался сейчас ему в руки. — Никогда на них нельзя положиться. Мало его Испарана в свое время изводила своим упрямством... И где мне теперь искать этого идиота?»

Киммериец отошел от постоялого двора на пару кварталов, размышляя над тем, что предпринять. Если Хафар попался в лапы к стражникам, он наверняка выдаст место, где

находятся Джунгир-хан и Испарана. Он не так уж много общался с визирем во время своего прошлого визита в Замбулу, но успел узнать его достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в этом. Значит, надо как можно скорее бежать туда, если, конечно, уже не поздно... Варвар прибавил шагу, кляня про себя, на чем свет стоит придурка-визиря. Он решил не появляться у главного входа дома, а обойти сад с тыльной стороны. Мало ли что произошло, не следует подставлять свою голову понапрасну.

На город спустился вечер, и глаза уже плохо различали предметы, находившиеся вдали. Даже листва деревьев казалась гуще, чем была на самом деле. Скоро все вокруг черным саваном укроет ночная темень, и только под пятнами редких фонарей можно будет рассмотреть лицо встречного. Киммерийца темнота устраивала как нельзя лучше, он по-прежнему старался выбирать узенькие боковые улочки, подозревая, что за ним, вероятно, ведется охота. Подойдя к задней стороне обширного сада, который обнимал невысокий, но широко распластавшийся среди деревьев дом под новенькой блестящей крышей, варвар подтянулся на руках и заглянул внутрь.

В саду было сумеречно и тихо, лишь в дальнем от него конце, у самого дома, он заметил свет факелов и тени передвигавшихся людей.

«Похоже, я не опоздал, благодарение Митре, — подумал Конан, перемахивая через ограду. — Подойду поближе и взгляну на всякий случай, как там дела».

Он уже двинулся бесшумным упругим шагом по направлению к огням, как вдруг почувствовал, что земля под его ногами начала подрагивать и выгибаться, словно спина верблюда.

«Великий Кром! Что же это?» — Киммериец почувствовал, как проваливается в какую-то воронку, неожиданно образовавшуюся под ногами.

Вокруг на склонах ямы прямо из-под земли начали появляться уже знакомые ему трехпалые карлики с черными встрепанными головами и пронзительными писклявыми голосами.

— Шакальи задницы! Шакальи задницы! — перекликались они, подпрыгивая на корточках и веселясь непонятно отчего.

«Опять эти полудурки, — вспомнил варвар полчища этих существ, устроивших ему совсем недавно такой веселый ночлег. — Нергал мне в печень, что им от меня нужно?»

Конан услышал нарастающий звук, похожий на жужжание тысячи пчел. Он становился все сильнее и сильнее, и через мгновение слух киммерийца перестал различать какие-либо звуки извне, только давящий на мозги неумолчный гул, способный свести с ума. Тело варвара словно потеряло свой вес и стало приподниматься над поверхностью, потом поплыло вправо. Откуда-то возникло непонятное сумеречное свечение, заполнившее, как туман, все вокруг. Он снова, как и в ту ночь, с ужасом, от которого кровь леденела в жилах, увидел, что в нескольких шагах от него на противоположном склоне воронки появился его двойник, сумрачно глядевший на него пронзительными синими глазами.

«Этим меня не возьмешь, Нергалово племя, — усмехнулся он, не предпринимая пока никаких действий и глядя на Лже-Конана с легкой усмешкой, — в этот раз я не подниму меч на себя самого».

Однако принять какое-то решение еще вовсе не означает так и поступить. Рука варвара сама собой потянулась к мечу, и он увидел, что его двойник делает то же самое.

Киммерийца обуял гнев. Он не мог смириться с тем, что какая-то тень, пустая оболочка, пусть даже столь похожая на него, пытается выдавать себя за живого человека. И хотя где-то

глубоко внутри все еще теплилась мысль, что нельзя драться с самим собой, ноги сами сделали шаг вперед. Противники закружили друг против друга, выбирая подходящий миг для удара, совсем как в прошлый раз.

Но вдруг произошло что-то непонятное, как будто подул слабый ветер, который, тем не менее, все изменил. Киммериец остановился и поглядел на своего противника спокойно и без гнева. Странные существа снова запрыгали вокруг, как курицы, подбирающие зерна на птичьем дворе. Они размахивали трехпалыми конечностями с длинными когтями и казались обескураженными тем, что Конан ничего не предпринимает. По их рядам пробежал легкий ропот, но варвар не слышал звуков, а видел только шлепающие толстые губы. Внезапно их лица исказились страхом. Киммериец проследил за их взглядами и увидел, как в центре ямы выступает что-то зеленое, бесформенное, напоминающее купол погребенного в земле храма.

Роняя комья земли со своей скользкой, покрытой слизью поверхности, купол все больше и больше вылезал наружу, на глазах вырастая в нечто, напоминающее гигантский гриб.

«Боги! — Варвар не мог оторвать глаз от жуткого монстра, выползающего из ямы. — Это еще что?»

Из ножки зеленоватого гриба начали вытягиваться в разные стороны, словно растущие ветви дерева, длинные щупальца. Их было много, наверное, не меньше десятка.

На концах щупалец проступили утолщения величиной с баранью голову. Эти утолщения оканчивались воронкообразными губами, которые раскрывались и закрывались подобно пасти удава. Монстр, поводя глазами, протягивал щупальца к трехпалым и, смачно чавкая, присасывался к их головам. Три-четыре карлика, одновременно схваченные чудовищем, взлетали в воздух, болтая ногами, словно лягушки, вытасканные цаплей из болотной жижи. Затем следовало быстрое, почти неуловимое, движение щупальца, и карлик по самую голову уходил в землю. Конан отошел чуть подальше. Зеленый монстр продолжал вбивать дергавшихся трехпалых в землю, размеренно двигая глазами и щупальцами, словно выщипывающая, которая втыкает иголку в ткань, чтобы сделать очередной стежок.

Трехпалые существа метались, норовя выскочить из-под шляпки страшного гриба. Они собрались в толпу, образовавшую кольцо, и вытянули к чудищу свои руки-лапы.

Снова неясный гул возник в ушах киммерийца, как будто кто-то ворочал внутри его головы чем-то тяжелым, раскалывая мозг. Он, с трудом переставляя ноги, отступил на несколько шагов назад, отодвигаясь от круга трехпалых. На когтях вытянутых лап карликов возникло синеватое сияние, которое поднималось вверх, словно языки пламени, распадалось на части и вновь замыкалось в кольцо, постепенно окружавшее гигантский гриб.

Конан, онемев и словно потеряв способность двигаться, стоял чуть в стороне и наблюдал, как карлики погружались все глубже и глубже в землю. Постепенно его слух вновь стал воспринимать звуки, и он услышал легкое потрескивание, как будто рядом горел костер. Но он не видел ничего, кроме исчезающих под землей карликов и гигантского гриба, который каждое мгновение изменял очертания, оставляя при этом постоянным свой зеленовато-бурый цвет.

«Сейчас монстр закончит с трехпалыми и примется за меня!» — мелькнула мысль в мозгу варвара, но он не мог даже пошевелинуть рукой или ногой.

Однако чудовищный гриб, казалось, даже не заметил Конана и его двойника, так же, как и киммериец, замершего без движения. Монстра интересовали только карлики.

Он сосредоточенно изгонял лакуди с лица земли. Когда от них не осталось ничего, кроме легкого сияния, кольцом окружавшего поляну, шляпка гриба начала заворачиваться

внутри, будто хотела окутать ножку подобием гигантского толстого плаща. Еще несколько мгновений, и вместо гриба перед глазами киммерийца уже был огромный шар, который начал надуваться, словно бычий пузырь. По его поверхности побежали яркие точки, напоминая звезды на темном небе, и вдруг сфера лопнула, разлетевшись на тысячи прозрачных осколков. Словно вихрь подхватил Конана и отбросил на несколько шагов назад, швырнув на ствол старого дерева. Удар оказался настолько сильным, что варвар потерял сознание.

Глава пятая

Когда Конан очнулся, то не мог сразу сообразить, что с ним произошло, и долго ли он пролежал на прохладной влажной траве. Он поднял голову. Небо было усыпано яркими звездами, полная луна стояла высоко в небе, оставляя на земле причудливые тени деревьев.

«Уже за полночь, — ощупывая спину и плечи, решил варвар. Шершавый и крепкий ствол карагача, на который его швырнуло, был тверже камня. — Нергал мне в кишки, уже второй раз эти трехпалые... Явно попал в чью-то магическую сеть. Если бы еще знать, чего им всем надо от меня?» — размышлял он, поднимаясь на ноги.

Он огляделся по сторонам. Ничего вокруг не напоминало о случившемся совсем недавно. Киммериец даже опустился на колени и прополз несколько шагов, пытаясь найти хоть какие-то следы, но тщетно: трава была ровной и непримятой, словно тут никогда и не выросла гигантский гриб.

«Это не могло мне присниться, — решил варвар, — тем более что мой двойник так же исчез, как и тогда. Все почти повторилось, только в тот раз не было гриба. Нет, постой, — перебил он себя, — может, он и был во дворе, а я его просто не видел...»

Он повернулся туда, где вечером горели факелы. Сейчас там было темно, и лишь дом выделялся в лунном свете белизной своих стен.

«Ладно, хрен с ними, с этими монстрами! — Конан поднялся на ноги. — Потом решу, как с ними разобраться. Сейчас надо узнать, все ли в порядке с Испараной и Джунгирханом».

Киммериец, мягко ступая, двинулся по направлению к дому, где расположились беглецы из Замбулы. Охраны в саду не было: видимо, решили довериться ставням и крепким запорам. Варвар, не подходя к самому дому, обошел его вокруг и приблизился к въезду в сад. За коваными прутьями ворот он различил мелькнувшую тень и застыл на месте, весь обратившись в слух. Из-за ворот донеслось позвякивание железа, через некоторое время снова мелькнула тень, и варвар увидел двух стражников с алебардами, которые прохаживались у ворот.

«Это уже интересно! — чуть не присвистнул Конан. — Теперь их охраняет шангарская стража. — Он присел на корточки и глубоко задумался. — Что бы это могло значить?»

А подумать было о чем. Если стража Шангары охраняет Джунгирхана, то, скорее всего, Хафар все рассказал кому-то из местных. Тогда не исключено, что ему, Конану, в этой компании места уже нет.

Киммериец вернулся к зданию и отыскал окно, за которым должна была находиться спальня Испараны. Он не мог ошибиться, потому что днем хорошо запомнил расположение комнат в доме. Так, первое, второе, третье окно — должно быть, здесь. Варвар просунул

кинжал в щель между деревянными ставнями и пошевелил лезвием. Крак!

Защелка приподнялась, и он тихонько растворил ставни. Решеток на окнах, к счастью, не было, а рамы никто не закрывал, так как ночь была очень душной.

«Ну что ж, хоть здесь повезло!» Конан-осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, перелез через подоконник и очутился в просторной комнате, убранной без особых изысков: два дивана, сундук, столик с зеркалом и в углу большое ложе, занавешенное прозрачной тканью.

Киммериец прикрыл ставни и немного подождал, давая глазам привыкнуть к полумраку. Лунный свет скупо освещал комнату сквозь щели в ставнях, но варвар видел в темноте не хуже кошки. Мягкими шагами он подошел к ложу и раздвинул полог. Испарана! Она спала совершенно обнаженной, сбросив с себя покрывало. Зрелище, открывшееся Конану, было способно и мертвого поднять из могилы. Женщина лежала на спине, раскинув руки, и киммериец некоторое время просто смотрел на эту необыкновенную красоту, не в силах даже шевельнуться, словно его сковали неведомые силы, точно так же, как совсем недавно магия трехпалых карликов.

Словно почувствовав, что за ней наблюдают, Испарана пошевелилась и перевернулась на бок, и ее густые вьющиеся волосы черной волной упали на точеную шею. Движением руки она убрала их за спину и вновь ровно задышала в крепком безмятежном сне.

«Однако, — подумал варвар, — такие события вокруг, а она спит, как младенец...»

Не в силах больше бороться со своими желаниями, киммериец сбросил одежду и, как ящерица, легко скользнул на ложе рядом с Испараной.

— Испарана! — прошептал он ей на ухо, обнимая теплое расслабленное тело.

— А-а-а, ах!.. — простонала женщина, еще находясь во власти окутавшего ее сна, но непроизвольно потянувшись всем телом к варвару.

Конан сжал ее в объятиях. Испарана вздрогнула и, проснувшись, дернулась в его руках, пытаясь вырваться.

Глаза ее открылись, и она несколько мгновений, ничего не понимая, глядела на киммерийца. Потом рот женщины открылся, и крик уже был готов сорваться с губ.

— Тихо, — слегка прикрывая ей рот ладонью, прошептал варвар, — это я, Конан. Ты что, опять не узнала меня? — Он нежно, но крепко обнимал ее, так что женщина не могла даже пошевелиться. — Это я, — повторил он, вглядываясь в ее глаза, которые в ночном полумраке казались совсем черными, как угли.

— Конан! — выдохнула Испарана, окончательно пробудившись от сна. — Пусти! — Она попыталась отодвинуться от него. — Какой ты быстрый! Разве мы договаривались об этом? Может быть, я не хочу!

— Даже если и не договаривались, — со смешком отпарировал киммериец, — мы можем это сделать сейчас. А заодно ты успеешь, как следует разобраться, хочешь ты этого или нет.

— Дикое животное! Варвар! — сквозь зубы прошипела женщина, но в голосе, произносившем грубые слова, киммериец уже различил знакомые нотки, которые ясно говорили ему о том, что их желания сейчас совпадают.

— Ты права, я варвар! Дикий и необузданный! Но в свое время, помнится, ты не имела ничего против... — прошептал он, опрокидывая ее на спину и покрывая поцелуями пухлые чувственные губы, ямочку на подбородке и все прекрасное стройное тело молодой женщины.

За окном уже забрезжил рассвет, а двое все еще были не в силах оторваться друг от друга.

— Конан! — первой опомнилась Испарана. — Уже утро, сейчас все начнут подниматься.

— Еще совсем рано, — возразил киммериец, не выпуская ее из объятий, — у нас уйма времени.

— Нет, пусти!

Она села на постели, поджав под себя ноги, и варвар залюбовался совершенными очертаниями ее стройного пышногрудого тела на фоне пробивающихся сквозь ставни розовых лучей.

— Какая ты женщина, Испарана! — восхищенно шепнул он, поглаживая ее округлые икры и точеную выпуклость бедер.

— Какой ты мужчина, Конан! — усмехнулась она. — Теперь я, пожалуй, уже не могу сказать: «Каким ты будешь мужчиной», ты стал им, варвар! Только ты забыл, что я терпеть не могу, когда ты называешь меня так!

— Но это же было так давно, — улыбнулся киммериец, — теперь ты переменяла свое мнение, я уверен.

— Переменяла, не переменяла, — передразнила его Испарана. — Тебе угрожает смертельная опасность, вот о чем в первую очередь надо думать своей варварской головой! — Она посмотрела на него взглядом, в котором он прочитал нежность и беспокойство. — Надо свою шкуру спасать, а ты разлежся тут, словно хан в своих покоях.

— Что-то вроде этого, — с удовольствием потянулся киммериец, — с тобой, в самом деле, чувствуешь себя уж не меньше чем ханом.

— Ты будешь когда-нибудь серьезным, мальчишка? — всплеснула она руками. — Послушай меня хоть сейчас!

— Но раньше же у нас не было времени, — взяв ее за руку, ответил киммериец.

Ему очень хотелось продолжить занятие, которому они предавались всю ночь, но по лицу Испараны варвар понял, что дело действительно серьезное.

— Говори, — вздохнул он с сожалением.

— Хафар все рассказал о наших замыслах начальнику шангарской стражи Азатбахту, и тот обещал нас охранять и оказывать помощь...

— Ну и славно, — перебил ее варвар, — у вас будет меньше забот. Так в чем же беда?

— А в том, — сверкнула глазами Испарана, — что за это Хафар пообещал выдать им тебя! Вчера вечером он приезжал сюда и был очень раздосадован, что ты так и не появился. Тебя ищут по всему городу!

— В какое время он приезжал? — наморщил лоб варвар. — Я что-то ничего не заметил.

— Когда опустился туман...

— Какой туман? Разве вечером был туман?

— Куда же ты, интересно, смотрел? — удивилась Испарана. — Вчера вечером город накрыл такой туман, что за пять шагов ничего не было видно!

— Хм-м! — протянул варвар, — Наверное, только в ваших кварталах он и был, а я ничего не заметил.

— Ну, ладно, — махнула рукой Испарана, — не в этом дело. Азатбахт клялся

Вечноживым Таримом, что не выпустит нас отсюда, пока не поймает тебя!

— Да пусть хоть Эрликом клянется! — усмехнулся варвар. — Так он меня и взял, шангарская блевотина!

— Понимаешь, — Испарана скрестила руки на груди, — у нас нет выхода. Мы должны попасть в Хоарезм, ты же знаешь, там у Джунгир-хана родственник, а так...

— Охвостье Нергала! — выругался киммериец. — Ты что, забыла про меня? Я доберусь туда, только скажи, к кому мне обратиться. Потом и вас вытащу. Не впервой такие дела проворачивать, — не удержался он, чтобы немного не похвалиться.

— Надо подумать.

Испарана встала и сделала несколько шагов к окну, потом вернулась обратно. Варвар, не отрываясь, глядел на нее, потому что женщина так ничего и не накинула на себя и точеные линии ее тела, словно высеченные рукой божественного мастера, были несказанно прекрасны.

— Какая ты...

— Одевайся! — приняла, наконец, решение Испарана. — Пока раннее утро, постарайся незаметно выбраться из города. Помнишь, где мы встретились вчера?

— Обижаешь, — фыркнул киммериец, — я еще не старик, и с памятью у меня хорошо.

— Да, не старик, — улыбнулась Испарана, набрасывая на себя легкий халат, — это я знаю. Даже совсем не старик... Так вот, — продолжила она, — мои всадники остановились в селении чуть подалее на север от этого места. Доберешься туда, они дадут тебе коня, и поезжай в Хоарезм, к великому визирю тамошнего сатрапа. Его имя Мусайб. Расскажи ему все, что знаешь. Он должен помочь.

— Ну и ну, — присвистнул киммериец. — Большой человек... А если он не поверит мне?

— Поверит. — Испарана подошла к столику и из стоящего там ларца вытащила какой-то предмет. — Вот. — Она протянула киммерийцу белый платок, на котором был вышит ханский вензель. — Покажешь ему это.

— Жди! — Конан мгновенно облачился в свои одежды, подтянул пояс с мечом и кинжалом. — Дня через три-четыре вернусь либо пришлю гонца. Только не говори ничего Хафару. Если он продал меня, то и вас продаст, клянусь Кромом! Такой уж у вас в Замбуле народишко!

Он крепко прижал к себе Испарану и тихо, как привидение, выскользнул в окно.

Часть третья

ПУТЕШЕСТВИЕ В ХОАРЕЗМ

Глава первая

Конь, осторожно выбирая, куда ступить, медленно спускался вниз по каменной осыпи. Конан держался за повод, направляя коня по узкой, еле заметной тропе, петлявшей по склону горы. Чтобы сократить путь и не встречаться с дозорами, он решил перебраться через перевал по пешей дороге. Теперь киммериец уже жалел об этом. Конь шел с таким трудом,

что вряд ли, несмотря на все мучения, удастся выиграть хоть какое-то время. Скорее, наоборот. Варвар приложил ладонь к глазам, глядя вниз на расстилавшуюся под ним долину. Так и есть! Две арбы, которые тащили небольшие, но сильные и упрямые мулы, уже показались из-за поворота и, наверное, достигнут моста через бурную реку, с шумом прыгающую по каменным порогам, даже быстрее, чем он. А ведь когда Конан выехал из горного селения, они были лишь чуть-чуть, шагов на триста, впереди него.

Расставшись с Испараной, он благополучно перелез через городскую стену и, не привлекая ничьего внимания, бегом направился в селение, в котором стоял отряд туранских всадников Джунгир-хана. Командир дал ему крепкого коня, немного пищи в дорогу, и варвар, не мешкая, направился в сторону Хоарезма. Можно было добраться до цели по ровной широкой дороге, которая шла от Шангары по берегу моря Вилайет, но киммериец выбрал путь через горы.

Когда он, наконец, спустился с перевала, то у самого моста нагнал две арбы, которые видел с высоты. На передней сидел мужчина средних лет в коричневом кафтане поверх неопределенного цвета рубахи, а второй арбой правила женщина. Конан не мог определить ее возраст, поскольку она была одета в длинную белую накидку с наполовину закрывавшим лицо капюшоном.

— Эй! Поберегись! — Варвар направил коня чуть левее, чтобы обогнать маленький караван.

Возница попридержал повозку, и киммериец, кивнув ему в знак приветствия, направил коня по дороге, спускавшейся вдоль порожистой речки. Далеко впереди горы разбегались в стороны, долина становилась шире, и река разливалась большой заводью, похожей на ровное и спокойное озеро.

Однако еще дальше чуткое ухо варвара уловило шум большого водопада. Растительность, которая в этом месте состояла из невысоких кустарников, дальше, у самого разлива, уступала место тенистым деревьям и лужайкам с зеленой травой. Полянка с густыми высокими смоквами и чинарами выделялась ярким изумрудным пятном среди желтоватой скудной поросли горных склонов.

«Вот и хорошо, — решил варвар, — здесь сделаю привал. — Напою коня, да и самому пора чего-нибудь сжевать».

Последние несколько сотен шагов дорога сужалась, как бы создавая путникам последнее препятствие перед отдыхом в ровной долине. Конан взглянул вниз, под обрыв. Река шумела и пенилась белой гривой, словно тоже спешила попасть в прохладную заводь, предвкушая долгожданный покой. Выбравшись в долину, варвар нашел небольшую лужайку у самой воды и спешился. Он снял с коня упряжь и поклажу, и животное сразу же зашло в воду.

Погрузившись в нее чуть ли не по брюхо, оно принялось утолять жажду, поводя головой и фыркая от удовольствия.

Киммериец смыл с лица пот и дорожную пыль, а потом присел в тени раскидистого дерева, прислонясь спиной к шершавому прохладному стволу.

«Может быть, остановиться здесь на ночлег? — размышлял он, развязывая дорожную сумку, которую ему дал командир туранцев. — Вечер уже близко. Или проехать еще немного?»

Конан не знал этой дороги и решил, что, пока он поит коня и перекусывает сам, подъедут две арбы. У тех людей он сможет расспросить, каков путь впереди.

«Что там сунул мне этот сын пустыни? — Варвар вытащил узелок, в котором лежал его

обед. — Хм! Не пожадничал, туранская задница!»— удивился он.

И, правда, в белую тряпицу были завернуты несколько изрядных кусков холодной баранины, пара лепешек и мешочек с урюком. К этому была добавлена большая бутылка темно-зеленого офирского стекла. Конан вытащил зубами пробку и понюхал ее содержимое. Вино!

«Неплохо, клянусь Кромом!» Он завернул в лепешку кусок мяса и принялся жадно жевать: он не ел уже больше суток.

Покончив с трапезой, киммериец, прихлебывая вино, наслаждался безмятежным отдыхом, поглядывая на склонившиеся к воде ветви деревьев, зеленую траву, бродившего по мелководу коня. После столь бурно проведенных нескольких дней этот краткий привал казался ему островком покоя. Вдруг до его слуха донеслись какие-то крики.

Варвар приподнялся, поглядел в сторону дороги и увидел, что мужчина, упираясь в каменистую тропу, старается удержать на обрыве накренившуюся арбу, а женщина, видимо выпавшая из нее, скользит по склону прямо в горный поток.

«Наверное, мул оступился на узкой тропе!» Киммериец вскочил на ноги, соображая, как помочь беде.

Поток уже нес женщину к заводи. Бедняжка отчаянно барахталась, пытаясь удержаться на поверхности, ее руки и голова то показывались, то исчезали в пенистых волнах.

Вода вынесла ее почти на середину разлива, но спокойствие реки было обманчиво: сильное течение неумолимо тащило женщину вперед.

«Водопад!» Конан расстегнул пояс с оружием и бросился в воду.

Варвар плавал не хуже рыбы, но понадобились все его силы, чтобы перехватить женщину, которая потеряла сознание, ударившись о камни. Несчастная не могла сопротивляться потоку, и он нес ее к острым скалам, выступавшим у того места, где река с ревом низвергалась вниз.

Киммериец поднырнул под женщину и, подхватив ее левой рукой подмышку, вытащил из-под воды. Теперь поток стремительно увлекал их обоих, и Конану не удавалось, работая одной рукой, ему противостоять. Острые, выступающие над водой камни, отмечавшие начало водопада, стремительно приближались. Варвар изо всех сил старался как можно ближе подплыть к берегу, но в этом месте разлив сужался в горловину и течение было особенно сильным.

Водопад был уже совсем рядом. Еще мгновение, и поток, падающий вниз, увлек бы и их, но киммерийцу удалось невероятным усилием в последний миг уцепиться за камень, который выступал над водой. Он прислонил женщину к его скользкой поверхности и наконец поднял голову, чтобы перевести дух. Справа и слева от них с ревом падала вниз река, и варвар напрягал все силы, чтобы не сорваться вместе с бушующей стремниной.

«Как же выбраться отсюда? — Конан чуть ослабил хватку, и поток потащил его влево, затягивая вниз. — Нергал мне в печень! Так и сдохнуть недолго...»

Киммериец вцепился в камень, словно пиявка, присосавшаяся к ноге, но поток бросал их, то вправо, то влево. Ему стоило больших трудов удержаться на месте, тем более что спасенная им женщина не подавала признаков жизни. Ее голова, полностью закрытая мокрым капюшоном, неподвижно лежала у него на плече.

«Не оставаться же здесь на всю жизнь...»

Киммериец лихорадочно искал выход. Руки у него были заняты: одной он ухватился за выступ камня, другой старался держать женщину так, чтобы ее голова оставалась над

поверхностью воды. Решение, как всегда, пришло неожиданно. Он перевернул женщину к себе спиной и вцепился зубами в ее одежду в том месте, где начинался капюшон. Теперь одна рука освободилась. Поглядывая на поток, чтобы не упустить мгновения, когда вода начнет затягивать их вниз, он одной рукой стал рвать одеяние женщины снизу до плеч. Когда оно превратилось в два развевающихся крыла, киммериец перевернулся и, забросив спасенную себе на спину, попытался связать концы ее одежды у себя на горле. Помогая зубами, он кое-как закрепил ткань и теперь почувствовал себя гораздо более свободно. Он повернул голову и скосил глаза, чтобы посмотреть, не пришла ли в себя женщина.

«Боги! — воскликнул он про себя. — Она же почти девочка...»

Действительно, он увидел лицо совсем молодой девушки. Глаза ее были закрыты, но варвар чувствовал на своей шее дыхание.

«Жива, — обрадовался Конан. — Хоть не зря старался, клянусь Солнцеликим!»

Он протянул руку и начал потихоньку разматывать с пояса веревку, которая уже не в первый раз должна была сослужить ему верную службу. Краем глаза он увидел, что мужчина, который успел уже приблизиться к водопаду, бежит по берегу и кричит, но что именно, из-за рева воды киммериец не слышал. Он продолжал разматывать веревку, накручивая ее на руку, что было совсем непросто, ведь в любое мгновение он мог сорваться вниз. Вряд ли их ожидали мягкие перины, а вот вероятность, что они грохнутся на острые камни, в тысячу раз больше. Наконец варвар размотал почти всю веревку и, оставив в ладони конец с крюком, всю остальную часть скинул с руки. Поток сразу же захлестнул петлю и унес куда-то вниз.

«Что ж, попробуем... — Конан чуть не по пояс выпрыгнул из воды и, размахнувшись, бросил конец веревки на берег. — Должно получиться!»

— Лови! — успел крикнуть он мужчине, сомневаясь, впрочем, что тот его услышит.

Однако мужчина, видно, понял его замысел и рванулся на крюк, словно кот, ловящий мышь. Он поймал конец веревки и закрепил его на ближайшем стволе дерева.

Конан следил за его действиями, ожидая сигнала. Мужчина схватил веревку обеими руками и помахал ему. Киммериец отпустил камень и сильно оттолкнулся от него ногами. Вода потащила его к обрыву, но вовремя подвернувшийся помощник справлялся отлично: он мгновенно выбрал лишнюю часть веревки, что спасло варвара и женщину. Веревка натянулась, как струна, но выдержала.

Ее длины уже не хватало, чтобы поток отнес их к водопаду. Действуя двумя руками, варвар подплыл к следующему камню, который был уже ближе к берегу, затем махнул рукой, и они повторили маневр. После следующего раза Конан уже нащупал ногами дно и, хотя поток стремился сбить его, встал. До берега оставалось каких-нибудь два десятка шагов. Мужчина натянул веревку, и с его помощью киммериец преодолел расстояние, отделявшее их от спасительного берега. Он подхватил женщину на руки и вынес ее на сушу.

— Спасибо тебе! — услышал он голос мужчины.

Варвар положил девушку на траву. Она осталась почти обнаженной, и Конан увидел бледное девичье тело с едва сформировавшейся грудью и узкими, как у мальчика, бедрами.

— Благодарить будешь потом! — закричал он. — Надо привести ее в чувство!

Мужчина вытащил из кармана стеклянный флакончик и поднес его пробку к лицу девушки. Бедняжка слабо застонала и открыла глаза.

— Что со мной?

— Все хорошо! — обрадовался мужчина. — Сейчас, сейчас, — пробормотал он и бросился к дороге.

— Подожди, — схватил его за рукав киммериец. — Перенеси ее на ту лужайку, — показал он место, где пасся его конь, — там хоть не слышно этого грохота. Я сейчас приведу твоих мулов.

Конан побежал в гору, где стояла арба мужчины, а вторая, застряв в камнях, почти свалилась с дороги, но каким-то чудом удерживалась там все это время, пока он боролся с водопадом. Варвар, подбежав к обрыву, схватил руками оглоблю повозки и, понукая мула, с его помощью вытащил арбу. Дальше все было просто: он прикрепил повод второго мула к заднему борту первой арбы. Первый мул, когда варвар взял его за повод, сперва немного поупирался, чувствуя чужого, но громогласный рык Конана убедил даже это упрямое животное. Когда киммериец привел обе повозки к месту стоянки, девушка уже сидела, стуча зубами, плотно закутавшись в кафтан своего спутника, а тот быстро и ловко разводил костер. Огонь скоро разгорелся, и мужчина обернулся к киммерийцу, с которого еще продолжала капать вода:

— Тебе тоже нужно бы переодеться, но у меня вряд ли найдется что-нибудь подходящее. Уж больно ты большой!

— Ничего, — утешил его варвар, — я привык. Одежда мне вполне хватит.

Взяв одеяло, он отошел подальше, чтобы не смущать девушку и дать ей возможность переодеться в сухое. Когда он вернулся, огонь горел вовсю. Вокруг костра уже были вбиты колья и протянута веревка, на которой сушилась мокрая одежда.

— Давай твою, — протянул руку мужчина, — она скоро высохнет.

Киммериец сел около костра, обернув одеяло вокруг бедер, и огляделся вокруг. Теперь наконец-то можно было перевести дух.

— Век не забуду тебя, — обратился к нему мужчина, — ты спас мою единственную дочь, и я...

— Значит, боги так захотели, — остановил его варвар, — не о чем говорить!

— Я не знаю, кто ты и как отблагодарить тебя, — не сдавался мужчина.

— А, брось ты все это! — Киммериец махнул рукой и, повернувшись, подмигнул девушке — Как ты, красавица, в порядке?

Девушка смотрела на киммерийца широко распахнутыми черными глазами, в которых читалось явное восхищение.

— Меня зовут Конан, — снова повернулся он к мужчине, — я родом из Киммерии.

— Слышать об этой стране слышал, а вот видеть киммерийцев до сих пор не приходилось, — сказал мужчина. — Меня зовут Аршад, я из Хоарезма, а это моя дочь Маниже. Мы будем молиться богам за твоё здоровье и благополучие, пока живы.

— Спасибо, — поклонился ему киммериец, поддерживая спадающее одеяло, дабы не смутить девушку своим видом, — только не переусердствуй, совершая это слишком часто. И было бы совсем хорошо, если б у тебя нашелся глоточек вина. Это будет самой лучшей благодарностью, какую я видел за всю свою жизнь, клянусь и нашим Кромом, и Светлооким Митрой, и вашим Эрликом, и даже его Вечноживым пророком Таримом!

— Ужин почти готов, — улыбнулся Аршак, направляясь к арбе, — и я вполне могу исполнить твоё желание.

Через некоторое время мулы присоединились к скакуну Конана, а трое людей сидели возле расстеленной на траве скатерти. Она была завалена всякой снедью, среди которой покоилась пара тугих бурдючков.

— Белого или красного? — спросил мужчина.

— Начнем... — задумался Конан, оглядывая пиршественное изобилие, — начнем с рыбы. Значит, вино белое.

Общение с благородными вельможами, которое время от времени приходилось терпеть киммерийцу, приучило его к некоторым хитрым правилам трапезы, которых они придерживались. Иногда он любил щегольнуть этими знаниями.

— Хм! — удивился Аршад. — А говорил, что ты из варваров.

— Варвары бывают разные, — самодовольно отпарировал киммериец, пробуя вино. — Неплохое, — хлебнув изрядный глоток, похвалил он, — похоже на барахтанское.

— Оно и есть, — снова удивился мужчина, глядя на Конана. — Ты еще очень молод, но неплохо разбираешься в винах!

— Выпить привелось немало, поневоле начнешь разбираться, — расхохотался киммериец, которому присутствие хорошенькой девушки всегда поднимало настроение. Впрочем, как говорят, это происходит со всеми мужчинами, если, они не больны. На здоровье же, хвала богам, Конану жаловаться не приходилось.

— Давай выпьем за тебя, — предложил Аршад, поднимая кружку.

— Лучше уж за судьбу, — возразил варвар, — ведь что мы такое, в конце концов, как не маленькие незаметные песчинки в бурном море жизни?

— За удачу!

Они залпом осушили кружки и потянулись к копченому лососю.

Глава вторая

Так всегда бывает в таких случаях, потекла беседа, обильно сдабриваемая и белым, и красным вином.

Маниже, закутанная в одеяла, мирно спала в сторонке, а мужчины вели неспешный разговор.

— А ты чем занимаешься? — любопытствовал киммериец, отдавая должное припасам своих нечаянных спутников.

— Да как тебе сказать, — начал Аршад, — вообще-то... — Он подумал немного, глядя на разгорающиеся звезды. — По правде говоря, я маг и звездочет.

— Вот те на! — Варвар чуть было не поперхнулся. — Нергал мне в кишки, никогда бы не подумал!

— Что, не очень-то любишь нашего брата? — усмехнувшись, поинтересовался Аршад.

— Да нет... — замялся Конан. — Не то чтобы не люблю... Но отношусь, честно скажу, с определенной опаской.

— Правильно, — согласился маг. — Колдуны бывают разные, и лучше держаться от них подальше. Но тебе со мной ничего не грозит, — успокоил он варвара, — напротив, я приложу все силы, чтобы тебе помочь. А помощь тебе, мне так кажется, не помешает.

— Почему ты так думаешь? — насторожился киммериец.

— Да вот перстенок твой увидел, — указал на его руку Аршад.

— Ну и что, кольцо как кольцо, — медленно проговорил Конан и повертел своим мизинцем перед глазами чародея. — Очень даже приятное на вид.

— На твоём месте я бы отнесся к этому более серьезно, — тяжело вздохнул чародей. — Где ты его взял?

— С купчика одного снял, — небрежно ответил варвар. — А что, он связан с каким-то колдовством? — вдруг насторожился он, взглянув в глаза Аршаду.

— С каким-то! Если бы... — покачал головой Аршад. — Скажи, с тобой не случилось в последнее время что-нибудь необычное?

— Еще как случилось, — криво усмехнулся киммериец и рассказал ему про маленьких трехпалых созданий и про огромный гриб, выросший из-под земли.

— Этого я и боялся, — нахмурился колдун. — Я расскажу тебе одну легенду, а дальше подумаем вместе, как поступить. — Он уселся поудобнее и начал свое повествование — Слушай же эту занятную и удивительную историю. Возможно, она прочистит твои мозги, хотя я и не могу поручиться за то, что все рассказанное в ней истинная правда. Маги, как и обычные люди, не всегда умеют отсеивать правду из множества слухов и сплетен.

Это было настолько давно, что человеческая мысль не в состоянии охватить череду веков, прошедших с той поры. В Гулистане, у подножия горы Имш, обитало племя людей, которые называли себя лакуди. Они были малы ростом, смуглы и черноволосы, а пищу себе добывали охотой на горных баранов и птиц. Кроме того, они были рудокопами и добывали золото в пещерах своих гор. Лакуди ничего не умели с ним делать и меняли самородки и золотой песок на наконечники для копий и стрелы у заходивших к ним вендийских торговцев. Как-то в их земли пришел человек с Заката. Никто не знает, как он попал туда, как преодолел несколько горных хребтов, пустынь, степей и лесов: человек был немым и не мог рассказать того, что с ним приключилось. Он знаками попросил еды и ночлега, и лакуди приютили его на ночь. С собой у него были только мешок с инструментами и посох. Утром вождь племени, увидев его инструменты, спросил, для чего они, и путник показал на серьги его жены — он был ювелиром. Тогда вождь велел своим воинам оставить этого бродягу в племени.

Мастер прожил вместе с лакуди несколько зим. В пещере, где он поселился, для него устроили мастерскую, а под его начало поставили людей, которые выжигали древесный уголь, раздували горн и выполняли все поручения мастера. Он сделал много замечательных украшений для вождя лакуди и его жен, для других вождей племени. Эти вещи были так прекрасны, что побрякушки, привозимые вендийскими торговцами, не шли с ними ни в какое сравнение. Особенно красивыми и тонкими по работе получились два перстня с отлитыми изображениями невиданных для этих мест птиц с длинными распущенными хвостами и хохолками на высоко поднятых головках. Эти кольца он сделал для двух сыновей вождя, близнецов, похожих друг на друга как две капли воды.

Но вот однажды, когда его помощники пришли утром в пещеру, они не застали там мастера. Никто не видел и не слышал, как он покинул ночью племя. Вождь, узнав об исчезновении немого, снарядил за ним погоню, благо уйти из этих мест можно было только по двум горным тропам. Отряды, которые бросились на поиски, возглавили два его сына.

Пеший не может бежать так быстро, как лошадь, и уже к вечеру два отряда вернулись обратно. Но когда они съехались в лощине, где их ждал вождь и его подданные, крики удивления пронесли по горам, разносимые дальним эхом: каждый отряд привел с собой беглеца! Их оказалось двое, причем совершенно одинаковых, словно близнецы! Ропот прошел по рядам столпившихся вокруг лакуди. Люди почувствовали, как их охватил ледяной озноб, а в воздухе повеяло дыханием чего-то необъяснимого и ужасного. Двойники были немыми, так что ничего узнать от них никто не мог, ибо за то время, что мастер провел среди лакуди, он общался со всеми только посредством десятка жестов.

Вождь был человеком решительным.

— Это колдовство! — воскликнул он, и племя молча внимало его словам. — Сжечь их!

Обоих пленников привязали к стволу высохшего дерева и, обложив сухими ветками, подожгли костер. Они сгорели в безмолвии, только лица их исказились от нестерпимой муки, когда языки пламени добрались до них и жар объял их тела. Костер занялся очень высоко, поскольку хвороста для него не пожалели, и в какое-то мгновение он вырос в гигантский гриб, а его чудовищная шляпа, окутанная пламенем и клубами дыма, накрыла всю поляну. Потом дым рассеялся. Люди в страхе попадали на землю, и многие лежали так до тех пор, пока не догорел костер. Пепел развеяли по ветру, и в память об этой жуткой истории, о которой старались не упоминать вслух, остался только обгоревший пень. Прошло несколько лет, и еще один путник пришел к подножию Ишма. За это время в племени произошли кое-какие события. Вождь отошел в иной мир, и его наследники, близнецы, никак не могли поделить престол. В конце концов, один из них изгнал брата с земли предков. Путник тоже был немым, как и пришедший сюда когда-то золотых дел мастер. Вождь племени, усмотрев в его изъяне опасность, что история с двойниками может повториться, приказал немедля убить его, а тело сжечь. Снова, как и в тот раз, из горевшего костра вырос огромный гриб, повергший племя в смертельный ужас.

— Это неспроста! — кричали объятые страхом люди. — Боги накажут тебя, вождь!

Но судьба распорядилась иначе. Однажды ночью, когда все племя спало в пещерах, земля загудела. Под ужасающие раскаты грома вздрогнули горы, с ревом и грохотом посыпались вниз камни и обломки скал. Они закупорили выходы из каменных мешков, в которые превратились жилища лакуди, и больше их никто и никогда не видел. Только вождю племени удалось спастись, но, когда он обходил окрестности в надежде, что найдет живыми кого-нибудь из своих соплеменников, на его пути вдруг вырос гигантский гриб буро-зеленого цвета с щупальцами, на концах которых были утолщения, похожие на глаза. Вождь лакуди в страхе бросился прочь, но гриб остановил его, опрокинул на землю и вбил в нее, как плотник вбивает гвоздь в доску. На поверхности остался только золотой перстень, соскочивший с пальца вождя. Он мгновенно вспыхнул, как кучка сухой травы, но горел очень долго, ярким голубым огнем, разбрасывая далеко вокруг себя искры и окутывая дымом близлежащие скалы.

Племя лакуди, как утверждает легенда, не исчезло совсем. Колдовство превратило их в существа, похожие на кротов, и обрекло на пребывание под землей в темноте до тех пор, пока они не найдут второй перстень с изображением павлина и не отдадут его жрецам Сабатеи. И вот это племя передвигается за обладателями волшебного золотого кольца, чтобы отобрать его. Но каждый раз, когда они пытаются завладеть им, неожиданно появляющийся гигантский гриб вновь отправляет их во мрак, под землю, и никто не знает, когда это закончится. Говорят, что этим грибом тоже управляют какие-то колдуны или кто-то из магов превращается в него, но никто не знает, правда ли это.

— Тогда мне лучше избавиться от него. Долой, дерьмо ослиное! — Киммериец попытался снять кольцо с пальца.

— Попробуй, — пожал плечами Аршак, — только сомневаюсь, что у тебя это получится.

Он хмуро глядел, как варвар изо всех сил старается содрать перстень с мизинца. Но это ему никак не удавалось, как будто кольцо и палец срослись в единое целое.

— Проклятый чародей, что ты на меня так смотришь?! — Киммериец почувствовал, что его охватывает смертельный ужас, хотя он был смелым и решительным человеком и успел

побывать не в одной смертельно опасной передряге. — Скажи, ты знаешь еще что-нибудь об этом кольце с павлином?!

— Я слышал эту историю краем уха, — покачал головой Аршад, — и больше того, что рассказал тебе сейчас, мне неизвестно, но, — он по-доброму посмотрел на варвара, — когда я вернусь домой в Хоарезм, обещаю разузнать все, что смогу, и помочь, насколько хватит моих сил и умения. Я в неоплатном долгу перед тобой.

— Ладно, — буркнул киммериец, — прости, что накричал на тебя. Для меня все это было немного неожиданно. Сам понимаешь...

— Я не в обиде, — просто ответил Аршад. — С кем не бывает?

Глава третья

Остаток пути до Хоарезма Конан преодолел быстро. Утром он попрощался с Аршадом и Маниже и поскакал вперед: всадник передвигается быстрее повозки, а киммерийцу надо было спешить. Солнце едва перевалило за полдень, а он уже был у ворот Хоарезма.

Уплатив положенную мзду за въезд в город, варвар направился ко дворцу сатрапа, надеясь попасть на прием к великому визирю Мусаibu. Стражники, недоуменно оглядев киммерийца, все же объяснили ему, как туда добраться. Следуя их указаниям, Конан проехал несколько улочек и попал на довольно-таки широкую аллею, которая вела прямо к дворцу. На площади перед высоким зданием, выстроенным из полированных гранитных блоков, с широкой красивой лестницей, ведущей наверх, стояли несколько человек в форме солдат правителя. Варвар остановил коня и спешился. Тотчас к нему подскочил вооруженный кривым туранским мечом стражник.

— Проваливай, здесь не разрешено останавливаться без дела! — грубо закричал он на Конана.

— Утри сопли, мозгяк, — столь же нелюбезно ответил ему киммериец, — откуда ты знаешь, какие у меня тут дела?

Стражник застыл с открытым ртом. Видимо, он не ожидал столь сурового отпора от незнакомого всадника.

— Захлопни пасть! — гаркнул на него варвар. — У меня дело к великому визирю Мусаibu! Да пошевеливайся, — прикрикнул он на оторопевшего стража, — мне некогда ждать!

Стражник побежал к товарищам и что-то зашептал на ухо одному из них, видимо старшему. Тот поправил шлем, украшенный плюмажем из павлиньих перьев, окинул взглядом киммерийца и поманил его к себе.

— Кто ты такой, что надеешься повидать столь важного человека? — надменно процедил он.

— Послушай, приятель... — начал Конан.

— Какой я тебе приятель! — завизжал стражник. — Ты, деревенщина, разговариваешь с начальником смены стражи правителя! Я сейчас прикажу бросить тебя в темницу!

— Большой командир, ничего не скажешь! А это ты видел? — Рассвирепевший Конан сложил из трех пальцев всем известную фигуру и поднес ее к носу начальника. — Если ты сейчас же не доложишь обо мне визирю, он, клянусь Кромом, как пить дать вышибет тебя из твоих лат. Ты и охнуть не успеешь! А если он не захочет марать об тебя руки, я ему с

удовольствием помогу! Будешь на помойке объедки собирать, а не в шлеме с перьями расхаживать, курица безмозглая!

Поведение киммерийца и его решительность заставили начальника слегка призадуматься.

— А если... — начал он, но варвар не дал ему закончить.

— Ты что, вислозадый потомок шакала, долго будешь тут еще время тянуть? — гаркнул он. — Тебе же ясно сказали: доложить, и немедленно! Великий визирь Мусаиб сам решит, что ему делать, без твоих подсказок, ублюдоков!

Начальника стражи, словно молотом ударили по голове. Никто в этом городе, кроме его собственной жены, начальника стражи и высокочтимого Мусаиба, не осмеливался обращаться с ним столь непочтительно, да еще и орать при этом. Бедняге показалось, что земля закачалась у него под ногами. Стражники, совершенно очумев от такого зрелища, застыли, словно истуканы.

— А-а-а! — Развернувшись, начальник смены отвесил оплеуху ближайшему солдату. — Что стоишь, болван? Не видишь, что ли, человек со срочным делом? Быстро доложи почтеннейшему старшему писцу! Ну! — заорал он, пытаясь подражать рыку киммерийца. — Живо! Совсем разболтались, бездельники!

Окинув злобным взглядом подчиненных, начальник смены стал медленно подниматься по лестнице, звеня шпорами щегольских сапог из тонкого сафьяна. Потупившиеся стражники не смели даже глаз поднять на варвара, настолько их напугало происшедшее. Конан, опершись на меч, ожидал, когда вернется посланный к писцу солдат.

«Вот ведь мерзкое племя, — усмехнулся он про себя, — сразу в штаны наложили, стоило только рявкнуть погромче».

Довольно скоро стражник вернулся. За ним семенил человечек в белой одежде с гладкой лысой головой, чем-то напоминавшей яйцо, только что снесенное курицей. Сходство усиливали раскиданные на блестящей поверхности его черепа несколько темных родимых пятен.

— Кто ты? — обратился он к киммерийцу, настороженно глядя на него блестящими глазками.

— Я от Джунгир-хана, — наклонившись к нему, прошептал Конан.

— Что же ты сразу не сказал об этом стражникам?

— А это не для их ушей. Лучше, чтобы об этом не знал и ты, — усмехнулся варвар, — но это уж головная боль твоего господина.

— Эй! Возьмите у него коня! — крикнул человечек стражникам. — Пойдем со мной, — кивнул он варвару, глядя на него с некоторым испугом.

Они поднялись по широкой лестнице, но направились не к главному входу, где стояли несколько стражников с алебардами, а обошли фасад здания и, свернув за угол, очутились у высокой каменной изгороди. Среди серых, потрескавшихся от времени камней даже очень зоркие глаза киммерийца с трудом разглядели почти незаметную маленькую резную дверь. Писец постучал в нее условным стуком. Сначала сквозь приоткрывшееся отверстие глазка их кто-то долго и внимательно изучал, потом послышалось звяканье металла. Наконец створка двери заскрипела на петлях, и Конан, пригнувшись, вслед за писцом вошел внутрь.

Помещение, в которое он попал, оказалось на удивление просторным, чего трудно было ожидать, входя через такую маленькую дверцу. Высокий расписной потолок опирался на два ряда мраморных колонн, которые образовывали по обеим сторонам зала нечто вроде двух

галерей. Свет струился из больших окон, расположенных под самым потолком. Выше колоннады весь центр помещения был просто залит им, зато в гораздо более темных галереях стенная роспись едва угадывалась. Между колоннами стояли бронзовые светильники в виде плоских чаш на изящных резных ножках, напоминающих обвитые плющом стволы тонких деревьев. Пол в этом великолепном зале был выложен разноцветными плитками, которые образовывали витиеватые узоры, обволакивающие основания колонн и уходящие в сумрак галерей. В десяти шагах перед киммерийцем находилось круглое возвышение высотой примерно в два его роста, напоминающее башню. Оно занимало примерно четверть пространства между колоннами. Прямо под возвышением начинались ступени, уходящие куда-то вниз.

Вдали виднелся резной портал, обрамляющий высокие двустворчатые двери, около которых с каждой стороны стояло по паре стражников, мускулистых и свирепых на вид, с обнаженными кривыми туранскими мечами. Человек, который впустил их, закрыл дверь на засов и махнул рукой, приглашая следовать за собой. Они обошли сооружение, напоминавшее башню, и встали в центре зала.

Повернувшись лицом к возвышению, варвар увидел, что оно не только походило на сторожевую башню, но по существу ее и заменяло: передняя стена была прорезана узкой лестницей, на площадке которой располагалось высокое кресло, покрытое ковром. В кресле сидел рослый худощавый человек в дорогих белых одеждах, который смотрел на киммерийца пристальным и надменным взглядом. У его ног примостился еще один человек, который что-то с усердием писал, склонившись к маленькому изящному столику. У подножия лестницы стояли два вооруженных мечами человека.

«Вот это да! — чуть не присвистнул варвар. — Тут не проскочишь!»

Писец поднялся на возвышение и, склонив голову, слушал, что говорит ему визирь, которым, несомненно, и был похожий на скелет человек в белых одеждах. Спустившись вниз, писец потребовал, чтобы киммериец снял свое оружие и положил его на стоявшую рядом мраморную скамью.

Конан предпочел бы не расставаться с мечом, но перечить не стал и расстегнул пояс, на котором висело оружие. Писец показал ему рукой, что он может подняться к визирю, а сам потрусил за возвышение.

— Так ты пришел от Джунгир-хана? — спросил Мусаиб, когда киммериец поднялся к нему на площадку.

— Да, высокочтимый! — коротко ответил варвар.

— У тебя есть доказательства?

— А как же! — усмехнулся Конан, доставая лоскуток белой ткани с ханским вензелем.

Визирь взял платок и внимательно осмотрел его.

— Действительно, ты не солгал, — медленно произнес он. — Так в чем же дело?

— Это разговор не короткий, — сказал киммериец.

Брови Мусаиба удивленно взлетели вверх. Однако намек он понял. Дерзость посланца, как ясно показывал его взгляд, не особенно пришлась визирю по вкусу, но все же он коротко указал Конану на скамью, стоящую слева от его кресла. Варвар же за свою жизнь видывал и не таких вельмож и привык не раболепствовать перед ними, если того не требовали уж совсем особые обстоятельства. Он спокойно поднялся еще на несколько ступенек и, заняв предложенное место, хотел уже было начать рассказ, но визирь знаком остановил его.

Киммериец проследил за его взглядом и увидел, что внизу, посередине зала, началась

какая-то не совсем понятная ему возня. Два человека принесли деревянную скамью, которую установили прямо перед возвышением, еще двое направлялись к ней, держа в руках продолговатые предметы. Их назначение варвар понял через несколько мгновений, когда услышал жалобные вопли и увидел, как двое стражников волокут к скамье человека, лицо которого показалось ему знакомым.

«Ха, да это же начальник смены, — узнал его варвар. — А ведь я, видят боги, его предупреждал!»

Стражники действовали быстро и расторопно. Они спустили с бедняги штаны и, закатав рубаху на спине, бросили его лицом вниз на скамью, причем один из них держал руки, а другой брыкающиеся ноги в щегольских сафьяновых сапогах.

— Пятнадцать! — коротко бросил Мусаиб.

Старший писец подал знак, и люди с длинными предметами, что оказались тонкими гибкими палками из молодого бамбука, принялись поочередно хлестать ими вопящего от боли провинившегося бедолагу. Непосвященному такое количество палок могло показаться небольшим наказанием, но варвар по собственной шкуре знал, что такое пятнадцать ударов, когда палка находится в руках опытного палача. Спина надменного стража после первых же ударов окрасилась кровью, а когда дело дошло до десяти, он прекратил даже орать. Последние удары сопровождались только чавкающими звуками разрываемой плоти. Великий визирь Хоарезма, подперев голову рукой, со скучающим видом наблюдал за представлением. Когда оно закончилось, он взмахом руки отослал всех его участников прочь. Они действовали так же заученно и ловко, как и в начале: быстро уволокли потерявшего сознание стража, унесли скамью, а двое слуг тут же замыли следы крови на мраморном полу.

— Теперь можешь продолжать, — разрешил визирь, повернувшись к киммерийцу.

Варвар подробно рассказал ему все, что просила передать Испарана, умолчав на всякий случай о том, что она и Джунгир-хан остались в Шангаре как заложники.

— Хм, — пожевал губами Мусаиб, изображая глубокое раздумье, — этот вопрос так сразу не решишь. Я должен кое с кем посоветоваться. Кстати, почему они не приехали прямо сюда? — Им не хотелось поставить тебя, о, высокочтимый, в сложное положение, — быстро нашелся киммериец. — Еще неизвестно, как может посмотреть на все это наместник, когда узнает, что они просят тебя о помощи. По этой же причине, — продолжал варвар, — высокочтимый Хафар поручил встретиться с тобой мне.

Мусаиб посмотрел на киммерийца подозрительным взглядом, но ответ, кажется, его удовлетворил.

— Ты не похож на местных, — переменял он тему разговора. — Откуда ты?

— Я родом из Киммерии, — ответил варвар, — служу наемником в Замбуле.

Это было ложью, но Конан упомянул об этом, чтобы не возникло лишних расспросов. Мусаиб кивнул головой, по-прежнему погруженный в свои думы. Он уже решил, что трон Замбулы должен достаться ему, поэтому появление посланца от Джунгир-хана было несколько неожиданным и могло спутать все карты. Визирь ожидал, что мальчишка сам приедет в Хоарезм и попадет к нему в руки. То, что он остановился в Шангаре, оказалось неприятным сюрпризом.

«Как же поступить? — ломал голову визирь, искоса наблюдая за киммерийцем. — Что, если заточить его в темницу и пытками вытянуть все, что он знает? Это было бы неплохо, но вдруг в Шангаре ждут его возвращения со дня на день? Тогда, если этот варвар не вернется, они могут насторожиться, и провернуть дело так, как я рассчитывал, будет гораздо

труднее. — Он взглянул на Конана. — Мальчишка еще! А если попробовать его подкупить? Нет! Тоже не совсем подходит, он и отказаться может... А если они снюхались с кем-то из шангарской знати, эти потомки шелудивых псов?..»

— Вот что, — принял, наконец, решение великий визирь, — погости денек в Хоарезме, посмотри город, а послезавтра приходи ко мне. Я буду готов помочь Джунгир-хану, не сомневайся.

«Приставлю к нему шпионов, узнаю, нет ли у него сообщников, — думал он между тем про себя, — а когда он будет возвращаться, проследим за ним, сам приведет к этому юнцу. К тому времени я уже решу, сразу отправить наследничка на Серые Равнины или подождать немного. Да и Мизра кое-что успеет посоветовать».

Конан поклонился визирю и начал спускаться по лестнице.

— Постой! — вспомнил вдруг что-то Мусаиб. — Негоже такому знатному гостю по трактирам маяться. Может быть, остановишься у меня во дворце?

«Нет уж, спасибо! — усмехнулся про себя варвар. — Подальше от милостей таких высокочтимых».

— Благодарю тебя, — склонил он голову в знак благодарности. — Я остановлюсь в «Тухлом драконе», по-моему, очень приличный постоялый двор.

— Как знаешь, — недовольно поморщился визирь.

«А глаз я с него все же не спущу, — укрепился он в своем решении. — Молод, мерзавец, а штука не простая, ох, не простая, клянусь Таримом! Явно что-то скрывает...»

Глава четвертая

Когда киммерийца выпустили через потайную дверь, визирь поманил к себе старшего писца.

— Гонца к Мизре — раз, проследить, куда поедет этот варвар, — два, — загибал он пальцы, — но только чтобы без шума, а вот глаз с него не спускать. Три — на всех городских воротах выставить дополнительную охрану и не выпускать его ни под каким предлогом без моего приказа. — Он бросил на писца испепеляющий взгляд. — Понял?

Старший писец внимательно слушал, кивая головой. Потом он осмелился вставить несколько слов:

— Высокочтимый, трое шпионов уже приставлены к нему...

— Молодец, — похвалил визирь, — за сообразительность тебя и держу. Зайди к казначею, пусть выдаст тебе, как обычно.

Писец приник губами к руке визиря:

— Нет слов благодарности, о, высокочтимый, я...

— Иди, иди, — прервал его Мусаиб. — Всю руку обмусолил, экий ты слюнявый...

Слуга, вне себя от счастья, скатился со ступеней.

«Мерзкое племя, — точно как Конан, подумал визирь, — чуть погладишь, готов всю морду себе расшибить, а если что, так же легко и продаст. Впрочем, на все воля Эрлика»

Варвар пустил своего коня медленным шагом. Торопиться было некуда, лучше всего спокойно осмотреться. Что-то не понравился ему этот визирь. Не очень похоже, что он готов помочь своему родственнику. Глаза его выдают, не производит Мусаиб впечатления человека, которому можно довериться. Значит, решил киммериец, надо держать ухо остро, а то легко

можно и в темницу угодить или, того хуже, на Серые Равнины отправиться напрямик из Хоарезма. Еще перстень этот, дернул же Нергал взять его у того купчишки! Варвар покосился на кольцо. Будь оно неладно! Ну ладно, здесь хоть есть надежда на Аршада, а вот с этим Мусаибом надо разбираться самому. Конан резко обернулся назад. Выходящий из-за угла человек вдруг почему-то остановился, а потом, как ни в чем не бывало, перешел улицу и скрылся в трактире.

«Вот оно что! — усмехнулся киммериец. — Это у нас уже было, и не раз. Сейчас посмотрим, сколько вас, сыновей шакала».

Он подъехал у «Тухлому дракону», вывеску которого заметил еще по пути к дворцу, и, бросив поводья мальчишке, дежурившему у дверей, вошел в таверну. Хозяин, как принято в туранских трактирах, стоял за стойкой, а его работники разносили пищу и вино по столам. В «Драконе», что сразу же отметил варвар, подавальщиками служили красивые стройные девушки, одетые настолько легко, что строгому наблюдателю показалось бы, что одежды на них нет вовсе. Конан сел за ближайший столик, чтобы быть на виду, и потребовал себе хорошего вина. Хозяин, изобразив радостную улыбку, крикнул за занавеску:

— Сануме, быстро обслужи хорошего господина!

Из-за занавеси, закрывавшей вход в соседнее помещение, вихляющей походкой, какой, наверное, ходят прислужницы богини Деркэто, вышла молодая черноглазая девушка в легкой прозрачной накидке и широком, украшенном чеканкой, кожаном поясе, составлявшими все ее одеяние. На плече, как будто для того чтобы подчеркнуть изящество линий своего тела, она несла высокий серебряный кувшин.

Подойдя к столу, за которым расположился киммериец, девушка поставила кувшин и серебряную чашу, после чего, скромно потупила взор, ожидая дальнейших распоряжений. В другое время варвар обязательно бы вступил с ней в разговор, но сейчас ограничился тем, что ласково взглянул на прелестницу и чуть коснулся ее бедра:

— Спасибо, красавица! Надеюсь, вкус вина не уступит твоей красоте.

— Суди сам. — Девица одарила его призывным взглядом и удалилась, соблазнительно покачивая округлыми бедрами.

Конан налил в чашу вина и принялся потихоньку потягивать его, не забывая поглядывать на входящих в таверну.

Хоарезм был большим портовым городом, и среди посетителей встречалось много моряков. Варвар узнавал их по обветренным лицам и узловатым натруженным рукам. Некоторые из них были одеты в форму королевского флота Турана. Они гордо поглядывали на остальных гостей таверны: служба в военном флоте считалась весьма престижной, и не каждый, даже из знатной семьи, достаивался такой чести. Наступал вечер, и дверь в зал хлопала почти беспрерывно, впуская все новых и новых посетителей. Таверна постепенно заполнялась, но было еще не так шумно. Основное веселье наступит позже, когда вино вскружит головы и ослабит слух. Тогда трудно будет слышать даже собственный голос.

— Хозяин! — поднял руку варвар.

Хозяин неторопливо подошел к нему, цепким взглядом оценивая посетителя. Киммериец бросил на стол пару серебряных монет:

— Найдется у тебя комната на ночь?

— Сколько угодно! — Хозяин поспешно сгреб монеты и удалился, но вскоре опять возник перед варваром и вручил ему ключ.

— Хорошая комната?

— Самая лучшая для такого гостя, — осклабился хозяин, — окно в тихий сад, ты будешь доволен. А как насчет?.. — Он подмигнул, наклонившись к Конану.

— Поближе к ночи пришли ту, что подавала мне вино.

— У тебя хороший вкус, — польстил ему хозяин.

— Да я смотрю, — не остался в долгу варвар, — тут есть из чего выбрать.

Хозяин, довольный похвалой, удалился к себе за стойку, а киммериец продолжал прихлебывать вино, временами оглядывая таверну. Человек, которого он искал, должен давно сидеть здесь, поскольку он сказал визирю, где остановится.

«Значит, их, по меньшей мере, двое, — прикинул варвар, — а может быть, и трое-четверо. Да, — усмехнулся он, — видимо, здесь я считаюсь важной птицей, раз они устроили такую слежку. Но подождите, сыновья шакала, я вам покажу неплохую шутку».

Он заказал хозяину ужин и, пообещав скоро вернуться, вышел на улицу, как он объяснил, размять ноги. Сумерки еще не окутали город, и заходящее солнце освещало его улицы красноватыми пологими лучами, которые протягивали длинные тени по выложенной плитами мостовой.

Зевнув, варвар нехотя и лениво оглядел окрестные дома, ни на чем не задерживаясь взглядом. Однако его наметанный глаз отметил и человека в матросской одежде с почему-то незагорелым, одутловатым лицом, и старика, который вроде бы бесцельно прогуливался недалеко от таверны и, поймав на себе взгляд киммерийца, поспешно отвел свой взор.

«Так, двое есть. — Варвара трудно было обмануть, зря, что ли его не так давно считали одним из лучших воров в Шадизаре? Он безошибочно чуял слежку. — Ну а где тот, что шел за мной?»

Киммериец не спеша обошел квартал, полюбовался стройными колоннами ближнего храма, зашел в лавку ювелира и, склонившись над лежавшими под толстым стеклом украшениями, искоса посматривал на улицу через полузадернутую занавеску. Человек в матросской одежде явно ожидал, когда варвар выйдет из лавки.

«Вот ты и выдал себя, «морячок», — развеселился Конан, — поплавай за мной еще!»

Он вышел на улицу и сделал еще кружок вокруг квартала, чтобы убедиться, что не ошибся. Заодно он поглядел, куда выходят окна верхнего этажа таверны, прикинул высоту изгородей — в общем, прогулкой Конан остался доволен.

После этого варвар вернулся в «Дракона».

«Вонючие черви! — выругался он про себя, принимаясь за поданный ужин. — Хрен вы меня возьмете, потомки шелудивых ослов».

Он быстро расправился с едой, с удовольствием отметив, что она очень неплоха, выпил еще кувшинчик вина, который поднесла ему Сануме, и сытно рыгнув, подошел к хозяину.

— Пойду, отдохну, — сообщил он и добавил, подмигнув. — К ночи не забудь прислать девчонку.

Слегка пошатываясь, будто выпил лишнего, киммериец поднялся наверх и долго возился с ключом, открывая дверь.

Глава пятая

Войдя в комнату, Конан внимательно оглядел ее, бесшумно запер дверь и направился к окну. Никто бы и не подумал, что чуть раньше этот человек еле-еле вскарабкался по

лестнице и едва справился с замком.

Движения варвара были легкими, быстрыми и упругими. Он осторожно распахнул окно и, не высовываясь наружу, осмотрел раскинувшийся внизу сад. В саду было тихо, но в дальнем его конце под светом факелов раздавались взрывы смеха и слышались удары барабана и тоненькое пение флейт.

«Налево стена, выходящая на улицу, впереди площадь с храмом, — вспоминал варвар расположение квартала, — налево чей-то двор с высоким сараем. Ну что ж, — подбодрил он себя, — вперед, и пусть Бел поможет мне и на этот раз».

Киммериец вытащил из кармана штанов тонкую бечевку, пропустил ее конец через петлю замка-в оконной раме и закрепил в щели подоконника. Потом, еще раз оглядев двор, тихо выскользнул из окна и спрыгнул вниз. Мягко приземлившись, он потянул конец бечевки на себя, и окно захлопнулось. Удовлетворенно кивнув, варвар бесшумно и быстро прошел вдоль стены таверны, перемахнул через ограду, пробежал соседний двор и скоро уже шагал по улице за два квартала от «Тухлого дракона». Он направлялся к Аршаду, надеясь узнать у него, как избавиться от перстня, да и еще кое в чем получить совет.

«Все в порядке, — думал Конан, ускоряя шаги, — эти дети шелудивого верблюда остались ни с чем. Пусть себе торчат около таверны, как суслики в степи».

Однако он недооценил умения и хитрости хоарезмских соглядатаев. Довольно скоро киммериец почувствовал, что ему все-таки не удалось оторваться от слежки. Несколько раз оборачиваясь назад, он мельком замечал какое-то неуловимое движение среди редких прохожих, словно за ним скользила какая-то тень.

«Что ж, — спокойно решил он, — проверим. Не годится приводить шпионов в дом Аршада».

Конан заметил на площади, к которой он подходил, освещенную фонарем вывеску трактира.

«Когти льва, — прочел он витиеватую надпись. — Вот в эти когти ты, дружок, и попадешь».

Варвар ускорил шаги и, не оглядываясь, пересек площадь и вошел в двери под фонарем. Таверна, как обычно было принято в туранских городах, имела большой зал на первом этаже и лестницу, ведущую наверх, где помещались комнаты для постояльцев, которые решили остаться на ночлег. В некоторых тавернах и веселых домах на втором этаже был еще один маленький зал, но это встречалось нечасто. Помещение было забито народом, раздавались смех, крепкие соленые шутки, выкрики, визг и нестройное пение. Киммериец протиснулся к стойке и, облокотившись на нее так, чтобы видеть входную дверь, заказал кружку пива.

Стоявший за стойкой пожилой благообразный туранец мгновенно нацедил ему в глиняный шербатый сосуд пенистого напитка и ловко поймал брошенный киммерийцем медяк. Конан отхлебнул глоток сладковатого местного пива, внимательно глядя поверх кружки на входную дверь.

«Точно! Нергал мне в кишки!» — усмехнулся варвар, увидев, что в таверне очень скоро появился уже знакомый ему «морячок».

Вошедший, оглядев таверну, направился к стойке и встал рядом с варваром. Стараясь не встречаться с ним глазами, что окончательно убедило Конана в его миссии, «морячок» тоже заказал пиво.

«Ну, парень, ты зря тратишься!» — усмехнулся про себя киммериец, одним духом осушив кружку.

Он резко поставил кружку на место, вышел из зала, быстро сделал несколько шагов по площади и юркнул в проулок, который заметил еще на подходе к таверне. Оттуда ему хорошо было видно освещенное фонарем пространство, а его самого надежно скрывал полумрак. Мгновением позже из дверей не вышел, а прямо-таки вылетел, словно выброшенный из катапульты, «морячок» и, не увидев киммерийца, стал растерянно озираться по сторонам. Он заметался по площади, побежал в одну сторону, но через десяток шагов вернулся и очутился почти напротив варвара. Остальное было очень просто: любимая веревка Конана с прикрепленным к ней крюком обвилась вокруг шеи шпиона, и резкий рывок остановил его метания. Варвар подтянул к себе тело, «морячок» конвульсивно дернулся, но удар кулака по темени навсегда успокоил незадачливого соглядатая.

«Отдыхай, вонючий червь!» Варвар смотал веревку и, столкнув труп в канаву, продолжил свой путь.

* * *

Аршад жил довольно близко от центра Хоарезма, в тихом переулке, который выходил на знаменитую улицу Двенадцати ступеней, где располагались самые известные трактиры и веселые дома города. Здесь народу на улицах было побольше, да и стражники встречались почаще: все-таки совсем недалеко находились дворец правителя и дома самых знатных вельмож.

«Успели они приехать в город?» — подумал варвар, подходя к дому, скромно стоявшему в окружении высоких развесистых деревьев.

Он постучал в калитку глинобитной изгороди. На стук вышла Маниже. Девушка проводила его к отцу, глядя на киммерийца с обожанием и, как ему показалось, некоторым смущением.

— Как дела, красавица? Спокойно добрались до дома? — спросил у нее варвар.

— Спасибо, хорошо, — вспыхнула девушка.

«Она смущена тем, что я видел ее обнаженной там, на берегу», — догадался киммериец.

— Ты очень красивая, Маниже, — улыбнулся, подмигнув ей, Конан. — Надеюсь, боги будут милостливы к тебе в дальнейшем.

Аршад встретил его по-дружески, однако лицо чародея было хмурым.

— Я узнал, что мог, про твой перстень, — сообщил он варвару, после того как они обменялись рукопожатием. — Кое-что нашел в своих книгах, остальное выведал у моих собратьев по магии.

— И что же? — нетерпеливо спросил Конан.

— Дело обстоит так, — начал колдун. — Легенда не обманывает. Эти лакуди действительно связаны заклятием: они могут взять перстень только у самоубийцы. Сам понимаешь, ждать, когда кольцо попадет к человеку, решившему добровольно отправиться на Серые Равнины, можно до скончания веков, но, если не повезет, так и не дождаться.

— Ничего себе вляпался! — воскликнул варвар.

— Не горячись, — продолжал Аршад. — Может быть, все не так уж плохо. Кстати, поэтому ты и видел своего двойника. Лакуди стараются сделать так, чтобы обладатель перстня сам себя убил, они могут своей магией воздействовать на людей.

— Пока я что-то не чувствую, чтобы мне особенно полегчало от этого, — буркнул

киммериец. — Я не в силах противиться их колдовству.

На столе лежало несколько больших старинных книг. Их переплеты были потертыми, видно, не одно поколение чародеев листало их в попытке найти ответы на вопросы о неведомых секретах и таинственных обрядах. Варвару вспомнилось, как он просматривал похожую книгу в доме проклятого колдуна Лиаренуса, пока его приятель и поделщик, начинающий чародей Нинус, искал нужный ему фолиант. До сих пор, если он вспоминал события той ночи, мороз проходил по коже киммерийца. Вонючая горбатая гиена! Жутко вспоминать, как вдруг отпрянули от них с Нинусом стены и стали разъезжаться в стороны, уходя далеко-далеко. А на самом деле это они, Конан и Нинус, съезжались до размеров глиняной куклы. Только лента, повязанная ему на голову его подругой Дениярой, спасла тогда незадачливых воришек. Впрочем, почему незадачливых? Кое-что им удалось унести, и даже немало. Да и, в конце концов, они посчитались со всеми этими шакалами: и с жирным плешивым Эугешем, которого он утопил в городском сортире, и с колченогим Карбаном, да и с самим горбатым Лиаренусом. Пришлось тогда поработать мечом, да и не только мечом. И голова пригодилась, хоть и сидела она на плечах варвара. Да, время было ничуть не спокойнее нынешнего. Интересно, как они теперь, его шадизарские друзья: Ловкач Ши Шелам, Нинус, прекрасная Денияра?

После того как Конан расправился с вонючим шакалом, чернобородым советником правителя, им пришлось покинуть Шадизар, и киммерийцу больше не привелось с ними встречаться. Где их носит судьба?..

Голос колдуна прервал его раздумья.

— Это еще не все, — сказал оршад. — Гриб, который ты видел, — орудие жрецов Сабатеи, которые тоже хотят завладеть перстнем. Он следит за его обладателем и мешает лакуди, ибо если они сумеют завладеть кольцом, то гриб обратится в пламя и исчезнет.

— Нергал мне в печень! — воскликнул Конан. — Не могу сказать, что ты меня сильно успокоил.

— И это еще не все. — Аршад открыл громадную книгу в потертом кожаном переплете. — Вот здесь сказано, что жрец Золотого Павлина может снять перстень только с трупа, но сам убивать обладателя кольца не должен.

— Почему?

— Кольцо потеряет свою магическую силу.

— Уф-ф... — Варвар вытер пот со лба. — По твоим рассказам выходит так, что мне крышка в любом случае. Я должен стать трупом, а охотников, как я понял, предостаточно.

— Для такого опытного, хоть и молодого, человека, как ты, — усмехнулся колдун, — вряд ли есть что-то новое в смертельной опасности.

— Откуда ты знаешь? — насторожился Конан. — Я ведь тебе ничего такого не говорил.

— Слова... — Аршад положил руку ему на плечо. — Скажи, ты всегда веришь тем словам, что слышишь от других?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся варвар. — Клянусь Кромом, я уже давно сгнил бы где-нибудь на помойке, если б верил всему, что произносят человеческие уста.

— Ну вот, — согласился колдун, — и я так думаю.

— Что же ты думаешь? — любопытствовал Конан, на мгновение забыв о проклятом перстне.

— Ты назвал мне свое имя, — ответил Аршад, — а Конан из Киммерии не так уж и неизвестен в наших краях. Кое-кто о тебе знает, и не только понаслышке. Кроме того, —

продолжал он, — достаточно рассказать, как ты выглядишь, и обязательно кто-то что-нибудь и вспомнит. Людей, похожих на тебя, немного.

— Да уж, — смущенно буркнул варвар, не зная, радоваться ему или печалиться, что о нем здесь знают.

— Это, правда, иногда сильно мешает жить, — словно прочитав его мысли, заметил Аршад.

— Да, — кивнул киммериец, — я знаю, с моей внешностью трудно скрываться или выдавать себя за другого.

— Но мы отвлеклись, — вернулся к началу беседы чародей. — В том, что желающих заполучить перстень много, есть и хорошая сторона.

— Какая? — не понял варвар.

— Они мешают друг другу. Зеленый гриб спасает тебя от лакуди, но убить тебя ему не позволяет заклятие. Если кто-то будет охотиться за твоим трупом...

От делового тона Аршада киммерийца прямо-таки передернуло. Ничего себе, рассуждает о его жизни так, будто они говорят о покупке кипы хлопка или постройке сарая!

— Да, за твоим трупом, — повторил колдун. — Он должен будет бороться и с лакуди, и с этим грибом...

— Да, будущее у меня... — уныло протянул Конан, — просто королевское! Тебе все это не напоминает кролика, выпущенного в клетку, где одновременно живут и удав, и тигр, и шакал, и... — Он хотел продолжить, но только махнул рукой. — Да и этих хватит, Нергал мне в кишки!

— Не торопись, — успокоил его Аршад. — Книга говорит, что раз в год от перстня все же можно избавиться.

— Как?! — обрадовался киммериец. — Что же ты морочишь мне голову своими сказками?

— Один раз в год — кстати, этот день скоро наступит две красные звезды: Песья и аль-Мицар встают на одну линию с кромкой восходящей луны. В этот-то день ты и можешь избавиться от перстня.

— Как, просто снять и выбросить? — перебил его варвар.

— Если бы все было так просто! — покачал головой колдун. — Ты должен подарить его своему врагу.

— Какому? — удивился киммериец. — Их всегда достаточно, но с врагом вряд ли встречаешься за одним столом, обычно это происходит на поле битвы, а тогда, знаешь ли, не до подарков!

— Ну, это не всегда так, — возразил Аршад. — Вот сегодня ты беседовал с одним уважаемым в Хоарезме человеком...

— С визирем? Откуда ты узнал?

— Во-первых, ты же не по воздуху туда прилетел, — усмехнулся колдун, — а во-вторых, если что-то знают двое, то найдется и третий...

— Согласен, — кивнул варвар.

— Так вот, у тебя один враг уже есть.

— В этом ты прав, — согласился Конан. — Он уже и шпионов ко мне приставил.

Аршад вопросительно и, как показалось киммерийцу, с беспокойством взглянул на него.

— Не бойся, — успокоил его варвар, — никто не знает, что я здесь. Одного из них я убрал, а остальные ждут, когда я проснусь.

— Как так?

И Конан рассказал Аршаку все, что приключилось с ним за сегодняшний вечер.

Глава шестая

— Я думаю, киммерийца следует отпустить обратно в Шангару. — Мизра взял горсть изюма и бросил себе в рот. Прожевав, он добавил: — Пообещай ему, что поможешь Джунгирхану. Пусть твои шпионы проследят, где живут те, кто его послал, есть ли у них связь с шангарской знатью и все такое. Узнаем все, тогда и решим, как убрать этого мальчонку, родственничка твоего, — усмехнулся он.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Мусаиб, делая знак слуге налить вина из изящного офирского кувшина. — Пока я приставил к этому посланцу моих людей, чтобы не сбежал.

— Куда он денется? — смакуя вино, ответил колдун. — Судя по твоим рассказам, простой головорез, варвар. Ума у этих дикарей не больше, чем у курицы.

— Скоро уже, скоро, — потирая руки, сказал визирь, — я буду властвовать в Замбуле. Клянусь Эрликом, тогда я не забуду тебя, Мизра, мой друг!

Они сидели в уютном маленьком зале во дворце великого визиря. Стены и пол помещения покрывали пушистые ковры, мягкие подушки, на которых так приятно возлежать, были разбросаны на широком диване, а перед ним стояли столики с яствами. Двое слуг ловили каждый взгляд своего господина и бесшумно и ловко подносили напитки и кушанья, убирали посуду, как бестелесные тени скользя по мягким коврам. Визирь не опасался, что они могут рассказать о том, что слышат здесь: у обоих были отрезаны языки.

Неожиданно раздался стук. Мусаиб кивнул слуге, и тот, подойдя к двери, впустил в комнату старшего писца, у которого челюсти стучали так, что он не мог выговорить ни слова.

— Что такое, сын собаки? — всполошился визирь.

— Ба... Да... О... Господин... — Писцу, наконец, все же удалось выговорить одно целое слово.

— Что случилось? — Мусаиб схватил его за шиворот рубахи и как следует встряхнул.

— Исчез... — выдавил из себя слуга и выпученными в ужасе глазами уставился на визиря.

— Кто исчез? — не понял визирь. — Да говори ты, моча черного верблюда! — Он пнул его ногой.

— Э... Этот... Ким... Кимме... Киммериец... — С трудом справлялся со своим языком совершенно ошарашенный от животного страха писец.

— Как это исчез?! — наконец дошло до визиря. — Я тебе что приказал, отрыжка осла! Сколько человек ты к нему приставил?

— Че... Че... Четы...

— Стража!

Вбежал, поправляя на голове шлем, человек в форме туранской армии.

— Быстро дозоры в город! Искать! Все перевернуть! Найти мне этого варвара живого или мертвого! — Визирь в ярости брызгал слюной и топал ногами. — Распустились, отвислые задницы! — Он с размаху въехал сапогом в лицо не смевшего поднять глаза старшего писца. — Запорю, мерзавцы! Иди и, если к утру не приведешь его, можешь пенять на себя!

Взвыв, пиесец стрелой вылетел из зала. Визирь чуть успокоился и залпом выпил кружку вина.

— Как видишь, дорогой друг, положение может измениться, — обратился он к чародею, который в продолжение всей сцены спокойно потягивал вино, не забывая заедать его вываренными в меду орехами.

— Конечно, — согласился он, — но не так сильно, как тебе кажется. Подумаешь, киммерийцем больше, киммерийцем меньше. Мало ли что может случиться с человеком в дороге. Клянусь Таримом, его лучше всего заставить замолчать. Но сначала, когда поймаешь, надо вытащить из него все, что он знает.

— А если не поймаю?

— Да поймаешь, куда он денется, — заверил его Мизра. — У тебя вон столько людей, а он не иголка все-таки, человек заметный. Вряд ли у варвара здесь найдутся знакомые, которые могут спрятать его от твоих шпионов и стражников. В крайнем случае, направь дозоры по дорогам, ведущим в Шангару. Потом, — добавил он, — кое-чем и я смогу поспособствовать.

* * *

— Я сильно сомневаюсь, что великий визирь будет помогать Джунгир-хану восстановить престол. Мы, конечно, далеки от жизни вельмож, но ведь в народе слухи всякие ходят. — Аршад посмотрел на Конана, словно решая, стоит ли продолжать, потом все же сказал: — Очень много таинственного в том, что правитель Хоарезма так возвысил Мусайба. Ведь совсем недавно он был всего лишь мелким городским чиновником. Несколько лет назад его и не знал никто. Конечно, он из знатной семьи, но что это решает?

— Так ты думаешь, что он и пальцем не шевельнет, чтобы помочь своему родственнику?

— Еще как шевельнет! — рассмеялся Аршад. — Как ты, наверное, заметил, — он насмешливо посмотрел на киммерийца, — этот гад уже зашевелился. Я ничуть не удивлюсь, если он послал убийц в Шангару.

— Зачем?

— Чтобы убрать Джунгир-хана со своего пути. Тогда он останется единственным законным, если так можно сказать, претендентом на трон Замбулы.

— Вонючий червь! — воскликнул варвар. — Вот и мне он сразу не понравился. Надо как можно скорее возвращаться в Шангару.

— Сомневаюсь, чтобы ты смог покинуть город. Думаю, тебя уже ищут.

— Плевал я на них! — Варвар прямо кипел от ярости. — Они ждут меня у ворот, а я переберусь через стену.

— Это тебе не Шангара, — возразил колдун. — Там почти все стены остались от старого города. Они низкие, на них нет площадок для патруля, поэтому стража сидит только в башнях. А в Хоарезме она ходит по кромке стены, и ты не успеешь через них перебраться, обязательно заметят.

— Что же делать? — спросил киммериец.

— Я съезжу в Шангару вместо тебя, а ты пока поживешь здесь, в моем доме.

— Нет! — твердо сказал Конан. — Что же мне, сидеть у тебя всю жизнь? Так не годится, клянусь Митрой! Это не для меня. Надо найти другой способ, как выбраться отсюда.

— Как знаешь, — пожал плечами Аршад. — Я, конечно, попытаюсь тебе помочь, если ты так решил, но действовать надо уже этой ночью. Потом может быть поздно.

— Тогда за дело! — Варвар решительно сжал кулаки, он был готов немедленно идти в бой.

— Подожди немного! — Колдун подошел к висящей на стене полке и, отодвинув прикрывавшую ее занавеску, достал серебряную шкатулку.

Он поставил ларчик на стол и открыл украшенную фигуркой дракона крышку. Варвар с любопытством заглянул внутрь.

— Ух, ты! — вырвалось у него.

Шкатулка была до краев наполнена искрящимися самоцветами: фиолетовыми, синими, розовыми, кроваво-красными. Каких только камней там не было!

— Это не то, что ты думаешь, — засмеялся колдун.

Он провел по лбу киммерийца шелковым платком, невесть откуда очутившимся в его руке, потом накинул его на шкатулку. Когда он снял его, изумленный варвар увидел груду серых и невзрачных камешков. Только один камень сохранил свой блеск и красоту.

— Вот он-то нам и нужен. — Аршад вытащил камень и, поднеся к глазам, полюбовался его блеском. — Он тебе поможет против лакуди. Дай свой меч.

Варвар отстегнул ножны с мечом от пояса и протянул их чародею. Тот взял камень и опустил его в длинный и узкий кожаный мешочек, потом, повертев в руках меч, прикрепил мешочек к рукоятке, поближе к гарде, чтобы не мешал держать оружие.

— Возьми! Это спасет тебя не от раздвоения, но от силы, заставляющей тебя поднять меч на своего двойника. Зеленый монстр, которого ты видел в Шангаре, действует только там. В других местах ты можешь оказаться один на один с трехпалыми карликами.

— Спасибо, — коротко поблагодарил его Конан.

— Прости, что не могу помочь тебе чем-нибудь более существенным, — развел руками Аршад, — но жрецы Золотого Павлина очень ревностно хранят свои тайны, и нам удастся выудить лишь крупницы их секретов... Теперь мы, пожалуй, готовы к тому, чтобы переправить тебя за пределы города. Сделаем так...

* * *

— Масхад, посмотри, что там за шум! — Старший ночной стражи с недовольством оторвался от игры в кости. — Носит нелегкая по ночам этих придурков... Двиньте-ка им хорошенько по зубам!

Двое стражников, охранявших западные ворота, лениво поднялись и вышли на улицу. Им тоже не хотелось выходить в ночь из уютной сторожки, находившейся в толще крепостной стены. Они подошли к воротам, чтобы проверить, цел ли замок. А куда он, собственно, мог пропасть — тяжелая железная штукавина, величиной с годовалого ребенка? Его и снести в сторожку не всякий смог бы в одиночку. Они прошли немного вдоль стены, пытаясь обнаружить источник шума, но ничего подозрительного не нашли.

— Эй! Галаз! — Масхад, сложив ладони воронкой, поднял голову к гребню стены.

— Чего тебе, мокрая задница? — раздалось сверху.

— Вы ничего не видели здесь?

— Ты что, опух? Кто тут может ходить ночью?!

— Не знаю, начальник послал посмотреть. Так ты ничего не слышал, глухая вошь?

Наверху на некоторое время стало тихо, затем полился поток грубой брани, а затем донеслось:

— Сам уши прочисти, сын бородавчатой свиньи, ничего здесь не было!

Масхад прислушался. Нет, прав был все же не Галаз, а начальник. Где-то явственно слышался звон, похожий на бреньканье колокольчика, привязанного к бычьей шее.

— Слышишь? — спросил он напарника.

— Да, вроде где-то там. — Он указал на площадь перед городскими воротами.

— Сейчас вот врежу ему, мало не будет! — Масхад, разозленный, что кто-то помешал спокойному течению службы, двинулся от стены.

Вот и источник шума. На площади, шагах в сорока от сторожки, стояла арба, запряженная почему-то верховой лошастью. Лошадь мотала головой, и колокольчик дребезжал в такт ее движениям.

— Эй, ты, потомок шакала! — Масхад с напарником подошли к повозке, но на козлах никого не было.

Масхад приподнялся на цыпочки и заглянул внутрь. Там тоже было пусто.

— Что еще... — начал, было, его напарник, но его слова прервал какой-то шорох шагах в двадцати от них — там, где площадь заканчивалась, и начинались торговые ряды небольшого рынка.

— Помоги мне, солдат. — Перед ними возникла женская фигура в белых одеждах.

— Смотри-ка, девка! — воскликнул Масхад, делая к ней пару шагов.

Женщина повернулась и пошла к рынку.

— Эй, постой! — Масхад с напарником, ускоряя шаг, двинулись за ней.

Женщина вдруг неожиданно остановилась и, когда Масхад уже приготовился схватить ее за руку, резким движением всадила кинжал ему в шею. Второй стражник открыл, было, рот, чтобы крикнуть, но не успел: нож киммерийца, стоявшего шагах в десяти от него, возле самой стены лавки, вонзился ему в глаз. Истекая кровью, оба стража осели на землю.

— Молодец! — похвалил варвар Аршад, который так удачно изображал женщину. — Как это у тебя получается?

Они быстро пересекли площадь и очутились у дверей комнаты стражников.

— Начальник! — голосом зарезанного им Масхада позвал колдун. — К тебе пришли!

— Кого еще там принесло? — раздалось недовольное ворчание, потом послышались шаги и стражник вышел наружу. Перед ним стояла закутанная в покрывало женщина. — Масхад! — оглянулся по сторонам стражник. — Что это за шлюха? Где ты?.. Договорить он не успел. Сбоку на него обрушилось что-то очень большое и тяжелое, такое тяжелое, что в глазах несчастного потемнело и мгновение спустя он перестал дышать.

— Сколько их там еще? — шепотом спросил варвар, поднимаясь с тела незадачливого стража.

— Думаю, остался один, — так же тихо ответил Аршад, — но надо следить за верхом стены, там тоже ходят стражники.

Он просунул голову внутрь сторожки и голосом начальника позвал:

— Эй! Спустишь-ка сюда!

Ничего не подозревающий стражник, сойдя вниз по лестнице, получил страшный удар кулаком по лицу, от которого хрустнули шейные позвонки.

— И этот готов, — шепнул киммериец.

Он поднялся в сторожку. Первое, что ему бросилось в глаза в небольшом помещении, едва освещенном слабым фонарем, который висел на стене, — огромные, длиной в его предплечье, ключи.

— Ничего себе... — уважительно протянул варвар. — Старая работа, наверное.

Он взял ключи и стал спускаться по лестнице.

— Эй! Чего у вас там случилось? — услышал он голос.

— Девка у нас! — раздался в ответ голос начальника стражи.

Словно подтверждая его слова, тотчас прозвучал легкий женский смешок и мелодичный голос произнес:

— погоди, дай я сниму платье! Какой нетерпеливый!

— Не хочешь спуститься? — продолжал Аршад голосом начальника стражи. — Позабавишься немного.

— Ладно! — раздалось сверху. — Позовешь, когда подойдет моя очередь!

Конан вернулся с ключами. Аршад уже снимал с себя женские одежды и накладные груди и бедра.

— Ну как? — прошептал он.

— Отлично! — Варвар направился к воротам.

— Постой! Возьми, смажешь, чтобы не скрипел. — Колдун протянул ему флакон с маслом.

Конан зашел под каменную арку ворот и, прижимаясь к стене, чтобы не было заметно сверху, отомкнул замок и осторожно снял его.

— Готово! — шепнул он.

— Удачи тебе, и помни про день соединения звезд, — пожал ему руку Аршад.

Мгновением позже фигура в темных одеждах бесшумно растворилась в темноте одной из боковых улочек.

Дело было за малым. Варвар, выждав некоторое время, чтобы дать своему напарнику уйти подальше от городских ворот, метнулся к повозке. Два взмаха ножом, и постромки остались висеть на оглоблях, а Конан верхом уже летел к воротам. Все было приготовлено, ему оставалось только, не слезая с коня, отодвинуть одну из створок так, чтобы мог протиснуться всадник. Скоро он уже крупной рысью удалялся от благословенного Хоарезма, даже не потревожив стражников на стене, так и не дождавшихся своей очереди насладиться в эту ночь вожделенным женским телом.

Часть четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава первая

Конан решил вернуться в Шангару тем же путем, через горную дорогу, чтобы не попадаться лишней раз на глаза кому не надо. Он переночевал совсем недалеко от города в маленькой рошце и с восходом солнца был уже в седле. Теперь путь был ему известен, и он беззаботно глядел по сторонам, в то время как его конь мерной рысью бежал по каменистой

дороге. Он уже проехал водопад, где совсем недавно боролся с потоком, спасая Маниже, и приближался к знакомому мосту, когда заметил отряд всадников, спешивших ему навстречу. «На всякий случай пережду, пожалуй, в этой роще, пока они проедут», — решил киммериец и съехал с дороги. Однако всадники уже заметили его и, прищоривая лошадей, с криками «стой» бросились за ним следом. «Что им от меня нужно?» — подумал варвар, приготовясь к схватке.

Он прислушивался, прикидывая расстояние до погони. Судя по всему, она была примерно шагах в ста от него.

«Попробую их перехитрить», — решил киммериец, забирая влево, чтобы заставить их как можно дольше преследовать его по лесу. Затем, прищорив коня, поспешил вновь выехать на дорогу.

Он выскочил на нее у самого мостика, но здесь его ждал сюрприз: командир патруля не был новичком и поставил часть своего отряда так, чтобы не дать беглецу уйти в горы.

Конечно, справиться с тремя солдатами варвару ничего не стоило, бывало противников и побольше. Но сейчас... Всадники держали в руках луки, и сомневаться не приходилось: они пристрелят киммерийца раньше, чем он доберется до них.

Размышлять, что делать, времени не оставалось. Конан поскакал по дороге обратно в сторону Хоарезма. Всадники немного замешкались, и в первые мгновения варвар успел уйти довольно далеко. Оглянувшись назад, он резко остановил своего скакуна, спрыгнул на землю и стал быстро карабкаться по почти отвесной скале, возвышавшейся над дорогой. Когда погоня достигла того места, где он спешился, киммериец забрался уже достаточно высоко. Свист стрелы заставил его отпрянуть в сторону. Он мгновенно спрятался за выступ скалы и осторожно посмотрел вниз. Трое солдат целились в него из луков, а их подоспевшие товарищи слезали с коней и готовились преследовать его по скалам.

— Один, два, три... Десять, одиннадцать, — считал варвар. — Да, многовато.

Киммериец резко вынырнул из укрытия и, пока солдаты разворачивали луки, успел двумя прыжками переместиться выше по склону.

— Еще пара таких маневров, и они не достанут меня снизу, — решил он. — Правда, за это время другие сумеют подобраться ближе.

Варвар огляделся. Чуть выше лежал большой округлый камень, который, как показалось Конану, будет довольно легко столкнуть вниз. Он вновь выскочил из-за укрытия, и вдруг резкая боль пронзила его ногу.

«Хорошо хоть не в голову!»

Не обращая внимания на стрелу, торчавшую из икры, киммериец успел юркнуть за облюбованный камень и всем своим весом навалился на него. Камень дрогнул. Еще усилие, еще — и он покатился вниз, увлекая за собой другие камни.

Конан едва успел отпрыгнуть в расселину, даже не посмотрев, куда полетел камень. Он вытянул ногу и, стиснув зубы от боли, выдернул наконечник стрелы. К счастью, лучники стояли далеко, и стрела неглубоко проникла в мышцу, так что пользоваться ножом не пришлось. Послышался грохот камней, и сразу вслед за ним снизу донеслись вопли. Варвар выглянул, чтобы оценить обстановку, и остался вполне доволен: он устроил небольшой горный обвал. Всю дорогу завалили камни и ветки кустарника почти до высоты человеческого роста, а на склоне удержались только трое солдат, которые упорно продолжали карабкаться вверх. На дороге металось несколько коней, людей же осталось всего четверо.

— Ну что ж, неплохо, — удовлетворенно хмыкнул киммериец, — обвал засыпал четверых!

Он высунулся из своего укрытия и запустил осколком камня в одного из солдат, который оказался ближе всех. Камень попал ему в лоб, и несчастный покатился вниз.

Варвар крикнул остальным:

— Эй, вонючие ублюдки! Не пора ли вам убираться отсюда? Или вы хотите присоединиться к приятелям?

Хотя рана в ноге сильно мешала, он быстро рванулся наверх, оставив преследователей, теперь уже только двоих, далеко позади. Правда, внизу были еще четверо, но, даже если они и заберутся сюда, его им уже не догнать. Мало кто мог сравниться с киммерийцем в умении лазать по скалам, и чем круче был склон, тем большее преимущество перед противником получал варвар.

Конан на мгновение остановился, чтобы прикинуть, что делать дальше: подпустить преследователей поближе — тем более что они, похоже, расстреляли весь свой запас стрели расправиться с ними, либо бежать, чтобы не дать остальным возможности приблизиться. Крутой склон заканчивался, и на плато они могут его окружить или достать выстрелами из луков, если у них еще остались стрелы.

Решение нужно было принимать быстро. Опередившего всех солдата отделяли от Конана не более десяти шагов, и настроен он был, мягко говоря, не миролюбиво. Злое выражение лица и зажатый в зубах нож делали его похожим на пирата, который карабкается на борт вражеского корабля.

— Эй! Приятель! — подзадорил его варвар. — Тебе не жарко в шлеме и латах? Смотри, солнце-то как печет.

С этими словами киммериец поднял над головой большой валун и бросил его в неприятеля.

— Давай, катись к своим, отрыжка больного шакала! — крикнул он, и его крик смешался с воплем противника, который покатился по склону, безуспешно пытаясь ухватиться за выступы скалы.

К его несчастью, он попал на совсем гладкое место, которое перед этим очистила лавина камней, и ему удалось остановиться только перед самой дорогой, но от варвара его теперь отделяло две сотни локтей. Еще один преследователь, оставшись в одиночестве, замер. По его лицу было ясно, что он понял: они выбрали неправильный путь и, пожалуй, недостижимую цель. Снизу ему закричали, чтобы спускался, признавая тем самым, что варвар победил. Еще бы! От отряда в одиннадцать человек на ногах оставалось лишь пятеро, а остальные лежали с переломанными ногами и руками, а кое-кто и с пробитым черепом. Доспехи отчасти смягчили удары, иначе многих можно было бы уже хоронить.

— Что, ублюдки, получили? — Варвар не мог отказать себе в удовольствии подразнить своих преследователей.

Плюнув вниз, он добрался до гребня скалы и тронулся вперед по ровному участку, не беспокоясь особенно о том, что творится у него за спиной.

«Почему они сразу бросились в погоню? — размышлял Конан, шагая по каменистой, местами поросшей травой равнине. — Значит, их послали поймать именно меня. Экий мерзавец этот визирь! Прав Аршад, он будет против нас».

Впереди виднелись вершины хребта, за которым, как он знал, раскинулось горное селение, где стоял отряд туранцев, верный Джунгир-хану. Поглядев назад, нет ли погони,

варвар присел на камень и, оторвав рукав рубахи, перевязал рану. Сильной боли она не причиняла, но все-таки он заметно прихрамывал и шел не так быстро, как обычно.

— Сучий потрох, — выругался киммериец. — Но кровь из носу, а к вечеру надо добраться до своих.

Он поднес к губам фляжку и поморщился: вода оказалась теплой и неприятной на вкус.

— Да, нечего говорить, — едва удержался варвар, чтобы не плюнуть, — шангарская вода вкуснее. Только и она, пожалуй, не сравнится с нашей.

Нельзя сказать, чтобы он очень уж сильно тосковал по родине, но иногда ему виделись во сне густые леса, прозрачные ручейки, покрытые снегом серые скалы, прохладное северное лето. Но сейчас над ним раскинулось немилосердно раскаленное небо, а вокруг лежала выжженная солнцем скупая равнина с каменистыми островами. Конан прибавил шагу, насколько позволяла ему рана.

— Правильно, что я полез в скалы, — похвалил он себя, — Нергал им в задницу, где им, сопливым детям шелудивых верблюдов, догнать в горах настоящего киммерийца!

Глава вторая

— Высокочтимый господин, ты же посылаешь меня на верную смерть! — Слезы катились по щекам мужчины, оставляя следы на грязном смуглом лице.

— Мне кажется, ты еще не понял, что будет, если не согласишься! — Мусаиб бросил суровый взгляд на прикованного на стене человека, руки которого были продеты в кольца, ввернутые в камень.

Чадающие факелы наполняли подземелье угаром, который смешивался с тяжелым запахом сырой земли и мокрого дерева.

— У тебя нет выхода, глупец. — Мусаиб выпрямился в кресле, положив руки на подлокотники. — А если выполнишь то, что я сказал, я щедро тебя награжу.

— Но это невозможно, они убьют меня! — Мужчина рванулся вперед, но кольца не пустили его.

— А ты постарайся уцелеть!

— Нет! Лучше убей меня здесь!

— Какой смелый, — почти ласково проговорил визирь, — посмотрим, как ты сейчас запоешь. Давай ее сюда, — кивнул он человеку в кожаном фартуке, который примостился на деревянной скамье около жаровни с углями.

Палач встал. Он был высокого роста, с длинными, как у обезьяны, руками. Сходство усиливали густые рыжие волосы, покрывавшие его руки, плечи, грудь и выдвинутый вперед подбородок. Череп его, напротив, был чисто выбрит и блестел в свете факелов, словно полированный. Рельефные мускулы этого чудовища еще более подчеркивались скудным освещением. Казалось, они высечены из камня. Палач поклонился визирю в знак того, что понял приказ, и направился к двери. Фартук у него был надет прямо на голое тело, и мощные ягодицы двигались при каждом шаге, словно мельничные жернова, наводя еще больший ужас на прикованного к стене человека.

За дверью послышались какая-то возня, потом сдавленный женский крик. В подземелье вернулся палач, его широкая грудь закрывала от распятого на стене человека то, что происходило сзади. Когда палач подошел к своей скамье, несчастный увидел, что вслед за

ним двое стражников тащат под руки женщину, почти потерявшую сознание от ужаса.

— Малика! Нет! — закричал человек у стены и отчаянно рванулся вперед. — Нет! Не делай этого!

— Давай! — кивнул палачу Мусаиб.

Палач, не говоря ни слова, поднялся со своего места и, подойдя к женщине, двумя взмахами огромных лап сорвал с нее одежду. Женщина встрепенулась и громко закричала.

— О нет! Пощади! — Крик прикованного к стене смешался с ее воплем.

Палач тем временем, не обращая внимания на то, что женщина билась в его руках, как пушинку поднес ее к противоположной стене и заученным движением накинул петлю на сомкнутые в запястьях руки. Он дернул прикрепленную к крюку веревку, и женщина взлетела почти под самый потолок, едва не достав кистями балку, через которую была переброшена веревка.

— Пусть повисит пока, — кивнул визирь палачу. — Ну что, смельчак, понял, в чем дело? — обратился он к несчастному, который продолжал биться в кольцах, обезумев от страшного зрелища.

— Да помолчи ты, дурак! — Мусаиб размахнулся и отвесил костлявой рукой удар, попав жертве по носу.

Человек перестал кричать и затих. В наступившей тишине частые капли крови из разбитого носа с мягкими шлепками падали на камень.

— Слушай меня, поганец! — Желваки заходили на впалых щеках визиря. — Я сейчас прикажу этому человеку, — он указал на палача, — взять кнут и хлестать ее по ребрам, пока мясо не слезет с костей, а ты будешь смотреть, как твоя сестра корчится и подыхает. По твоей вине! — заорал он, глядя в глаза жертве. — Сначала она будет кричать, — упивался он своими словами, — а потом замолчит, но он сумеет привести ее в чувство. А ты будешь слушать, пока твои уши не лопнут, ублюдок!

— Хорошо, высокочтимый, я согласен, только не делай этого. — Голова человека упала на грудь, последние силы покинули его.

Палач, внимательно следивший за происходящим, мгновенно очутился рядом и окатил его водой из большого глиняного кувшина. Человек окинул подземелье отсутствующим взглядом и, запинаясь, вымолвил:

— То... Только отпусти мою сестру, господин...

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно потер руки Мусаиб. — А то «не буду, не буду»... Будешь! И все сделаешь! А если нет, — скривил он в зловещей усмешке тонкие губы, — я с ней поступлю, как и обещал. Отвяжи их, — кивнул он палачу. — Потом пришли его ко мне, — добавил он, выходя из подземелья.

Глава третья

На следующий день киммериец спокойно въехал в Шангару с караваном, который шел из Офира. За несколько золотых караванщики дали ему замызганный полосатый халат и повязку на голову, посадили на верблюда, и, когда караван проезжал через Закатные ворота города, на него никто не обратил особого внимания. Распрощавшись со своими спутниками, варвар быстро исчез в бурлящей толпе городского базара. Исчез, конечно, не то слово, потому что он возвышался над остальными чуть ли не на целую голову, но все-таки повязка немного

преображала его, а одежда скромного караванщика кое-как скрывала мощные мускулы воина. Многолюдность базара была ему на руку, хотя и приходилось протискиваться сквозь толпы шангарцев, заполнивших просторную площадь. Конан направлялся к тому кварталу, где располагалось убежище беглецов из Замбулы. Рана на ноге все еще слегка побаливала, но на киммерийце все зарастало быстро, как на собаке, да и не стоила эта царапина того, чтобы заострять на ней внимание. Не в первый раз, да и не в последний, скорее всего, храни его боги!

Проникнуть в дом, где находились Испарана и Джунгир-хан, оказалось не так-то просто. Конан нырнул в переулок, который вел к их убежищу, но мгновенно замер: перед входом расхаживали два стражника. Расправиться с ними было раз плюнуть, но рано или поздно должна появиться смена. Их исчезновение не останется незамеченным, а варвару не хотелось производить особого шума.

Может быть, удастся въехать с какой-нибудь повозкой, когда привезут еду или что-нибудь еще? Киммериец присел в тени под раскидистым деревом и стал издали наблюдать за воротами в сад. Ждать пришлось довольно долго, но наконец к дому подъехала повозка с каким-то грузом.

Стражники тщательно обыскали всю поклажу, не упуская ни одной мелочи, прежде чем открыли ворота.

«Ясно, — понял варвар, — охрана серьезная. Эти ворота, похоже, не для меня».

Он оставил свой наблюдательный пункт и обошел пару кварталов, чтобы взглянуть на сад с другой стороны — там, где уже проникал внутрь не так давно ночью.

Подойдя к знакомой изгороди, Конан прислушался. Вроде все было тихо. Осторожно, стараясь не шуметь, киммериец подтянулся на руках и заглянул через ограду.

Первое, что он увидел, был шлем стражника, сидевшего к нему спиной и что-то говорившего второму, который, склонив голову, ковырял кинжалом деревяшку. Он был так занят своим делом, что не заметил варвара, высунувшегося из-за забора.

«Нергал мне в кишки! — Конан мгновенно убрал голову. — Похоже, их охраняют всерьез. Когда я уезжал, этого не было. Что же случилось?»

Он прошел немного дальше вдоль изгороди и заглянул внутрь еще раз. Двое стражников сидели, почти не меняя позы, только теперь до них было шагов пятьдесят. Больше с этой стороны сада он никого не заметил.

«Хорошо, что их всего двое, — подумал варвар. — Подожду чуть-чуть, может, что-нибудь и придумаю».

Кто ищет, тот найдет. Киммерийца вдруг осенило, и он побежал обратно вдоль забора. Миновав то место, где сидели стражники, и, пробежав еще шагов сорок, он вновь рискнул заглянуть внутрь. Здесь сад зарос гуще, деревья подходили ближе к изгороди, а некоторые ветки даже перевешивались на улицу.

«Это мне подойдет», — решил Конан и, стараясь не высовываться, чтобы доблестные стражи не заметили его, кинул под деревья несколько монет, бросая каждую все ближе и ближе к забору. Спрыгнув вниз, он искал подходящий камень и, найдя его, бросил к вершине дерева, которое росло внутри сада. Пока камень, ломая мелкие сучки и срывая листья, с шумом падал на землю, варвар уже бежал вдоль забора. Добравшись до нужного места, он подпрыгнул и, больше не таясь, оседлал верхнюю кромку изгороди. Поглядев вниз, он убедился, что расчет его оказался точным: стражники ползали под деревьями, уткнувшись носами в землю. Привлеченные шумом, они пошли проверить, в чем дело, и нашли монеты,

разбросанные Конаном.

«Теперь можно хоть целую армию перетащить через забор, им будет не до меня». Киммериец спрыгнул в сад и бесшумно скользнул вдоль кустарника поближе к дому.

Притаившись, варвар оглядел дом снаружи. Все было тихо и спокойно, но никто из его обитателей не подавал признаков жизни. Окна закрыты, не заметно никакого движения.

«Что бы это значило? — изумился киммериец. — Куда они все подевались?»

Убедившись, что его появление в саду осталось незамеченным, варвар подбежал к дому и, забросив крюк на окно чердака, быстро вскарабкался наверх. Осторожно ступая, чтобы его шаги не слышали внизу, он прошел по чердачному помещению к тому месту, где люк вел в центральную комнату дома. Конан хорошо помнил расположение всех комнат и коридоров, ведь он сам несколько дней назад привез сюда Испарану и Джунгир-хана с их слугами. Добравшись до люка, он приник к щели и прислушался к тому, что происходит внизу. Временами слышались какие-то шаги и команды, которые кто-то отдавал громким, уверенным голосом. Правда, киммерийцу показалось, что начальственный голос он слышит не из той комнаты, что под ним, а из соседней. Осторожно — чуть-чуть, на самую малость — он сдвинул крышку, и в образовавшуюся щель увидел нечто ужасное. Подобное зрелище явно мог вынести лишь человек с очень и очень крепкими нервами. Почти весь пол комнаты был завален трупами мужчин и женщин, причем, судя по тому, что кровь еще сочилась из их ран, их убили совсем недавно. Конан услышал шаги. Двое солдат внесли очередное тело, в котором он узнал повара Джунгир-хана, и бросили его рядом с остальными.

Киммериец почувствовал, как по его спине пробежал озноб.

— Испарана! — прошептал он.

Глаза варвара лихорадочно искали среди трупов ее тело, но никого похожего на свою подругу он не увидел.

— Ну что, все? — раздался громкий голос из соседней комнаты.

— Все, командир, — ответил один из стражников.

— Подгоняй повозку поближе к дверям и начинайте грузить! — скомандовал голос, и на пороге комнаты появился офицер, тот самый, что заходил в таверну, когда готовилось похищение Хафара.

Гоухар, расставив ноги, наблюдал, как двое его солдат брали трупы за руки и ноги и выносили через парадный вход. Варвару было не очень удобно наблюдать через узкую щель, но он приник к ней глазом и внимательно считал тела.

— Так... Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, — с трудом закончил он подсчет, для чего ему пришлось, чуть ли не вывернуть шею, чтобы оглядеть дальний угол комнаты. — Джунгир-хана, Хафара и Испараны нет. Всего их было шестнадцать человек, — вспоминал киммериец. — Нет, — поправил он себя, — еще человек для связи с отрядом. Значит, — подвел он печальный итог, — все остальные мертвы, а эти трое, наверное, в застенках начальника тайной службы, или как его там... — Он вытер испарину со лба. — Мерзавцы! Угробить столько невинных людей! Ничего, я рассчитаюсь с вами за это, вонючие ублюдки! Заодно и узнаю, где Испарана. Кажется, этот офицер вхож наверх. Вот его-то я и спрошу.

Варвар оторвался от люка, быстро пробежал по чердаку и спрыгнул на землю.

— Сейчас я вам покажу, сыновья греха! Он подбежал к углу дома и выглянул на площадку, где двое стражников, закончив погрузку, закрывали тела большим куском рогожи, чтобы не пугать жителей города столь жуткой картиной. Когда один из них вернулся в дом, Конан в три прыжка достиг повозки и, прежде чем оставшийся страж успел повернуться,

ловким движением свернул ему шею. Отбросив труп, киммериец встал за дверь так, чтобы его не было видно с улицы, где были слышны голоса наружной стражи. На крыльце показался, что-то напевая себе под нос, второй стражник. Он повернул голову сначала в одну сторону, видимо, разыскивая взглядом своего напарника, потом в другую... В этот миг на его горле сомкнулись стальные пальцы варвара, и тело, увлекаемое страшной силой, рванулось куда-то вперед. Сжимая его горло правой рукой, двумя пальцами левой руки киммериец нанес ему страшный удар в глаза, от которого доблестный страж уже не оправился. Из глазниц брызнула кровь, и он рухнул на землю, загремев латами.

— Что там у вас, шакалы? — Гоухар сделал шаг вперед, выходя на крыльцо, но второго шага ему сделать не удалось.

Какая-то тень выросла в проеме, закрыв свет. Тело офицера стражи после страшного удара в живот, произведенного неведомой силой, сложилось пополам. В глазах у него потемнело, и Гоухар рухнул на пол прихожей.

— Давай, охвостье Нергала! — Варвар похлопал Гоухара по щеке. — Очухивайся, грязная гиена!

Страж открыл глаза. Он увидел жесткий взгляд холодных синих глаз на обрамленном спутанными черными волосами лице с резкими, словно высеченными резцом скульптора чертами. Огромная ладонь мелькнула в воздухе, и Гоухар почувствовал хлесткий удар на щеке.

— Кто ты?

Он попытался вырваться. Тщетно. Вторая рука киммерийца держала его мертвой хваткой.

— Ты... Ты зачем это? — выдавил Гоухар.

— Сейчас узнаешь, — пообещал киммериец. — Где Джунгир-хан и остальные?

— Их... Их... Их забрали к Азатбахту, — запинаясь, ответил стражник.

Он сообразил, наконец, что попал в руки тому, за кем сам охотился уже пять дней, причем без малейшего успеха. Да если бы только он! Ведь на ноги были подняты все солдаты шангарской охраны.

— Слушай меня внимательно, ублюдок! — Варвар говорил размеренно и веско, и каждое его слово вызывало у начальника базарной стражи приступ смертельного страха. — Сейчас мы поедем к твоему другу Азатбахту. Если ты чуть шевельнешься или мигнешь кому, вот, смотри. — Конан вытащил огромных размеров кинжал. — Проткну насквозь, как цыпленка. Вставай!

Киммериец, взяв Гоухара за шиворот камзола, поднял его в воздух и резко поставил на пол.

— Давай твоё оружие, оно тебе больше не понадобится.

Гоухар повиновался. Он двигался, словно во сне, и никак не мог понять, что же такое произошло, почему этот варвар перехитрил их всех, и, самое главное, что же с ним, Гоухаром, теперь будет?

— А сейчас отправь куда-нибудь своих стражей за воротами! Разрешим им пойти пропустить по кружечке. И не вздумай дурить — я рядом!

Гоухар вышел на подгибающихся ногах на крыльцо и тоскливым голосом позвал стражника. Конан, стоя за дверь, держал наготове меч, намереваясь разрубить офицера пополам, если тот попытается его обмануть. Но перепуганный до смерти Гоухар уже не был способен на какие-либо самостоятельные действия. У киммерийца даже зародились

сомнения, хватит ли у того сил усидеть на козлах, когда они поедут отсюда.

Глава четвертая

Сил у Гоухара хватило, а может быть, просто страх приклеил его к сиденью на передке повозки. В общем, он даже не пошевелился до тех пор, пока киммериец не остановил коней у ворот начальника ханской стражи. Варвар с трудом натянул на себя форму одного из убитых, чтобы не вызывать подозрений, пока они ехали через город, и теперь сидел, несколько скрючившись, потому что камзол немилосердно жал ему под мышками.

— Скажи, чтобы пропустили, — не разжимая губ, прошипел Конан.

Гоухар повиновался, и привратники, узнав его, распахнули ворота. Повозка, покачиваясь на неровных камнях мостовой, въехала во двор.

— А теперь, шакаля задница, — негромко приказал варвар, — пошли к твоему начальнику. И помни, о чем я тебя предупредил!

Он помог слезть с козел помертвевшему от ужаса Гоухару и, ласково подталкивая его кинжалом в спину, пошел за ним к дверям, расположенным в конце крытой галереи.

Теперь уже не было смысла таиться, и, когда киммериец поравнялся с двумя стражниками, которые сидели на скамье и приводили в порядок свою амуницию, он просто проткнул им глотки тем же кинжалом. Движения его были настолько стремительными, что те даже охнуть не успели, а так и остались сидеть на скамье, привалившись к стене дома. Конан вытер клинок об одежду Гоухара и подтолкнул его:

— Ну, чего застыл? Давай, шевели копытами!

Они вошли в небольшое помещение, где за столом сидел человек в форме стражника и что-то писал на большом листе пергамента.

— Надо же, — удивился киммериец, — грамотный!

Стражник поднял голову и, увидев Гоухара, входящего с каким-то незнакомцем, открыл, было, рот, чтобы задать вопрос или поприветствовать офицера. Но что он хотел сделать, уже никто не узнал. Длинная рука киммерийца молниеносным движением схватила его за волосы и впечатала лицо в столешницу с такой силой, что доска не выдержала и треснула. Что произошло с головой стражника, описывать излишне: разумеется, его череп лопнул, словно спелая дыня.

— Где Азатбахт? — Варвар повернулся к Гоухару, который, выпучив глаза, смотрел на расколотую голову стражника. Видимо, картина настолько впечатлила стражника, что он застыл как истукан.

Конан повторил свой вопрос, отвесив предварительно сочную оплеуху, чтобы тот очнулся.

— Т-т-т... Т-там. — Стуча зубами, Гоухар указал на дверь.

Киммериец приложил ухо к двери и прислушался. Внутри было тихо.

— Заходи первым! — подтолкнул он Гоухара.

Начальник базарной стражи трясущимися руками открыл дверь и сделал два неверных шага вперед.

— А, это ты, свинячий глест, — услышал варвар голос изнутри комнаты. — Кто тебя пустил, и зачем ты приперся?

К изумлению большого начальника, вместо того чтобы раболепно согнуться и ответить

на его приветствие, Гоухар, словно выпущенный из катапульты, пролетел, растопырив руки, вперед и обрушился на него. Это Конан толкнул в спину незадачливого офицера и вслед за ним вошел в комнату.

— Ты... — выбираясь из-под придавившего его тела, хотел было грязно выругаться Азатбахт, но слова застряли у него в глотке.

Аккуратно заперев дверь на засов, в проеме стоял гигантского роста человек с обнаженным мечом в правой руке и таким взглядом жестоких синих глаз, что у начальника ханской стражи отпала охота не только спрашивать, но и вообще шевелиться. Вид вошедшего внушал Азатбахту определенные сомнения не только в том, что вопросы сейчас будут уместны, но также и в том, что его жизнь имеет хоть какой-нибудь смысл. Все это время, с тех пор как варвар ехал на повозке с трупами, его ярость возрастала, не находя выхода. Азатбахту довелось увидеть киммерийца как раз в то мгновение, когда он дошел до высшей точки кипения своей злости, и она казалась еще страшнее оттого, что внешне Конан выглядел совершенно спокойным.

— Тихо, — предупредил киммериец, — я люблю порядок. Порядок во всем, — добавил он и рванул с почтенного Азатбахта ножны с оружием с такой силой, что чуть не разорвал того пополам.

Ремень лопнул, начальник ханской стражи скорчился от страшной боли в пояснице. Штаны упали с него, полоса содранной кожи на месте, где полагалось быть талии, кровоточила.

— Сядьте, — коротко бросил варвар, кивая на лавку в углу комнаты.

Поддерживая спадающие шаровары, начальник стражи семенящими шажками пробежал в угол и сел. Гоухар, соблюдая субординацию, подождал, пока сядет Азатбахт, и потом робко примостился на краешке скамьи. Конан подвинул себе ногой стул и устроился напротив них.

— Ну, что будем делать, сыновья пьяной блевотины? — ласково спросил он.

Его незадачливые собеседники были потрясены настолько, что просто не могли сразу сообразить, чего же хочет от них этот могучий варвар. Давая выход своей ярости, Конан отвесил каждому по хорошей оплеухе.

— Начинай ты! — ткнул он острием меча в грудь Азатбахта.

— Чего ты... Тебе... — заскулил тот, не соображая еще, в чем дело.

Киммериец отвесил ему вторую пощечину, посильнее первой.

— Объясни ты, сопля шангарская. — Теперь он ткнул мечом в Гоухара.

Тот, давась от испуга собственной слюной и заикаясь, рассказал Азатбахту, что успел понять сам. Варвар, положив ногу на ногу, слушал, временами внося поправки.

— Понял, что тебя ждет, если с этими людьми что-то случилось? — мягко спросил варвар, и от его вопроса Азатбахта забила крупная дрожь.

«Что? Уже?» — пронеслось в голове киммерийца.

— Отвечай, тухлый селезень! — Отвесил он еще одну оплеуху.

— Нет! Нет! — Азатбахт умоляюще протянул вперед руки и завопил — Они живы, живы!

— Тихо, скотина! — процедил сквозь зубы варвар. — Ты так всю стражу сюда созовешь. Забыл, что все под богом ходим? — Он выразительно покачал клинком. — Продолжай!

— Они здесь, у меня в подземелье, — затараторил Азатбахт, — я сейчас прикажу их привести. Они живы, живы... — повторял он, испытывая животный восторг оттого, что поступил правильно и не успел отправить своих пленников на Серые Равнины. У него

появилась надежда, что теперь он сможет уцелеть.

— Не торопись, — охладил его пыл киммериец. — Ты очень плохо себя вел. Люди приехали в твой город отдохнуть и набраться сил, а ты их сажаешь в темницу, сын вонючей гиены! — В синих глазах полыхнул яростный огонь. — Вспомни, паршивый козел, зачем я тебе был нужен?

Азатбахт вздохнул. Отвечать ему не хотелось, но под взглядом варвара он все-таки выдал:

— Ты убил моих людей, поэтому тебя и искали...

— Врешь! — Киммериец приподнялся со стула. — Эти облезлые псы первыми погнались за мной. Значит, им кто-то приказал. Ну-ка, вспоминай, живо!

— Нет! Не надо! — заверещал офицер, думая, что варвар хочет покончить с ним. — Я все скажу! Один из местных рассказал, что ты украл у его семьи перстень. И я...

— Этот? — Конан сунул ему под нос мизинец с кольцом.

— Я не знаю, какой... Он так сказал, и я пообещал арестовать тебя и отдать кольцо ему.

— Как его зовут?

— Махгар, он приятель хозяина таверны Бехруза.

— Ты думаешь, шелудивая овца, что я всех знаю по именам в вашей вонючей Шангаре? — Варвар сжал кулаки.

— Бехруз — хозяин «Туранского сокола».

— Хорошо... — Киммериец на мгновение задумался. — С этим я разберусь. Теперь о ближайших делах. У тебя есть закрытая повозка?

— Есть, есть, — обрадованно закивал головой Азатбахт.

— Прикажешь запрячь лошадей и подогнать сюда, во двор, — глядя на него тяжелым взглядом, распорядился Конан. — Потом посадишь туда пленников. Кстати, деньги где?

— Какие деньги? — изобразил недоумение начальник стражи.

— У Хафара было много денег! Забыл, что ли? — Новая оплеуха обрушилась на окровавленное лицо начальника ханской стражи.

— Они у меня дома, — быстро вспомнил Азатбахт.

— Придется заехать к тебе в гости, — мрачно изрек варвар, — там заодно и на твои припасы посмотрим. Ты ведь, наверное, богатый?

— Ну, что ты... — застеснялся стражник.

— Ладно! — прервал его киммериец. — Хватит гундосить! Вытри рожу, подтяни штаны и сделай распоряжения. Учти, я буду стоять сбоку от тебя. Если что, сам понимаешь, тухлая отрыжка осла!

Все прошло довольно быстро и, к величайшему удовлетворению Конана, благополучно. Они втроем вышли из комнаты Азатбахта и сели на передок повозки, которая уже стояла наготове. Конан постучал в стенку:

— Испарана, вы живы?

— Конан?! — раздался изнутри приглушенный вскрик.

— Кто с тобой?

— Только Хафар и Джунгир-хан. Где остальные, я не знаю.

— Хорошо, — ответил варвар, — об остальных потом.

Он бросил возжи Гоухару, который сидел справа от него.

— Давай, поехали, будешь за возницу! И смотрите у меня, ваша жизнь не будет стоять и ломаного медяка, если что не так сделаете!

Азатбахт и Гоухар уныло кивнули. Уже вечерело, поэтому горожанам было невдомек, что на козлах повозки, которая быстро двигалась по улицам Шангары к Закатным воротам, сидели грозные и всеильные офицеры, причем тот, что имел весьма сильно опухшее лицо, был сам начальник городской стражи, почтенный Азатбахт. Привратники у ворот, увидев своего начальника в сопровождении Гоухара и еще какого-то стражника, лишних вопросов не задавали, и скоро повозка уже весело катила прочь от Шангары. Только один прохожий обратил внимание на возницу и его спутников. Махтар, спеша в таверну к Бехрузу, так и застыл с раскрытым ртом, узнав в сидящем рядом со знакомыми ему почтенными людьми человека, которого безуспешно пытался поймать.

«Куда это они его везут? — размышлял колдун, провожая повозку недоумевающим взглядом. — Впрочем, раз его поймали, завтра я, так или иначе, заполучу этого парня. Ведь Азатбахт обещал. Надо же, не соврала старая карга! Действительно, какой он большой!»

Когда башни Шангары скрылись за поворотом дороги, Конан ткнул Гоухара в бок острием кинжала.

— Стой, ублюдок! Приехали. Слезайте! — скомандовал он, спрыгивая на землю.

— Что ты с нами сделаешь?! — Двое стражей бухнулись ему в ноги, норовя облобызать сапоги.

— Это не мне решать, — ответил варвар.

Он связал их и, отпихнув с дороги, открыл дверцу повозки.

— Испарана! — позвал он. — Выходите, самое время размять ноги!

Глава пятая

— Конан! — Испарана упала в объятия киммерийца. — Мы уж думали — все, конец!

— Слава Солнцеликому! Будем надеяться, что боги нас и впредь не оставят! — Варвар нежно сжимал в ладонях ее тонкие, но сильные пальчики. Он был по-настоящему счастлив. — Видишь, нам суждено быть рядом! А ведь как ты сопротивлялась тогда!

Из повозки выпрыгнули Джунгир-хан и Хафар. Киммериец выпустил Испарану из своих объятий.

— Ну что, высокочтимые, надо решать, что делать дальше. Сначала ты, повелитель, — Конан обернулся к Джунгир-хану, — скажи, как поступить с этими двумя негодьями. Они зарезали всех твоих верных слуг.

Мальчик исподлобья взглянул на киммерийца. Его лицо ясно говорило о том, что он не доволен. Здесь распоряжался Конан, и юному правителю Замбулы это не нравилось.

Он походил на своего покойного отца не только внешне. Его волевой, надменный взгляд тоже напомнил варвару вероломного Актер-хана.

«Скоро от этого волчонка можно ожидать больших неприятностей», — подумал Конан.

— Тебе решать, правитель, — повторил он, подводя Джунгир-хана к канаве, где трепыхались связанные Гоухар и Азатбахт.

— Кто это? — спросила Испарана, подойдя к ним.

Киммериец наклонился вниз и вытащил за ворот рубахи сначала Гоухара, а потом его начальника. Встряхнув их хорошенько, он поставил обоих на ноги.

— Вот, смотри. — Варвар отступил на шаг.

— Мерзавцы! — Испарана, как разъяренная тигрица, рванулась вперед и, наверное,

вцепилась бы Азатбахту в глаза, если бы киммериец не успел перехватить ее руку.

— Ты еще не все знаешь, — нарушил молчание Джунгир-хан. — Вот этот, — мальчик указал на Азатбахта, — отдал ее своим солдатам, и он, — теперь его палец ткнулся в грудь Гоухара, — он был первым.

— Испарана? — задохнулся киммериец.

— Ну да! Да! — закричала женщина. — Что ты еще хочешь? Подробностей? Их было четверо, они привязали меня к скамье...

— Достаточно! — прервал ее Конан. — Не нужно, — добавил он уже мягче, обняв женщину за плечи. — Ты вправе растерзать этих ублюдков. Вот тебе мой меч. — Он вытащил из ножен клинок и протянул его Испаране. — Надеюсь, ты не разучилась пользоваться оружием.

Животный вопль ужаса огласил окрестности. Оба офицера бухнулись на колени, умоляя даровать им жизнь.

— Заткнитесь! — рявкнул на них киммериец. — Хоть умрите как люди, псы позорные! Тем более, что ваши товарищи смогут продвинуться по службе, — не удержался он, чтобы не съязвить. — Давай, Испарана! — Он отвернулся и отошел в сторону.

Вопли перешли в долгий и протяжный вой, словно стая шакалов лаяла на луну. Потом раздался свист меча, стук упавшей головы, и следом за ним еще один глухой звук падения. Потом все стихло.

— Садитесь. — Конан вскочил на козлы. — Все расскажу на месте, там и решим, как поступать дальше. Поедем к вашим туранским всадникам, больше нас нигде не ждут. А эту падаль шакалы и стервятники к утру обглодают дочиста. — Он кивнул на два обезглавленных тела, которые принадлежали бывшим офицерам стражи. — Тьфу, псы шангарские! — сплюнул он и тронул поводья.

* * *

— Ваше положение на сегодня таково... — начал варвар, когда он, Испарана, Джунгир-хан и его визирь сели в кружок на пригорке рядом с лагерем.

Собеседники не сводили с него глаз, потому что за те дни, которые они провели в подземелье Азатбахта, никто никаких новостей им не сообщал. Всем не терпелось услышать, что скажет киммериец.

— Так вот, — продолжил Конан, — надежд на твоего родственничка нет никаких... Он рассказал о своих приключениях в Хоарезме, о Мусаибе, о том, как за ним установили слежку, и о том, как его встретил дозор на дороге, — в общем, почти все, что с ним случилось. Он умолчал лишь об Аршаде, поскольку не привык посвящать в свои дела других. Перстень с павлином и все, что было с ним связано, остальных не касалось. Так он решил.

— Я не вижу ничего странного в том, что Мусаиб установил за тобой наблюдение, — поджав губы, сморщился Джунгир-хан. — Откуда ему знать, что какой-то дикарь его не обманывает?

Варвар с удовольствием дал бы юнцу по шее за такие слова, а главное, за тон, каким он их произнес. Однако мальчишка был как-никак ханом, поэтому Конан просто усмехнулся. Зато не промолчала Испарана.

— Как ты можешь! — возмущенно воскликнула она, и Джунгир-хан прикусил язык,

глядя на нее с таким обожанием, что это не ускользнуло от пронизательного взгляда киммерийца.

«Неужели? — подумал он, но тут же отмел эту мысль. — Хотя, — поразмыслил он еще немного, — мальчишка уже почти взрослый, и не исключено, что Испарана тоже испытывает к нему не только материнские чувства...»

— Это вашей семейке доверять нельзя, — прямо и совсем непочтительно сказала Испарана, глядя в глаза Джунгир-хану. — Если Конан так говорит, то ему надо верить, тем более что он единственный из нас, у кого нет интересов в этом деле.

— Ты права, — поблагодарил ее взглядом варвар, — мне действительно ничего не нужно от вашей Замбулы, провались она к демонам! Но твой родственничек, — он посмотрел хану прямо в глаза, — мне не понравился.

— Это твое дело, — не сдавался Джунгир-хан. — Я думаю, теперь к нему можно послать более подходящего гонца, Хафара.

— Я готов, повелитель, — склонил голову визирь.

— Не торопись, — Испарана даже привстала от волнения, — так можно наделать ошибок!

— Если ты хочешь съездить в Хоарезм, — усмехнулся варвар, — то я тебя понимаю. Город красивый и богатый, есть, на что посмотреть и где погулять, клянусь Белом, — его разбирал смех, — но, — он поднял вверх палец, словно служитель храма перед толпой молящихся, — почему-то у меня предчувствие, что тебя там, скорее всего, посадят в такое же подземелье, как и здесь. А на расправу там быстры, можешь поверить! — закатив глаза, будто ел что-то очень вкусное, продолжал варвар. — Штаны с тебя сдернут, мигнуть не успеешь, — захохотал он, уже не сдерживаясь.

В нескольких словах он поведал остальным, как был свидетелем скорой и весьма болезненной расправы со стражником.

— Беднягу унесли, как мешок с зерном, — закончил он свой рассказ.

Хафар, слушая его, слегка поежился, но Джунгир-хан недовольно взглянул на киммерийца.

— Ты не понимаешь отношений среди знатных людей, ты ведь всего-навсего простой солдат.

— Да, — усмехнулся Конан, — я действительно человек простой. Варвар из Киммерии. Но не придурок. А вот ты, — продолжал он, тяжелым взглядом окидывая Джунгир-хана, — хотя и царственного рода, напоминаешь мне безмозглую овцу.

— Ты забываешь, с кем говоришь! — вскипел Джунгир-хан.

— Вовсе нет, — спокойно отпарировал киммериец. — Ты, между прочим, сейчас стал никем, и звать тебя никак. Если бы случай в моем лице не помог тебе, то, возможно, черви уже давно лакомились бы твоим знатным телом. Надо было мне оставить вас с визирем у почтенного Азатбахта, смотришь, лишняя спесь и вышла бы из ваших высокородных мозгов.

— Ну, это ты слишком, — вмешался Хафар.

— А ты вообще бы помолчал! — огрызнулся Конан, — его уже начало злить поведение этих вельможных ублюдков. — Можно подумать, это не ты продал меня начальнику стражи!

— Но я...

— Пес с вами! — Конан встал и решительно направился прочь. — Как хотите, так и поступайте, а у меня своих дел полно. Только время с вами теряю.

— Придурки! — выругала Испарана хана с визирем, бросаясь вслед за киммерийцем.

— Конан! Остановись! — Она подбежала к нему и бросилась на грудь. — Прости их. Ты ведь делаешь все ради меня, не так ли? — Взгляд ее карих глаз обволакивал киммерийца, лишая его сил к сопротивлению.

— Ладно, уж, — буркнул он, — боги пусть их судят...

Они вернулись к мужчинам. Те тоже понимали, что перепалка между Конаном и Джунгир-ханом зашла слишком далеко. Они сидели мрачные и безмолвно смотрели на приближающегося варвара.

— Я считаю, — киммериец начал свою речь так, как будто ничего не произошло, — надо найти достаточное число наемников. Это первое. — Он немного помолчал и продолжил: — Потом я попытаюсь привлечь на нашу сторону Ахимен-хана, если получится, конечно, я еще в этом не уверен. Если соберем достаточно сил, твое дело выгорит, возвратишь свой трон, — взглянул он на Джунгир-хана.

Тот молчал, угрюмо разглядывая носки своих сапог.

— Если ты хочешь искать помощи у Мусаиба, дело твое, — пожал плечами варвар, — но собирать войско все равно придется. Деньги ваши я у Азатбахта забрал, — сообщил он, — так что будет, чем заплатить наемникам.

Договорились, что варвар начнет собирать отряд. Джунгир-хан все-таки настоял на своем, и Хафар решил завтра же ехать в Хоарезм. Конан не спорил. Нет смысла становиться между дураком и его глупостью. Если кто-то добровольно хочет подставить себя под кнут, только боги способны ему помочь.

Часть пятая

СОГЛЯДАТАИ И ПОДНАДЗОРНЫЕ

Глава первая

Утром Махтар направился к Азатбахту, надеясь, что сегодня ему, наконец, выдадут обещанное. Но, видимо, боги решили иначе. Сомнения у колдуна зародились, когда он еще шел по улицам Шангары, и чем ближе он подходил к дому, где помещалось ведомство начальника ханской стражи, тем быстрее таяла его надежда.

На улицах было много стражников и даже солдат ханской армии, и из обрывков разговоров Махтар понял, что Азатбахт вместе с начальником базарной стражи Гоухаром куда-то исчезли.

«Боги! — вытер вспотевший лоб колдун. — Значит, это не они поймали варвара, а наоборот, он захватил их и увез с собой. И я, старый болван, все видел и пальцем не пошевелинул, чтобы помочь им. Куда подевалась моя способность предвидения? Как будто кто-то напустил в мои глаза колдовского тумана!»

Он помчался обратно домой, заперся в своей комнате, где обычно занимался магией, и долго возился с колдовскими принадлежностями, лихорадочно листал старинные фолианты, пока, наконец, не узнал, что интересующий его перстень не поменял владельца.

— Уф! — Махтар откинулся на спинку кресла. — Слава богам, что перстень еще у киммерийца. Но парень он не простой, ох, не простой! Что же мне теперь делать?

Он сомневался, стоит ли опять обращаться к помощи властей. Один раз он это уже сделал. И что? Даже неизвестно, живы ли пропавшие офицеры стражи. Махтар встал и зашагал по комнате из угла в угол. Варвар где-то недалеко от города, в горах. Вряд ли шангарский наместник сочтет нужным направлять туда отряд, чтобы вызволить Азатбахта и Гоухара. Поищут в городе день-два, а потом благополучно о них забудут. Претендентов на их должности хоть отбавляй. Стражником больше, стражником меньше, какая разница! Да и самому соваться к городскому начальству смысла нет: начнутся ненужные расспросы, времени он потеряет уйму, а толку ноль.

Колдун остановился на мгновение, потом снова забежал по комнате. Ему плевать на этих ослов, что попались в лапы варвара! Его, Махтара, задача — овладеть кольцом с золотым павлином.

«Надо рассуждать спокойно», — уговаривал себя он, но волнение не давало ему сосредоточиться.

И у магов бывают минуты растерянности. Ведь удача так неожиданно ускользнула из рук! Но, может быть, еще не все потеряно? Если свергнутый правитель Замбулы и его приближенные, о чем уже распространились слухи по Шангаре, действительно находятся где-то поблизости, они, несомненно, будут собирать армию из наемников. Народ к ним потечет разный, всяческий сброд в основном, конечно. Что, если подослать к этому варвару убийц? Тихонько ножичком в спину — и все дела! Один удар, и можно снимать перстенок с его руки. Махтар потер ладони: в самом деле, здорово он придумал! Дело за малым — найти исполнителя среди шангарских лихих ребят. Что ж, за хорошие деньги желающие всегда отыщутся, в этом он несколько не сомневался.

«А лакуди? — пришла в голову внезапная мысль. — Как же я об этих-то поганцах забыл? Зеленого в горах нет, он может действовать только в Шангаре. Пока я тут рассуждаю, эти твари, пожалуй, и снимут мой перстень! Надо скорее, скорее!»

Он как ошпаренный выскочил из дома и помчался к своему дружку Бехрузу. Кто, как не хозяин таверны, поможет найти ему нужного человека?

— Что-то многие стали интересоваться людьми из Замбулы, — почесал щеку Бехруз. — Вот вчера вечером заходил тут один, все расспрашивал, где они могут быть. — Его лисья физиономия приняла печальное выражение, словно восстановление ханского престола было для него жизненно важным.

— Вчера? — удивился Махтар. — Насколько мне извечно, вчера они еще были... — Он внезапно замолчал, чтобы не сказать ненароком чего-нибудь лишнего.

Бехруз, хитро прищурившись, глядел на него, соображая, зачем его подельнику понадобился отчаянный челоек. В это время дверь открылась, и на пороге возник вчерашний посетитель, тот, что спрашивал про прибывших из Замбулы.

— Вот он, — шепнул Бехруз. — Может быть, вы найдете ним общий язык. Чую, он неспроста интересуется Джунгир-ханом.

Колдун оглянулся. К ним подходил неприметный туранец с усталым взглядом. Видно было, что он целый день провел на ногах и провернул с утра немало дел.

— Пива, — попросил он хозяина, и когда тот подал ему кружку, тихо поинтересовался — Что-нибудь слышал новенького?

— Поговори с ним. — Бехруз кивнул на стоявшего рядом Махтара. — Может быть, вы будете полезны друг другу.

— Пойдем, поговорим. — Колдун повел незнакомца в дальний угол таверны.

Махтар всегда завидовал могущественным чародеям. Те умели многое, и всяческих колдовских предметов имели гораздо больше, чем он. Это они собирались на весенние гадания в Хоарезме, а таким, как он, оставались только мелкие делишки, вроде тех, чем он занимался с Бехрузом.

Даже старая карга Эноха могла управлять своим монстром. А у него было только несколько магических книг, да заколдованная коровья шкура. Тоже, конечно, штука неплохая: завернешь в нее человека, а потом глядишь — и нет его. Только боги знают, что произошло, да они ведь об этом не расскажут! Вот когда он, Махтар, завладеет перстнем, тогда и о нем пойдет слава среди всех магов и колдунов, тогда и его имя будут произносить шепотом и с почтением. Через некоторое время не этот надменный индюк Шарип, а он поедет в Хоарезм к знаменитому Вахраму. Правда, кое на что он и сейчас был способен. Например, читать чужие мысли. Не у всех, это редко кто может, но вот этот человек, с которым они уселись за крепкий дубовый стол в таверне Бехруза, был для него прозрачен, как простое оконное стекло в таверне.

«Даже прозрачнее, — подумал Махтар, — потому что Бехрузу свои окна не мешало бы и помыть».

Однако своих секретов он раскрывать не стал, предпочитая послушать сначала, что скажет незнакомец, Юлбаш из Хоарезма, как он представился. Когда тот закончил свой рассказ, Махтар посмотрел на него пристальным взглядом.

— Ты, по-моему, немного ошибся, — важно начал он. — Ты ведь не послание привез от визиря Хоарезма, а собираешься убить Джунгир-хана, иначе Мусаиб замучает твою сестру, которую ты нежно любишь. Так?

Собеседник поперхнулся пивом, и его глаза остекленели.

— Откуда тебе это известно? — хрипло выдавил он.

— Не бойся, — успокоил его Махтар, — у нас с тобой очень близкие цели. Тебе нужно убить мальчишку-хана, а мне одного варвара из его приближенных. Если мы займемся этим вместе, то быстрее добьемся успеха. Верно?

Юлбаш подавленно кивнул: он еще не мог оправиться от потрясения, вызванного неожиданной осведомленностью Махтара.

— Я расскажу тебе, где они скрываются, и даже смогу отвезти туда, — продолжал Махтар. — Еще у меня есть неплохое снотворное зелье. Может быть, тебе имеет смысл прикинуться поваром. Ты умеешь готовить?

— Нет, в общем... — помедлив, ответил Юлбаш.

— Тогда попробуй наняться в услужение. Я знаю, что у них сейчас нет слуг, а таким большим людям они необходимы. Что-нибудь ты вообще умеешь делать?

— Я был цирюльником когда-то, могу шить...

— Вот видишь! — подбодрил его Махтар. — Главное — проникнуть к ним, а потом останется лишь дожидаться подходящего случая.

— А если... — начал Юлбаш.

— Умно будешь действовать, — перебил его колдун, — и сам уцелеешь, и дело сделаешь. Сестру свою спасешь, и, кроме того, если все закончится хорошо для нас, я дам тебе двадцать золотых. Сам прикинь, деньги немалые.

Юлбаш кивнул в знак согласия. Выбирать ему все равно не приходилось, а помощь Махтара была весьма кстати.

— Вот и славно! — Колдун не скрывал своей радости. — Теперь отправимся ко мне,

надо все подготовить.

Через некоторое время арба, запряженная, как было принято в Туране, парой мулов, скрипя колесами, двинулась по дороге от Шангары на Закат. На передке сидели двое неприметных мужчин: один, судя по одежде, лекарь или гадалщик, другой не выделялся ничем и мог быть кем угодно. В повозке лежали нехитрый скарб путешественников, несколько бурдюков вина, сундучок с принадлежностями цирюльника. Лица сидевших в ней были хмуры и сосредоточенны.

Глава вторая

Конан весело плескался в прохладном озерце. Стремительный ручей, стекавший с гор, замедлял здесь свой бег и в узкой лощине между двумя склонами растекался в спокойный водоем, видимо, для того чтобы, отдохнув и набравшись сил, быстро мчаться дальше, на равнину.

Варвар только что вернулся из поездки по ближайшим селениям, где договорился с крестьянами о покупке лошадей и поставках продовольствия. Армия, которую ему предстояло набрать, нуждалась и в том, и в другом. Самих же солдат киммериец намеревался поискать в ближайших городах: Самарре, Шангаре и Хоарезме. Всегда найдется достаточно лихих ребят, которые возьмутся за любое дело, если им пообещать звонкую монету. Но этим он собирался заняться завтра, а пока с наслаждением смывал с себя дорожную пыль в прохладной и свежей воде.

Киммериец поплыл медленными гребками на середину озерца, наслаждаясь покоем и ярким солнечным светом.

«Жаль, что Испараны нет со мной, так хочется ее видеть рядом...» Он перевернулся на спину и лег на воду, прикрыв глаза.

Сами собой всплыли в памяти стихи, которые он слышал как-то в шадизарской таверне. Странствующие музыканты пели под тихие мелодичные звуки флейты:

Приходи и танцуй для меня

Танец радостный узнаванья.

В полумраке увядшего дня

Я увижу груди колыханье.

Приходи и танцуй для меня

Танец медленный обещанья,

Слаще меда и жарче огня,

И улыбки зовущей сиянье.

Приходи и танцуй для меня

Танец сладостный опьяенья.

И твой смех серебристый, звеня,

Поведет меня в сад наслажденья.

Приходи, мы станцуем вдвоем

Обжигающий танец слиянья,

Я горю, как костер, в ожиданье своем,

И, кинжала острей, полыхает желанье.

Варвар нырнул на глубину, чуть коснувшись рукой каменистого дна. Сюда почти не проникали солнечные лучи, несмотря на то, что вода была прозрачной и чистой. Поверхность водоема, видимая снизу, казалась темно-голубым сводом с искристым пятном дневного света. Киммериец проплыл немного у самого дна, распутивая раков и мелкую рыбешку, а потом сильным взмахом обеих рук послал свое тело наверх, к солнцу.

Вынырнув, он фыркнул, словно боевой конь, и вновь только сверкнувшие над водой пятки варвара могли указать любопытному место, где он скрылся. Он снова появился на поверхности почти у противоположного берега и, поднимая тучи брызг, мощно загребая воду, поплыл обратно — туда, где под раскидистым дубом оставил свою одежду и оружие.

Выйдя на берег, Конан в недоумении огляделся вокруг: вроде бы место то самое, но где одежда? Он прошел по берегу несколько шагов в одну сторону, потом в другую. Ничего нет! Варвар еще раз осмотрел полянку. Да нет же, точно то место, вон и конь его пасется рядом. Чудеса! Он скрипнул зубами. Чьи это дурацкие шутки? А если он проворонил врага? Хотя он мог бы выстоять против нескольких человек и с голыми руками, но все же сейчас, обнаженный, на открытой поляне, представлял собой отличную мишень для противника. И удобную.

На всякий случай киммериец отломил здоровый сук от ближайшего дерева и направился к своему коню.

«Что же делать? — усмехнулся он п о себя. — так и ехать голым в лагерь. Вот будет

потеха... Там найду чем прикрыться».

— Ты ничего не потерял? — насмешливо спросил позади него голос.

Варвар чуть не подпрыгнул от неожиданности и заметив где шевельнулись ветки кустарника бросился туда. Движение листьев впереди указало ему дальнейший путь, и он рванул туда, проламывая себе дорогу, как разъяренный слон. Уже выбегая на крошечную полянку у самой воды, разъяренный Конан услышал знакомый серебристый смех, а мигом позже увидел и очаровательную шутницу. Испарана, уперев руки в бока, заливисто хохотала над ним, голым с дубиной в руке, взъерошенным, с торчащими из волос сломанными веточками и листьями

— Ну что, парень? — подразнив его языком, задорно крикнула женщина. — Нравится? Помнишь, как ты подглядывал за мной, когда я купалась?

Конан бросился вперед, пытаясь схватить ее, но Испарана ловко увернулась, и он, проехав босыми пятками по влажной траве, влетел в воду. Фонтан брызг поднялся вверх, рухнул с берега. Киммериец вскочил на ноги.

Вода доставала ему до пояса и приятно холодила тело. Тряхнув головой, варвар рассмеялся, вторя подруге.

— Твоя взяла, — махнул он рукой, признавая поражение. — Иди сюда, Испарана. Давай искупаемся вместе.

Испарану долго упрашивать не пришлось. Она глядя прямо в глаза Конану, медленно расстегнула застёжки, скреплявшие лямки ее без рукавки, потом сдвинула с плеч ворот просторной рубахи и повела плечами. Одевание, мгновение помедлив на пышной груди, плавно соскользнуло на траву.

Женщина потянула завязки у пояса шаровар, и они белым пятном улеглись у ее ног. Варвар как замороженный смотрел на умопомрачительную картину. Испарана, сбросив одежду, словно бутон цветка, раскрывший лепестки, замерла перед ним. Её золотистая кожа как будто искрилась на фоне темной зелени кустарника. Киммериец застыл, не шевелясь, словно опасаясь спугнуть неосторожным движением этот чудесный миг. Испарана была очень красива: ее длинные стройные бедра и сильные икры, чуть выпуклая округлость крепкого живота, упругие груди с розоватыми сосками, слегка покатые плечи и совершенной формы руки, изящная головка на длинной стройной шее, густая копна пурпурно-черных вьющихся волос — все, что предстало перед варваром в своей неприкрытой прелести, было способно свести с ума кого угодно.

— Испарана! — Он протянул вперед руки, как всегда, восхищенный.

Женщина шагнула вперед и, преодолев полянку несколькими грациозными прыжками, бросилась к варвару, распластав в полете руки, как удивительная птица. Конан поймал ее на лету и ласково прижал к себе.

— Испарана! — прошептал он. — Какая ты красавица, Испарана...

Женщина, забросив руки ему на шею, закрыла поцелуем его рот. Они долго не могли оторваться друг от друга, пока Испарана не заколотила маленькими кулачками по широкой спине киммерийца. Он отпустил ее на мгновение.

— Задушишь ведь, варвар — В ее глазах было столько ласки и нежности, что у Конана перехватило дыхание от нахлынувших на него чувств.

— Купаться будем потом, — шепнул он, подхватывая Испарану на руки.

Он прочитал в ее глазах, что их желания совпадают, и вышел на берег, неся свой драгоценный груз. Поляна была им ложем, а синее небо и светлое Око Митры наблюдали за

ними с высоты, но разве от этого стройное упругое тело Испараны становилось менее желанным? Праздник плоти продолжался долго. Уже солнце изнемогло и начало склоняться к горизонту, но Конан не чувствовал усталости. Он готов был продолжать всю наступающую ночь и весь следующий день, и...

— Нам пора возвращаться в лагерь. — Испарана привстала на колени, вглядываясь в темнеющее небо. — Никто нам не мешает продолжить чуть позже, — прибавила она, взглянув на нахмурившего брови киммерийца. — А теперь давай действительно выкупаемся. Ты ведь обещал!

Они, как дети, с визгом и смехом бросились в прохладную воду озера и долго плавали, ныряли и плескались. Их разгоряченные тела никак не могли остыть, и варвару казалось, что вода кипит, обволакивая его кожу. Когда они вышли на берег, Испарана бросилась в кустарник и, пока варвар недоуменно глядел ей вслед, вынесла оттуда ворох его одежды и ножны с оружием.

— Лови, герой! — Узел полетел в руки варвара. — Ты такой осторожный, — поддела она его со смехом, — мало, что одежду проворонил, так тебе вполне могли отстричь то, чем ты так гордишься! — Она шаловливо протянула руку к упомянутой части тела.

Варвар инстинктивно согнулся, прикрываясь ладонями, но через мгновение уже весело хохотал вместе с подругой.

Когда они, одевшись, не спеша шли к лагерю, ведя в поводу коня киммерийца, Испарана вдруг сказала:

— Помнишь ли ты, что сказал мне тогда на прощание?

— А что я сказал? — спросил варвар.

— Ты сказал, мерзкий дикарь, что я покроюсь морщинами и буду старухой к следующей нашей встрече!

— Разве я мог сказать такую глупость? — удивился Конан. — Ну, если и мог, то оказался не прав. Ты не состаришься никогда, — добавил он, и чувствовалось по его голосу, что он на самом деле верит в это.

Близилась ночь, сумерки плотно окутали тропинку и кустарник, карабкающийся вверх по склонам. Только вершины гор еще купались в последних лучах заходящего солнца. За следующим поворотом должен был показаться их лагерь. Уже потянуло дымком костров и аппетитным запахом жарившегося мяса. Конан шевельнул ноздрями, только сейчас почувствовав волчий голод. Вдруг его конь дернул головой, остановился и попятился.

— Что такое? — Варвар обернулся назад, и его вдруг охватило уже же знакомое ощущение тяжести в голове и гула в ушах.

Он повернулся к Испаране. На лице женщины застыла маска ужаса.

— Испарана! Приготовься! — крикнул он, но не слышал своего голоса.

Конан уже понял, в чем дело. В десяти шагах стоял его двойник, а склон справа вздыбился и покрылся многочисленными х олмиками. Спустя несколько мгновений в полутьме показались знакомые лохматые головы усмехающихся карликов.

Их становилось все больше и больше, подпрыгивающие тела покрыли весь косогор. Губы их шлепали, словно они хором пели какую-то песню.

— Лакуди! — выдохнул варвар. — Вот вам! — Он выхватил меч и помахал им.

Двойник сделал то же самое и они оба бросились на трехпалых. Киммериец снес первую голову легко, как ветку дерева и Лже-Конан сделал то же. Они работали вместе, взмахивая мечами, как крылья одной мельниц, как косари, идущие в одном ряду. Головы

лакуди летели с плеч, как перезрелые яблоки. Краем глаза варвар заметил, что Испарана тоже выхватила клинок и рубит мелкую нечисть.

Лакуди, увидев, что ничего не могут сделать, испуская синеватое сияние с трехпалых когтистых лап, начали зарываться в землю, спасаясь от разящих ударов прекрасной воительницы. Все произошло, как в прошлый раз в саду, только теперь помощи гриба не понадобилось, да он и не появился. Гул в ушах стих, и варвар обнаружил, что сидит на траве.

— Что это было? — услышал он звенящий голос Испараны.

Варвар поднял голову. Женщина наклонилась, к нему вглядываясь в глаза. Было уже темно, и он не видел ее лица, но по голосу понял, как она взволнована.

— Не беспокойся, все в порядке, клянусь Кромом, — поднялся он на ноги. — Расскажи лучше мне, что ты видела.

— Ты вдруг стал... Вдруг... — Испарана не могла сразу подобрать слова. — Как будто сделан из прозрачного тумана, а потом начал раздваиваться, и тебя... — Она сглотнула. — Вас стало двое. И еще эти карлики... Они кричали хором.

«Шакальи задницы! Шакальи задницы!..»

Конан обнял подругу.

— Это я их научил. На свою голову... — Он тихо засмеялся, потом негромко сказал: — Не бойся, малышка, все уже прошло...

— Что же это было? Тебя заколдовали? — спросила Испарана, чуть не плача.

— Это скоро кончится, — успокоил ее киммериец. — Я избавлюсь от него через четыре дня, — уточнил он.

— От кого ты избавишься?

— Вот! — Он поднес мизинец с перстнем поближе к ее глазам. — Видишь? Нергал попутал, взял у одного торговца, теперь мучаюсь...

— Да выкинь ты его подальше!

— Какие вы женщины шустрые! — важно ответил киммериец. Он уже полностью овладел собой. — А то бы я сам об этом не догадался. В том-то и дело, что я не могу снять этот подарочек Нергала. — Он слегка сжал ее плечи, успокаивая. — Не думай об этом, Испарана. Потом когда-нибудь все расскажу, если уцелею, конечно, — добавил он. — А сейчас пойдём в лагерь. Ужасно есть хочется!

Глава третья

На следующее утро варвар отправился по делам: пора было приступить к формированию наемной армии. Испарана, Джунгир-хан и верные им туранцы остались в лагере, который постепенно разрастался: подъезжали крестьяне из окрестных селений с продовольствием, гнали лошадей, овец и быков. Армия должна быть накормлена, и к тому времени, когда Конан наберет наемников или Мусаиб пришлет свои отряды, не должно возникать лишних вопросов, все надо постараться сделать загодя. Над полем витали гомон, крики погонщиков, лошадиное ржание. Дел у Испараны было невпроворот.

В отсутствие киммерийца и Хафара ей приходилось многие решения принимать самой: нанимать пастухов и погонщиков, указывать место, куда сгружать зерно и другие припасы, расплачиваться с продавцами. Поэтому, когда двое людей из Шангары предложили свои услуги, она, почти не раздумывая, взяла их на службу. Один из них назвался лекарем, а какое

же войско обойдется без врачевателя? Второй оказался цирюльником, и Испарана взяла его в услужение к Джунгир-хану. Мальчишка привык в Замбуле к оскоши и теперь, когда его слуги погибли, приходилось срочно искать новых. Можно было купить невольников, но за ними пришлось бы ехать в ближайшие города, в Шангару или Самарру. Для этой затеи пока ни времени, ни людей не хватало. Поэтому Испарана даже обрадовалась тому, что подвернулись эти двое.

Время за делом проходит быстро. Когда поле опустело, и все поставщики разъехались, уже наступал вечер. Киммериец не возвращался, и Испарана уже начала беспокоиться, не случилось ли чего с ним.

* * *

В это время два новоиспеченных приятеля сидели в отведенной для них палатке и обсуждали план действий, точнее сказать, говорил один Махтар, а Юлбаш только кивал головой в знак согласия. Скоро ему предстояло действовать, а он от ужаса не мог даже пошевелиться. И чем ближе подступала ночь, тем сильнее он боялся.

— Что с тобой? — Махтар потряс его за плечо, видя что, и он ничего не мысли собеседника витают где-то далеко слышит.

Юлбаш очнулся и затряс головой.

— Мне очень страшно, — хрипло пробормотал он.

— Ты брось это, трусливая задница, — грозно зыркнул на него Махтар.

Колдун уже начинал жалеть, что связался с этим типом. В Шангаре проще было нанять парочку подходящих ребят — те обтяпали бы дельце быстро и бесшумно. Но теперь маг подошел уже к самому главному, осталось чуть-чуть, и начинать все сызнова ему не хотелось.

— Хлебни вина, помогает. — Махтар поднялся на ноги. — Я пойду, посмотрю, что там творится в лагере.

Прошло совсем немного времени, и послышались шаги колдуна.

— Он вернулся! — заглянул в палатку Махтар.

— Что будем делать? — спросил Юлбаш.

— Как — что? — изумился Махтар. — Мы же обо всем договорились. Несешь им вино, они как раз собрались вместе. Потом, когда заснут, мы разберемся с ними вот и все.

— Что-то мне не по себе... — Чувствовалось, что Юлбаш отчаянно старается оттянуть неприятный для него миг.

— Не будь идиотом! — прошипел Махтар. — Все равно выхода у тебя нет. Если ты захочешь выйти из игры, я просто выдам тебя этому киммерийцу. А уж он мигом свернет тебе шею, клянусь Эрликом и Вечноживым Таримом!

— Ты прав... — решил, наконец, Юлбаш. — Я должен это сделать, иначе моей сестре уготована страшная казнь.

— Ну, вот и хорошо, — потер ладони Махтар. — Сейчас приготовим напиток, и все дела. Положу побольше, чтобы сразу свалил с ног.

Он ссыпал порошок из небольшого флакона в узкогорлый серебряный кувшин.

— Готово, — сказал он, передавая кувшин Юлбашу. — Поставь в угол и пойдем. А это, — он дал ему маленький кувшинчик, — возьми с собой.

Они вышли из палатки, и подошли к костру, около которого стоял шатер лагерного

повара.

— Что вам, ребята? — спросил тот, поворачивая на вертеле тушу ягненка.

— Да вот, вышли подышать да посидеть с тобой, — зевнув, ответил Махтар. — Не хочешь ли кружечку барахтанского, мы с собой привезли?

— Если угощаешь, то кто же откажется! — расплылся в улыбке солдат.

Ему страсть как надоело заниматься стряпней, и он был рад отвлечься, да и языком потрепать немного с новыми людьми.

— Давай за знакомство. — Юлбаш налил всем по кружке, и они присели у костра, прихлебывая вино и неспешно беседуя о жизни.

Довольно долго они сидели у костра с поваром, рассказывая различные истории, пока, наконец, не увидели, как из палатки хана выбежал человек и направился к ним.

— Ну вот, это, наверное, к тебе, — сказал Махтар, поднимаясь на ноги.

— Точно, — отозвался повар, но встать не успел: Юлбаш всадил ему нож в спину.

Подбежавший к ним человек еще на ходу крикнул:

— Мясо готово? Давай сюда!

Тут он заметил лежавшего на земле повара и замер, не и силах сразу сообразить, что произошло. Пока он раздувал, Махтар резким движением воткнул ему в горло кинжал. Захрипев, человек осел на землю.

— Теперь твоя очередь. — Махтар слегка подтолкнул Юлбаша.

Юлбаш на подгибающихся от страха ногах отправился к шатру Джунгир-хана.

— Ты куда это? — остановил его охранник.

— Я новый цирюльник и прислужник хана, — ответил Юлбаш. — Повар послал меня отнести вино.

— Входи. — Охранник отодвинул занавеску, прикрывающую вход.

Юлбаш, низко кланяясь, приблизился к столу, за которым сидели Джунгир-хан, Испарана и еще один человек.

Хана и женщину он уже сегодня видел, а вот третьего, огромного роста черноволосого воина, который с аппетитом обгладывал баранью ногу, Юлбаш не встречал.

«Это и есть тот самый киммериец, — сообразил он. — Да, такой свернет шею, как цыпленку».

— Красное вино, высокочтимый. — Он поклонился хану и застыл с кувшином в руках.

— Красное? — переспросил гигант.

— Красное, — как эхо, повторил Юлбаш.

— А что мяса не принесли?

— Оно сейчас будет готово, — ответил Юлбаш.

— Хорошо, поставь и иди, — рыкнул киммериец, — да поторопи повара! Я смертельно голоден!

Юлбаш не помнил, как вышел из шатра. Глубоко вздохнув, он направился к костру повара.

— Ну, как? — Из темноты выросла фигура Махтара.

— Все в порядке, — ответил Юлбаш.

— Что в порядке? Ты налил им вина?

— Нет, он сказал поставить на стол.

— Ладно, — прошептал Махтар, — и то молодец, а то мог бы и в обморок хлопнуться. Теперь подождем...

— Человек триста-четыреста можно будет набрать в Самарре. Я поговорил кое с кем из своих.

— Каких это своих? — недовольно спросил Джунгир-хан. — Опять эти воры и бандиты?

— А где взять других? — удивился киммериец. — Я же не могу тебе привести солдат из регулярной армии. Это обеспечит твой родственничек из Хоарезма.

Он наполнил кружку вином из кувшина и залпом осушил ее.

— Ты опять непочтительно отзываешься о моих родственниках, — сморщился юноша и просительно посмотрел на Испарану, ища у нее поддержки.

— Конан, ты же обещал... — Испарана укоризненно взглянула на киммерийца.

— Не буду, не буду, клянусь Кромом! — Варвар осушил еще кружку и потянулся за новым кувшином. — Давай выпьем за наши дружеские отношения. — Он налил всем по кружке. — Кстати, а это что за человечек принес вино?

— Новый цирюльник, сегодня наняли, — ответила Испарана.

— Угу, — промычал варвар. Он хотел что-то сказать, но, взглянув на свое пустое блюдо, рывкнул — Этот собачий сын, где он? Где мое мясо?

Он стремительно поднялся и, ворча, направился к выходу.

— Где этот сын порока? — спросил он у стоявшего возле входа солдата.

Солдат рукой показал на костер повара, который ярко горел шагах в пятидесяти от них.

— Его только за смертью посылать! — выругался варвар и зашагал к костру.

Лагерь, который скудно освещали несколько факелов, крепившиеся к жердям, расставленным по его периметру, был небольшим, всего с десятков шатров и палаток, но чуть поодаль раскинулся бивак пастухов и табунщиков. Варвар поглядел на огни его костров, и сердце его затрепетало от близости предстоящих ратных дел. Конан всегда испытывал безотчетное волнение при виде походных шатров, блеска лат, при шуме множества голосов...

Он подошел к костру. Подвешенная на огне туша нестерпимо чадила, обугленная с одного бока.

— Нергал им в кишки!

Варвар посмотрел по сторонам и тут же мгновенно пригнулся, приняв боевую стойку. Меч словно сам выпрыгнул из ножен и очутился в его руке. Киммериец увидел лежащие на земле тела туранских воинов. Конан даже не стал подходить к ним, потому что был совершенно уверен, что они мертвы.

— Так, — процедил он сквозь зубы, — даю голову на отсечение, это новый цирюльник. — И вдруг его сознание пронзила тревожная мысль. — Боги! — Варвар сломя голову помчался к шатру Джунгир-хана.

Влетев туда, он сразу увидел, что его опасения не беспочвенны: Испарана лежала, откинувшись на подушки, а юноша тщетно пытался привести ее в чувство.

— Она выпила вина и... — ответил он на безмолвный вопрос киммерийца.

— Вижу! — прорычал Конан и выскочил из шатра.

Он увидел две метнувшиеся в темноте тени и гигантскими прыжками помчался туда, где они скрылись.

— Тревога! — закричал он. — Никого не выпускать из лагеря!

На его крик из шатров стали выскакивать солдаты, на ходу доставая оружие. В тусклом свете факелов варвар различил две фигуры. Пользуясь темнотой, они неслись к ближайшему склону горы.

— Не уйдешь! — рывкнул Конан и помчался за ними со всей скоростью, на какую был способен.

Он уже мог рассмотреть их: сзади, спотыкаясь, бежал тот человек, который принес вино, второго он видел впервые. Сделав длинный прыжок, киммериец настиг ближайшего и плашмя ударил его мечом по спине. Удар был такой силы, что бежавший, перекувырнувшись два раза через голову, упал и больше не двигался. Варвар, не обращая на него внимания, припустил за вторым. Когда он уже почти догнал его, тот обернулся и перед глазами киммерийца на мгновение вспыхнул яркий огонь. Конан успел отскочить чуть в сторону и увидел лицо человека с напряженно сжатыми губами и резкой морщиной или шрамом поперек лба. Беглец взмахнул рукой, и новая вспышка на некоторое время ослепила варвара. Когда его глаза вновь смогли видеть, преследовать уже было некого. Человек исчез, и даже шагов его не было слышно. Сзади он услышал ляг доспехов. К киммерийцу уже бежали солдаты. Он обернулся: несколько факелов в руках людей тревожно метались по полю.

— Не ищите! — Конан устало махнул рукой. — Один убежал все-таки. Где второй?

— Вот он! — Двое солдат держали под руки человека, назвавшегося цирюльником.

— Тащите его в шатер! — распорядился варвар. — Я с ним поговорю.

Глава четвертая

Конан вновь вернулся к шатру Джунгир-хана, но застал там ту же картину: растерянный юноша безуспешно пытался привести в чувство Испарану.

— Они убили ее, — горестно поторял он, — она мертва.

— Подожди, не каркай! — прикрикнул на него варвар.

Он нагнулся над женщиной и приложил ухо к ее груди.

— Дышит! Нергала тебе в задницу! — Он обернулся к Джунгир-хану. — Скорее всего, это сонный порошок. Я думаю, он был предназначен в первую очередь для тебя.

— Но ты ведь тоже пил вино, — чуть не плача, протянул юноша.

— Чтобы меня свалить, надо гораздо больше, — огрызнулся Конан, успев при этом подумать, что это, видимо, перстень сослужил ему добрую службу.

Варвар уложил Испарану поудобнее на мягкие подушки у дальней стенки шатра и гаркнул:

— Ведите его сюда!

Занавеска раздвинулась, и двое туранцев вытолкнули на середину человека, который совсем недавно приносил им вино. Увидев его, Джунгир отшатнулся и взглянул на варвара:

— Это он?

— Сейчас все узнаем, — зловеще пообещал варвар и направился к пленнику. Тот поднял окровавленное лицо — солдаты постарались, когда вели его к палатке, — и, еле шевеля разбитыми губами, прошептал:

— Я скажу все, только оставь мне надежду... — Он закрыл лицо руками и зарыдал, как ребенок.

— Хватит выть! — Киммериец пнул его носком сапога. — Давай быстро говори, а не то

я нарежу ремней с твоей спины и повешу тебя на них. Расскажешь нам все, может быть, останешься жив. — Он поднес свой внушительный кулак к носу пленника. — Все, ты хорошо понял?

Всхлипывая и размазывая по лицу кровь, Юлбаш рассказал все, что знал, начиная с подземелья Мусайба. Киммериец слушал его, не перебивая, только временами хмурился, и желваки начинали ходить по его скулам.

Он понимал страдания этого несчастного, ему самому случалось испытывать нечто подобное. Варвар обернулся к Джунгир-хану. Тот в продолжение всего рассказа не проронил ни слова и сидел уткнувшись взглядом в пол.

— Видишь? — почти торжествующе спросил Конан. — Я был все-таки прав.

Юноша молча кивнул. Когда он поднял глаза на варвара, в них уже не было прежнего оттенка презрения и надменности. Видно было, что рассказ цирюльника потряс его до глубины души.

— Я ведь старше тебя. — Варвар нравоучительно поднял палец вверх. — Правда, всего лет на шесть, — уточнил он, — но порой и это много. Поживешь с моё, тоже будешь разбираться в людях.

Он не отказал себе в удовольствии добить этими словами своего недавнего недоброжелателя и жалел только о том, что Испарана, по-прежнему погруженная в сон, не видит его победы.

— Почему твоя сестра оказалась у него? — вновь повернулся Конан к цирюльнику.

— Ее насильно сделали наложницей одного чиновника, и она... Она... — Рыдания вновь душили Юлбаша. — Она отравила его.

— Всего трое твоих людей знают, в чем дело. Прямо сейчас я позову их, и вы по-тихому уйдете в горы. Там поживешь несколько дней, тебе это будет полезно, клянусь Кромом. Остальным объявим, что ты пал от рук наемных убийц, — торжественно сказал варвар, — а что происходит на самом деле, никто знать не будет. Даже Испарана, — захохотал киммериец, согнувшись пополам и хлопая себя ладонями по коленям. — Если проспит твои похороны, конечно, — добавил он, утирая выступившие от смеха слезы.

Джунгир-хан шутку не вполне оценил, как-никак речь шла о его собственных похоронах, но собрался на удивление быстро. Через некоторое время труп человека в ханских одеждах лежал в шатре, готовый к погребению, а варвар продолжал прерванный ужин, но уже в одиночестве.

— Сука шангарская! — с трудом разгрызая подгоревшее мясо, честил он Махтара. — Мало того, что человека безвинного загубил, так еще и баранину испортил, потомок вислозадого осла!

Глава пятая

Подходя к «Туранскому соколу», варвар услышал какой-то шум и грохот, доносившийся изнутри.

Он остановился неподалеку и прислушался: это вся таверна хором, стуча кружками, подхватывала припев известной песни, которую выводил чистый высокий голос.

«Подожду, — решил киммериец, — не буду портить хорошую песню».

Он прислонился к стене и слушал разухабистый мотив:

Вина налейте нам по целой кружке!

Полней пусть брызжет пенная струя.

Спешите к нам, веселые подружки,

Для вас распахнута душа моя.

Хмельной напиток силы бесконечной.

Его испив, бессонный враз заснет,

Глоток вина разбудит ум беспечный,

И, как богов слеза, на душу упадет.

Нам без него ни радости, ни света.

И если ты надежду потерял,

То не конец, послушай-ка совета,

Испей — все обретешь, чего желал!

Мертвец, хлебнув его, восстанет из могилы.

Где нет вина, там холод или мрак.

Подарок солнца, кладезь божьей силы,

И кто не пьет его — больной или дурак!

Великий плод лозы ярко-зеленой,

И что могло бы в мире с ним сравниться?

Ни трон, ни золото и ни корона.

Его лишь волю дай напиток!

Оно всего превыше под луной,

И даже боги, от забот устав своих,

Тропой небесной возвратясь домой,

Блаженство обретут, вина испив!

Варвар дослушал песню и толкнул ногой дверь. Хозяин даже не взглянул на вошедшего. Подперев голову рукой, он масляными глазами следил за девушкой, которая только что пела и теперь, подбоченясь, слушала одобрительные возгласы всей таверны. Опомнился Бехруз, только когда почувствовал, что острое клинка уперлось ему в бок.

— Ты ведь узнал меня? — Из-под низко опущенного капюшона на него недобро глядели сверкающие холодным синим огнем глаза. Огромная фигура нависла над стойкой. — Пойдем, поговорим, подальше от посторонних ушей. — Киммериец слегка надавил на кинжал. — Если дернешься, вшивая тварь, прирежу, как свинью!

Подталкиваемый клинком, Бехруз покорно прошел за занавеску и свернул направо в каморку, где хранил кое-какие припасы. В помещении было темно, если не считать скудного лунного света, который едва пробивался сквозь запыленное оконце под самым потолком.

— Зажги лампу, ублюдок!

Трясущимися руками хозяин таверны нашарил огниво и запалил слабый фитилек масляной лампы. Гость откинул со лба капюшон, и Бехруз увидел лицо киммерийца.

По взгляду, словно врезавшемуся прямо в мозг, хозяин понял, что, если он неправильно себя поведет, до последнего вдоха ему останется меньше времени, чем нужно голодной собаке, чтобы проглотить кусок хлеба.

— Чего ты хочешь? — с трудом выдавил он из себя.

— Помнится мне, — ответил варвар, — что совсем недавно ты пользовался неким сонным порошком. Так, паскуда?

— Я ничего не знаю... — попытался отвертеться Бехруз.

Конан оглянулся по сторонам и сбросил крышку с большой бочки, стоявшей в углу каморки. Он опустил туда палец и понюхал.

— Что там?

— Т-тра... Травы засаливаю, — стуча зубами, ответил Бехруз.

— Отлично, зимой все пригодится, — одобрительно кивнул киммериец и неожиданно для хозяина схватил его за пояс и за ворот рубахи и резко окунул в бочку вниз головой, погрузив в нее тело несчастного чуть не по самые колени.

Рассол немилосердно щипал глаза, заливался в уши и в рот. Бехруз отчаянно барахтался

в своих соленьях, захлебываясь и пуская пузыри. Конан подержал его так немного, потом вытащил и поставил на ноги. Дав ему увесистый подзатыльник, чтобы очнулся, варвар вновь повторил свой вопрос. На этот раз Бехруз, отчаянно лоя ртом воздух, утвердительно кивнул.

— Я всегда считал, что рассол прекрасно освежает память, — флегматично заметил киммериец. — Где этот порошок?

— К-кончил... — Договорить Бехруз не успел, поскольку вновь оказался головой в рассоле.

На этот раз варвар подержал его там чуть подольше.

— Я тебя прирежу сейчас, крысиная морда, — вытаскивая кинжал пообещал киммериец, когда Бехруз вновь обрел способность что-то соображать. — Я не шучу. Если не получу порошок, то, клянусь Светлооким, останки твои будут гнить в этой бочке.

Бехруз опять отчаянно закивал головой.

— Молодец, — похвалил его варвар, — давай, показывай. Где он?

— На к-кухне...

— Ты все-таки тупее, чем кажешься на первый взгляд, — мягко улыбнулся киммериец. — Даже я своим варварским умом понимаю, что ты хочешь позвать на помощь. А дурак ты потому, шангарский помет, что не научился в столь зрелом возрасте хорошо разбираться в людях. Если надо будет, то я всех твоих поваров нашинкую в мелкую лапшу за считанные мгновения.

Бехруз начал понимать, что ведет себя неправильно. Он часто задышал и снова согласно закивал головой:

— Я дам, дам тебе порошок, только отпусти.

— Совсем ты дурак, шакалья задница, — с издевкой в голосе ответил Конан, — кто ж тебя теперь отпустит? Ты сейчас прикажешь нарезать мяса, мы с тобой возьмем порошок и пойдем к твоему другу Махтару.

Бехруз вздрогнул, но в руках киммерийца особенно не подергаешься. Варвар, не обратив внимания на его движение, тихим голосом продолжал:

— Мы покормим твоим мясом собак, и, если они не заснут, значит, ты меня обманул. Тогда там уснешь ты, — зловеще улыбнулся киммериец, — навечно, разумеется...

Со стороны могло показаться, что два подвыпивших приятеля направляются домой, так ласково варвар обнимал за плечи Бехруза. У того сильно ныла левая рука, пальцы Конана сжимали ее, как железные тиски, и хозяин таверны только молил богов, чтобы уцелеть и чтобы этот гигант не размозжил его плечо напрочь.

Конан посадил Бехруза на изгородь и сам устроился рядом.

— Давай, начинай!

Два огромных мастафа, глухо и злобно ворча, тут же подлетели к забору и встали на задние лапы, пытаясь достать людей. Мясо, брошенное Бехрузом, они встретили весьма благосклонно. Мастафы, урча, хватали куски на лету и с жадностью заглатывали. Наевшись, оба пса довольно скоро мирно улеглись недалеко от изгороди.

— Порядок! — удовлетворенно отметил варвар. Он взял последний кусок и запихал его в рот хозяину таверны — Можешь даже не жевать, — разрешил он, — так, пососи!

Через некоторое время варвар спустил Бехруза на землю и положил рядом с псами. Он обошел вокруг дома. Темно и тихо. Следовательно, хозяин еще домой не вернулся, и это было на руку киммерийцу. Он не хотел заходить в дом без Махтара. Однажды в Шадизаре он чуть не поплатился головой за то, что залез в дом к колдуну Лиаренусу. Повторять ошибку он не

собирался, все-таки жизнь кое-чему учит!

Конан притаился у забора и терпеливо ждал, прислушиваясь к шагам, раздававшимся на улице. Прошло достаточно много времени, прежде чем звук шагов затих около входа во двор. Варвар вытащил меч и приготовился. Колдун вошел, аккуратно запер калитку на засов и огляделся, видимо, удивленный, что его стражи не бегут навстречу. Он свистнул, подзывая собак, и этот звук слился со свистом меча. Голова колдуна отлетела шагов на десять в сторону, туловище рухнуло на землю. Варвар успел отпрыгнуть, чтобы кровь, хлеставшая из обрубка шеи, не запачкала его сапоги.

Мечта колдуна о перстне с золотым павлином буднично и просто умерла вместе с ним.

Когда киммериец шел по тихим уже улицам Шангары, он был спокоен как человек, полностью выполнивший свою задачу. Один только вопрос слегка забавлял его: интересно, кто проснется раньше, шандаратские мастафы или незадачливый хозяин таверны?

Глава шестая

По пыльному облаку, поднимавшемуся впереди, варвар догадался, что догоняет группу всадников. Он немного придержал коня и подождал, когда дорога, изогнувшись вокруг склона горы, откроет вид шагов на триста-четырееста от него.

— Всего три человека! — сосчитал он всадников. — Уж не Хафар ли это возвращается из Хоарезма?

Он пустил коня в галоп и скоро нагнал группу. Действительно, это был Хафар, сопровождаемый двумя охранниками. Узнав киммерийца, они придержали своих лошадей, и визирь, привстав на стременах, громко и торжественно провозгласил:

— Так и есть, варвар, Джунгир-хан был прав!

Конан поравнялся с ним и, не проявив особой радости по поводу сказанного, спросил:

— В чем прав?

— Как — в чем? — удивился Хафар. В голосе зазвучали те же надменные нотки, что и у его повелителя. — Как это в чем? Да в том, что визирь Хоарезма просто не захотел иметь дело с таким, как ты!

Варвар усмехнулся. В который уже раз слышал он слова о том, что происхождение и положение не позволяют ему говорить с сильными мира сего на равных? Пожалуй, это уже начинало ему надоедать.

— Как насчет войска? — поинтересовался он. — Поможет?

— Не сомневайся! — важно ответна Хафар. — Завтра подойдет целый полк.

— Что ж, — не сразу ответил киммериец, — этого нам должно хватить вместе с моими головорезами.

— С какими еще головорезами? — не понял визирь.

— Обещали набрать в Самарре и Аките человек двести-триста лихих ребят.

— Фу! — поморщился Хафар. — Опять этот сброд?

— Почему сброд? — не согласился с ним киммериец. — Они всегда бьются не хуже солдат, лишь бы платили вовремя.

— Ну, а еще что новенького? — спросил визирь.

— Да так, ничего особенного, — ответил варвар, — вот только Джунгир-хана зарезали.

— Зарезали?.. — переспросил Хафар, но варвар не услышал ни особенного удивления,

ни горя в его голосе.

«Ну и народец в этой гнусной Замбуле! — подумал он. — Не успеешь глазом моргнуть, как каждый сучий мешок с дерьмом продается кому ни попадя!»

— Угу, — подтвердил киммериец довольно равнодушно, как будто речь шла о погоде, — Мусаиб подослал к нему убийцу.

Говоря это, он украдкой взглянул на визиря. Интересно, как он воспримет новость? Хафар резко натянул поводья.

— Кто тебе сказал?

— Да сам убийца и сказал, — спокойно пожал плечами Конан. — Ты же понимаешь, в умелых руках любой запоет.

— Послушай, киммериец... — Хафар наклонился к нему поближе. Он покосился на всадников, которые ехали впереди, и прошептал — Давай еще поотстанем, надо поговорить...

— Ладно. — Киммериец попридержал коня.

— Теперь, когда Джунгир-хан умер... — начал визирь и посмотрел на варвара.

Тот ехал рядом, даже не глядя на Хафара. Когда визирь замолчал, Конан вопросительно взглянул на него:

— Продолжай, что замолк? Я тебя слушаю, высокочтиый.

— Теперь положение изменилось, и остался один законный претендент на трон — Мусаиб!

— Ничего себе законный! Убийца и сукин сын. — Варвар уже в открытую издевался над Хафаром, но тот все еще ничего не замечал.

— Перестань так говорить о благородных людях! — возвысил он голос. — Этот убийца соврал тебе от страха, а ты ему веришь!

— Скелет он поганый, хоть и из благородных! — фыркнул в ответ Конан. Он с трудом сдерживал смех, и одновременно ему страсть как хотелось размазать этого Хафара о каменную скалу. — Только он зря воображает, что его богомерзкие поступки сойдут ему с рук.

— Ты что это говоришь? — Хафар подумал, что ослышался. — У тебя мозги не на месте, одно слово — варвар.

— А вот ты разговорился не в меру! — остудил его пыл Конан. — Пока ты еще не визирь Мусаиба. Ты ведь на это место метишь?

— Я и тебе предлагаю перейти к нему на службу, — миролюбиво сказал Хафар, покосившись на киммерийца. — Все равно теперь надо менять господина.

— Быстро же ты забыл своего повелителя! — упрекнул его варвар.

— А хоть бы и так! — огрызнулся Хафар. — Ничто не вечно в этом мире.

— Правильно, — согласился Конан. — Я тоже так думаю.

— Вот и подумай! — повернулся к нему Хафар. — Тебе осталось на размышления три дня!

— Что же будет через три дня? — прикинулся непонимающим киммериец.

— Через три дня сюда прибудет сам Мусаиб!

«Не прибудет, — ухмыльнулся про себя варвар. — Через два дня я вышибу из него дух, чего бы это мне ни стоило, клянусь Солнцеликим Митрой!»

— А что будет с Испараной? — спросил он, чтобы полностью утвердиться в своих подозрениях.

— Мусаибу она не нужна, — отрезал Хафар. — Можешь забирать ее себе. Остаток пути они проехали молча. Каждый думал о своем, и если визирю мнилось блестящее будущее при дворе нового правителя Замбулы, то у киммерийца заботы были посерьезней. Он пытался придумать, как ему пробраться в Хоарезм к скелету-визирю, разобраться с ним, да еще и уцелеть. Задача, что и говорить, не из простых.

* * *

— Ну, как твои дела? — встретила его вопросом Испарана, когда он спрыгнул с коня.

— Мои — хорошо, — обнимая ее, ответил варвар, — да и Хафар принес неплохие новости.

Визирь важно прошествовал в шатер, крикнув по пути:

— Давайте обедать, я жутко проголодался в дороге!

Киммериец и Испарана вошли вслед за ним. Визирь, видимо, размечтавшийся сверх меры, пока ехал в лагерь, процедил сквозь зубы:

— Теперь в этом шатре буду жить я. До приезда Мусаиба, конечно, — поправился он.

— Почему это ты? — не поняла Испарана. — Это же шатер Джунгир-хана!

— Джунгир-хан мертв, — отрезал Хафар. — Теперь я здесь за главного.

— Ты что, заболел? — удивилась Испарана и повернулась к варвару — Значит, ты ему ничего не рассказал?

— Зачем? — усмехнулся киммериец. — Наш благородный друг все решил сам. Разве ты не видишь, как он раздулся от важности, как индюк?

Испарана вскрикнула. Она все поняла.

— Ты что же, мерзавец? — Она сделала несколько шагов к визирю, на ходу вынимая меч из ножен. — Поганый предатель!

— Постой! — Если бы варвар не перехватил ее руку, голова Хафара катилась бы уже по полу. — Сейчас разберемся, клянусь Светлоликим!

Хафар вскочил на ноги и прижался к полотну шатра:

— Конан! Убери от меня эту безумную бабу!

Киммериец отпустил Испарану и расхохотался так, как давно уже не смеялся.

— Глиста ты замбулийская, — с трудом выговаривал он сквозь хохот. — Какой же ты государственный деятель, если даже на наживку безмозглого варвара попался, как тупая рыба?

Визирь переводил обезумевшие от ужаса глаза с Испараны на Конана, поняв, наконец, что произошло. Смертельный холод начал подниматься к его горлу, предательски задрожали руки.

Варвар сделал два шага вперед и сорвал с него оружие, примерно так же, как недавно сделал это с Азатбахтом.

— Сиди здесь, паук вонючий! — гаркнул он на обезумевшего от перепуга Хафара. — Я так и чувствовал, что ты только и ждешь удобного случая, чтобы предать своего повелителя. Сейчас я его свяжу, и пусть он посидит в шатре, — повернулся он к Испаране, — чтобы лишнего шума не было. Завтра я поеду к этому ублюдку Мусаибу, а его посади к Юлбашу. Пусть тот ему расскажет, как зарезал Джунгир-хана.

Конан опять захохотал, и его смех совершенно парализовал бывшего великого визиря

Замбулы. Он смотрел на варвара остекленевшими глазами, и уже никакие мысли не посещали его голову, кроме желания завывать по-волчьи и убежать в степь или в пустыню — куда угодно, лишь бы только не видеть этого хохочущего гиганта. Громоподобный смех, словно огромный молот, бил его прямо по мозгам, все сильнее и сильнее, и уже не было никаких сил его терпеть. Хафар зажал ладонями уши и пронзительно завизжал. Его визг раздавался до тех пор, пока варвар не заткнул ему рот сорванным с него же тюрбаном.

— Спятил, Нергал ему в печень, определенно спятил! — Варвар с презрением посмотрел на мычащего Хафара и предложил Испаране — Ты не хочешь пойти выкупаться? А то я сильно пропылился в дороге...

Ответом ему был пламенный взгляд карих глаз, потемневших от еле сдерживаемого желания.

Глава седьмая

Впереди у Конана было сложное и опасное дело, и при всей вере в свои силы варвар несколько сомневался в его успехе. Однако выбирать ему не приходилось. Предстояла ночь, когда Песья звезда и звезда аль-Мицар, как сказал ему Аршад, встанут на одной линии с кромкой осходящей луны. В эту ночь он сможет всучить проклятый перстень это скелету Мусаibu, будь он неладен! На этот раз варвару не пришлось долго упрашивать стражу пропустить его к великому визирю Хоарезма. Едва он появился у дворца, один из стражников, узнав его, стремглав помчался докладывать своим командирам о прибытии варвара.

— Удивлен! — Мусаиб встретил его холодным взглядом с высоты подиума, похожего на сторожевую башню.

— О, высокочтимый! — Конан отвесил глубокий поклон, чтобы никто не видел, как он усмехается. — Великий визирь Хафар шлет со мной послание правителю Замбулы.

Визирь пожевал тонкими губами, сдерживая улыбку. Почтительное обращение варвара произвело на него должное впечатление.

— Ну, что ж! — Он жестом разрешил киммерийцу прилизиться.

Варвар, отстегнув пояс с оружием, поднялся по мраморной лестнице и остановился, не доходя двух ступеней до площадки, на которой находился визирь. Затем он отвесил еще один поклон и раскрыл рот, чтобы заговорить, но Мусаиб остановил его:

— Проходи, садись. — Он указал киммерийцу на скамью, где тот уже сидел однажды.

Это было большой честью именно сейчас, когда Мусаиб уже чувствовал себя ханом Замбулы.

— Что же хотел сообщить Хафар? — спросил Мусаиб.

— Высокочтимый, — начал варвар, — великий визирь сообщает, что к твоему приезду все подготовлено.

— И это все? — спросил Мусаиб.

— О нет, — продолжал варвар, — визирь присылает тебе в подарок реликвию ханов Замбулы, перстень с золотым павлином.

— Да? — оживился Мусаиб. — Где же он?

— Вот. — Киммериец начал стаскивать кольцо со своего мизинца.

«Только бы оно слезло, помоги Солнцеликий!» — билась у него в мозгу отчаянная

МЫСЛЬ.

К его облегчению, перстень легко соскользнул с руки, и варвар, положив его на ладонь, протянул визирю.

«Неужели? — Внутри у него все пело. — Аршад не подвел, все рассчитал правильно!»

Мусаиб взял кольцо и долго рассматривал его со всех сторон.

— Изящная вещица... — Он вертел перстень перед глазами, любясь тонкостью отделки.

«Да надевай ты его, сучий потрох, — воскликнул про себя киммериец, с тревогой наблюдая за визирем.

— Встретил ли ты по пути полк, который я послал?

— Да, высокочтимый, — ответил Конан, отчаянно моля богов, чтобы этот ублюдок, наконец, надел кольцо.

— Что вы сделали с убийцей Джунгир-хана?

— Визирь до твоего распоряжения велел заковать его в цепи.

— Это лишнее, — поджал губы Мусаиб. — Надо было сразу же лишить его головы.

«Не хочет, сука, чтобы стало известно о его участии в убийстве, — решил варвар. — Да надевай же ты кольцо, скелет занюханный!» — безмолвно зывал он.

Это было сейчас самым большим его желанием.

— А что убийца рассказал? — поинтересовался визирь, примеривая перстень.

«Ну же! — взмолился варвар. — Уф! Все! — выдохнул он, увидев, что Мусаиб наконец-то пристроил перстень себе на палец. — Носи, дурень туранский, на здоровье!» — ликовал он.

— Эй! — услышал он голос визиря и, спохватившись, быстро ответил — Его особенно не допрашивали, не до него.

— Хорошо! — обрадовался Мусаиб. — Как приеду, сразу же и казним!

Он любовался перстнем и попробовал снять его с пальца. Не получилось. Визирь попытался сделать это еще раз. Он схватился за кольцо всеми пальцами правой руки и потянул вновь, но успеха не добился. Казалось, если бы он смог упереться в кольцо ногой, то сделал бы это, но варвар знал: ему уже не поможет ничто. Он отсутствующим взглядом смотрел по сторонам, делая вид, что не замечает мучений Мусаиба. Тот покраснел от натуги, его пальцы хрустели, напрягаясь изо всех сил. Ничего. Визиря прошиб холодный пот. Он покосился на Конана, однако тот рассматривал узоры на потолке, не глядя в его сторону.

— Ты с дороги, — сказал визирь, стараясь не выдать своего замешательства, — пусть тебя угостят ужином.

— Спасибо, высокочтимый, — поднялся киммериец, — это слишком большая честь для меня. Я поужинаю где-нибудь в таверне.

— Нет, нет! — запротестовал Мусаиб.

«Неужели почуял что-то, сука паршивая?» — похолодел варвар.

Он не стал более отказываться, чтобы не навлечь на себя подозрений, и слуги проводили его в небольшую комнату, где расторопно накрыли стол.

«Питаются здесь неплохо, — подумал киммериец, принимаясь за еду. Но изысканная пища сейчас его не радовала. Он предпочел бы в этот миг находиться где-нибудь в таверне, а еще лучше — очень далеко от Хоарезма. — Если этот сучок что-то заподозрит, то я вряд ли выберусь отсюда живым».

В комнатке не было ни окон, ни дверей, а пробиться сквозь залы и коридоры дворца

совершенно невозможно: в каждом помещении находилось по три-четыре охранника.

Оружие киммерийцу не вернули, так что оставалось надеяться только на милость судьбы.

«Подожду, — раздумывал варвар, налегая на еду, — может быть, пронесет».

В это время вокруг Мусаиба суетились одновременно несколько слуг, лекарей и прочего дворцового люда. Палец визиря уже распух от попыток снять подарок, привезенный киммерийцем. Не помогало ничто: ни смазывание пальца маслом, ни окунание его в холодную воду, ни оплеухи, что визирь щедро раздавал своим слугам — все было тщетно. Перстень как будто врос в его плоть.

— Пошлите за Мизрой! — в отчаянии закричал Мусаиб, когда все способы были испробованы. — А этого варвара бросьте в подземелье, там я с ним и поговорю.

* * *

— Пойдем с нами, господин зовет тебя. — Перед киммерийцем выросли четыре стражника.

Когда приглашение делается столь настойчиво, приходится его принимать. Конан с сожалением оторвался от цыпленка и последовал за охранниками. Они миновали несколько комнат и залов, потом спустились по неширокой, но богато отделанной мраморной лестнице, прошли еще несколько поворотов по длинному коридору...

«Куда же меня ведут? — Варвар с беспокойством оглядывался вокруг. — В подземелье, как пить дать».

Он хотел было развернуться, чтобы выскользнуть из рук стражей, но почувствовал удар сзади по затылку чем-то тупым и тяжелым. Свет померк в его глазах.

Конан вновь обрел способность видеть, когда ему на лицо обрушился поток холодной воды. Он тряхнул головой и обнаружил, что не может пошевелить руками.

«Попался», — только и мог подумать киммериец. Он не ошибся: его руки были крепко связаны в запястьях, а сам он висел под потолком огромного помещения с земляным полом и грубо обработанными каменными стенами. Зал пыток — а в назначении этого подземелья у варвара сомнений не оставалось — имел такие размеры, что дальний его конец был почти не различим в скудном свете. Запах горящих факелов смешивался с чадом жаровни. Конан увидел ее почти под собой, чуть в стороне от столбов, поддерживающих перекладину, на которой его подвесили.

— Очухался, дикарь паршивый? — раздался знакомый голос.

Киммериец поднял глаза и увидел своего гостеприимного хозяина, развалившегося в кресле у противоположной стены. Недалеко от него на деревянной лавке сидел человек с гладко выбритым черепом и чудовищными узлами мускулов на почти обнаженном теле. По силе и мощи его вполне можно было сравнить с Конаном. Кожаный передник со следами засохшей крови составлял все одеяние этого мрачного на вид существа, с отсутствующим видом поворачивающего в жаровне несколько железных прутьев.

У ног палача — а в том, чем он занимается, сомнений возникнуть также не могло — лежал свернутый в кольцо бич.

«Из воловьего хвоста», — отметил про себя варвар.

Однако особенно рассматривать зал пыток ему не пришлось.

— Говори, сучий сын, кто тебя научил дать мне это кольцо? — прошипел Мусаиб, приподнимаясь в кресле.

«Что ему сказать? — лихорадочно подумал киммериец. — Правду? Или соврать что-нибудь?»

Давать время на раздумья не входило в планы визиря: бич хлестнул по телу варвара, обвившись вокруг бедер.

— Говори быстро, вонючий червь! — заорал Мусаиб, и новый взмах бича едва не вырвал крик из глотки киммерийца.

Палач был опытным и умелым, нагое тело Конана сразу же покрылось кровотокающими полосами.

— Подожди, — прохрипел варвар, — я скажу...

— Придется, — усмехнулся визирь, — здесь молчунов еще не бывало.

«Скажу все как есть», — решил киммериец.

— Это перстень золотого павлина Сабатеи, — чуть переведя дух, сказал он. — Тебе не удастся снять его с пальца целый год,

— Мерзавец! — завизжал Мусаиб. — Дай ему хорошенько! — приказал он палачу.

Удары вновь обрушились на варвара, его тело напряглось, обильно покрываясь потом и кровью.

— Подожди! — крикнул Конан. — Если ты убьешь меня...

Мусаиб кивнул палачу, чтобы тот прекратил, поднялся с кресла, подошел к киммерийцу и встал прямо перед ним:

— Что тогда?

— Ты не знаешь, как можно его снять, — прохрипел киммериец.

— Расскажи!

— Что я буду иметь с этого? — Варвар, несмотря на кажущуюся безнадежность своего положения, решил поторговаться.

— Я дам тебе легкую смерть, — оскалился визирь.

— Не согласен.

— Что же ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты меня отпустил.

— Безмозглый мальчишка! — Мусаиб с усмешкой посмотрел на него. — Да ты и так скажешь мне все, что знаешь. Не плеть, так огонь развяжут твой грязный язык.

— Может быть, — согласился киммериец. — Но я терпелив и не впервые попадаю в такое положение. Опыт, знаешь ли, имеется.

— Значит, будешь мучиться долыне. — Визирь отвернулся и пошел к своему креслу. — Продолжай, — приказал он палачу, усаживаясь поудобнее.

Тот размахнулся, бич врезался в кожу. Варвар, извиваясь в своих путах, крикнул:

— Остановись!

— Что еще? — Визирь сделал знак палачу.

— Пока твой костолом мучает меня, — с трудом выдохнул Конан, — может, уже будет поздно.

— Поздно?!

— Да, да, — торопливо закивал киммериец. Ему примула в голову спасительная мысль, и он спешил воспользоваться ею. — Будет поздно для тебя, потому что перстень начнет свою магическое действие.

— Какое еще действие? — насторожился визирь.

— Я расскажу тебе, — продолжал Конан, — если ты обещаешь меня отпустить.

Мусаиб выглядел встревоженным. Палец распух, и кольцо больно врезалось в кожу. Какие еще могут произойти неприятности? Надо добиться от этого варвара всей правды. Вдруг на самом деле что-то может случиться с ним? Визирь даже вспотел от такой мысли.

Киммериец, висая под потолком, украдкой наблюдал за Мусаибом и видел, что попал в точку. Наживку тот заглотил. Теперь надо постараться — ох как постараться! — и не наделать ошибок. Тогда, кто знает, может быть, и повезет унести отсюда ноги.

— У тебя уже распух палец, — начал варвар, — а это признак того, что работа пошла...

— Ну и что дальше? — забеспокоился визирь.

— Дальше начнет распухать рука... — Киммериец говорил медленно, стараясь выиграть время, чтобы придумать, как вести себя дальше.

Мусаиб взглянул на свою руку, и ему показалось, что кисть действительно увеличилась в размерах. Он сравнил ладони обеих рук: никакого сомнения, левая рука распухла!

— Говори, сын шакала! — закричал он на варвара, вновь подбегая к нему.

— Дальше ты и сам можешь сообразить, мудрейший... — Варвар сделал паузу.

— Что?! — выдохнул визирь, чувствуя, как липкий пот покрывает его тело.

— Распухнет все тело, оно станет похоже на копну сена, кожа будет водянистой и посинеет, как твой палец... — Киммериец принялся вдохновенно расписывать те ужасы, которые уготованы визирю.

— Хватит! — заорал тот. — Как избежать этого?

Конан молчал, тяжело дыша.

— Говори! — чуть не плача, закричал визирь. Ему уже казалось, что боль в руке поднимается выше и выше.

— Я знаю, но не скажу, пока ты меня не отпустишь.

— Обещаю, обещаю, слово визиря! Клянусь Эрликом!

— Не кощунствуй! Твое слово ничего не стоит, — твердо ответил киммериец. — Ты же обещал Юлбашу отпустить его сестру...

— Откуда ты знаешь это? — встрепнулся Мусаиб, и киммериец понял, что сболтнул лишнее.

— Я все знаю, — ответил варвар.

Раз уж проговорился, надо идти дальше. Чем Нергал не шутит, может быть, и девчонку удастся отсюда вытащить. Правда он, все еще голый и исхлестанный бичом, висел под потолком и пока смутно представлял, как выберется сам. Конан еще раз взглянул прямо в глаза Мусаиба и увидел, что ему не показалось: визирь смертельно напуган.

— Где эта девка? — Визирь обернулся к палачу и, не дожидаясь ответа, приказал: — Сюда ее!

Палач встал со скамьи и пошел к дверям. Варвар, с трудом повернув голову в ту сторону, увидел, как он что-то объясняет на пальцах двум стражникам у дверей. Те, кивнув головами, вышли из подземелья.

— Так ты расскажешь мне, что делать? — Визирь умоляюще посмотрел на варвара.

— Если договоримся. — Киммериец уже понял, что теперь его жизнь зависит только от него самого. — Для начала скажи своему животному, чтобы снял меня отсюда.

Мусаиб дал знак палачу, и тот, покрутив блок у стены, ослабил веревку. Варвар с удовольствием коснулся ногами сырого пола каземата. В этот миг раскрылась дверь, и двое

стражников швырнули на середину помещения женщину, чуть прикрытую остатками разорванной одежды. По знаку визиря палач вылил на ее бесчувственное тело ведро воды.

Она застонала и пошевелилась, потом приподнялась на одной руке, и варвар увидел, что это совсем юная девушка — лет пятнадцати, не больше.

— Вот она, — осклабился визирь. — Видишь, еще живая. Я отпущу тебя и ее, если ты мне все расскажешь.

Глава восьмая

Несколько мгновений Конан раздумывал, как начать свою речь, но тут открылась дверь, и в подземелье вошел еще один человек. Вновь прибывший был невысоким крепким мужчиной. Его черные борода и волосы отливали благородной сединой.

— Мизра! — радостно воскликнул визирь, забыв на мгновение о киммерийце, и бросился к вошедшему.

— Я пришел помочь, друг мой, — ответил Мизра. — У тебя какие-то неприятности?

Мусаиб отвел своего приятеля в дальний угол и зашептал ему что-то, видимо рассказывая о своих несчастиях: он размахивал руками и подносил к носу собеседника палец с перстнем. Варвар стоял на полу, и, хотя руки его были связаны над головой, чувствовал себя гораздо лучше, чем под потолком, да еще с ударами бича. Он оглядывал зал, прикидывая, что ему надо будет сделать, да и сможет ли он что-нибудь предпринять, если обстановка изменится. Девушка, очнувшись после холодного душа, сидела на полу, опираясь на руки. Сквозь прорехи платья были видны синяки, покрывавшие ее худенькое тело. Безучастный ко всему палач с непроницаемым видом сидел на своей скамье. Его лицо, смахивавшее на морду обезьяны, было неподвижным, как у каменного истукана.

Голоса в дальнем углу стали громче, потом оттуда раздался крик визиря:

— Я спущу шкуру с этого мерзавца!

Он сорвался с места и широкими шагами направился к киммерийцу, на ходу крича палачу:

— Подвесь его и поджарь на медленном огне! И ее тоже!

Обезьяноподобный костолом поднялся, чтобы исполнить приказание, но внезапно пошатнулся. Конан, пристально следивший за ним, увидел, что земляной пол помещения начал вздыбливаться бугорками, словно море, покрытое легкой зыбью. Все, кроме варвара, в недоумении уставились на пол, который шевелился, словно живой.

«Неужели?! — возликовал Конан, еще не веря своим глазам. — Лакуди! Но теперь не за мной, а за ним!»

Девушка пронзительно завизжала и вскочила на ноги: прямо из-под нее вдруг вылезла трехпалая лапа, потом другая, и вот уже лохматый карлик, приплясывая на коротких ножках, бросился к Мусаibu.

— Шакальи задницы, шакальи задницы! — Уже множество карликов прыгали вокруг обезумевшего от этого зрелища визиря.

Киммериец теперь собственными глазами увидел то, что проделывали с ним эти странные уродцы. Мусаиб вдруг начал раздуваться и стал полупрозрачным, как давно немытое окно. Он покачался в воздухе, и вдруг в десятке шагов от него возник второй визирь, злобно смотревший на своего двойника. Подарок оказался удачным. Теперь этому ублюдку

предстояло испытать то, что раньше приходилось переживать варвару.

Конан, краем глаза следя за событиями, попытался разорвать связывающую его веревку. Сначала это ему не удалось, он подрыгнул вверх и всем телом рванул еще раз.

Запястья обожгла страшная боль, но за спиной у него, там, где конец веревки прикреплялся к вороту, что-то треснуло, и варвар ощутил, что путы ослабли. Он повторил свою попытку. Привязь ослабла настолько, что киммериец смог опустить руки и сделать пару шагов в сторону. В этот миг два Мусаиба, схватившись друг с другом, словно псы на базарной площади, покатались по полу. В стороны летели клочки одежды, а глухое рычание, издаваемое благородными визирями, еще больше усиливало сходство с собачьей дракой. Это было гораздо увлекательнее, чем петушинные бои! В другое время варвар с удовольствием понаблюдал бы, кто возьмет верх, но сейчас было не до этого. Хорошо бы воспользоваться суматохой и спасти свою шкуру. Конан еще раз оглядел подземелье. Два визиря продолжали свою схватку, подбадриваемые воплями лакуди.

На палача раздвоение визиря и драка двойников произвели неизгладимое впечатление. Он в смертельном ужасе прижался к стене, стараясь подобрать под себя ноги и вообще занять, как можно меньше места, чтобы ненароком не коснуться приплясывающих совсем рядом трехпалых тварей. Мизра, отрезанный толпой лакуди от места, где находились остальные, закрыв лицо ладонями, шептал какие-то заклинания.

Девушка в ужасе, не меньшем, чем палач, взобралась на ворот и, вцепившись руками в деревянное колесо, широко распахнутыми глазами глядела на происходящее. Было видно, что она не в силах даже пошевелиться. Два стражника, которые влетели на шум, раздававшийся из пыточного зала, остолбенели у входа.

Киммериец не стал ждать, как повернутся события. Он изо всех сил натянул веревку и поднес руки к жаровне. Его обожгло нестерпимым жаром, волоски на руках начали потрескивать и скручиваться, но варвар терпел, стиснув зубы.

Наконец веревка обуглилась настолько, что Конан смог движением ладоней ее разорвать. Он был свободен от пут! В это время отчаянные крики сразу нескольких людей слились в протяжный вопль. За кольцом лакуди, внутри которого продолжали рвать друг друга два Мусаиба, выросло что-то огромное и зловонное. Смрадный запах проник даже в ноздри стоявших поодаль стражников, и они дружно, как по команде, зажали носы.

«Гриб? — мелькнула мысль у варвара. — Нет, похоже, что-то другое!»

В полумраке подземелья стало отчетливо видно нечто огромное и ужасное — что-то вроде слона, только в два раза шире. Тяжелая туша на четырех толстых ногах, похожих на пни старого дерева, имела длинную шею с маленькой костистой головой на конце. В пасти монстра торчали два ряда кривых и острых зубов. Из раскрытого рта капала слюна, которая и распространяла зловоние. Словно удав, гибкая шея начала метаться в толпе лакуди, выхватывая отдельных карликов и перекусывая им шеи. Уродцы загомонили еще сильнее и принялись отбиваться кривыми лапами с длинными когтями, нанося по страшной змеиной морде чувствительные удары. Голова уворачивалась от ударов лакуди, время от времени выхватывая очередную жертву. Откусив ей голову, монстр издавал громкий рев и удовлетворенно поводил головой из стороны в сторону, выискивая место следующего удара. Варвар заметил, что чудовище ударяет не просто куда попало, а расчищает в толпе карликов проход, по которому идет Мизра, совершая руками плавные пассы.

«Вот оно что! — догадался киммериец. — Еще один колдун мне на голову. Он хочет вытащить придурка-визиря!»

Конан огляделся. Похоже, в неразберихе, которая царила в зале, пропитанном вонью чудовища и запахом чадящих факелов, заполненном ревом толстоногого гада, гнусавыми воплями лакуди и криками людей, только он сохранил способность здраво мыслить. Мизра не в счет. Колдун был всецело занят спасением своего друга, пытаясь пробиться поближе к нему, или к ним, если говорить точнее. Один из стражников бросился на землю и зажал ладонями уши.

Киммериец сразу же вспомнил вероломного Хафара.

«Бедняга, — пожалел стражника варвар, — и этот спятил, клянусь кишками Нергала!»

Он схватил валявшийся на полу бич и, прижимаясь спиной к стене, стал медленно приближаться к стражнику у дверей. Когда тот заметил киммерийца и выхватил саблю, то ничего уже не смог сделать. Конец бича обвился вокруг его запястья, Конан резко дернул его на себя, и стражник, потеряв равновесие, свалился со ступеньки и упал на колени. Варвар в прыжке не дал ему подняться и сомкнутыми руками со страшной силой ударил в то место, где начинается шея. Он не слышал хруста позвонков, но по тому, как мгновенно обмякло тело, понял, что достиг цели.

Схватив саблю, киммериец полоснул ею по шее сжавшегося от страха второго стражника — так, на всякий случай, и, развернувшись, посмотрел на поле битвы.

Монстр продолжал реветь, нападая на лакуди, но было уже поздно. Один из визирей все-таки добился своего: его костлявые пальцы ухватились за горло двойника и сжимались все сильнее и сильнее. Двойник тоже не остался в долгу: он выдавливал своему противнику глаза. Жуткий вопль одного из двойников перекрыл рев монстра. Тот, которому вцепились в глаза, дернулся и затих. Лакуди взвыли с удвоенной силой, празднуя победу. Тела обоих визирей внезапно вспыхнули ярким синим пламенем.

Мизра схватился за голову, видя полную тщетность своих усилий.

Конан в три прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от девушки, и сдернул ее с деревянного колеса. Она по-прежнему мало, что понимала от ужаса и пыталась вырваться из рук варвара, цепляясь за ворот, словно видела в нем последнюю надежду на спасение.

— Да очнись ты, дуреха! — Варвар несильно хлопнул ее по щеке. — Бежим!

Она посмотрела сквозь него, но покорно последовала к дверям. Конан тащил ее за руку, стремясь как можно быстрее выбраться из этого кошмара. Неожиданно что-то стукнуло его в спину, да так сильно, что он не удержался на ногах.

Перевернувшись, киммериец увидел в локте от своего лица страшную голову монстра с разинутой зубастой пастью. Киммериец ударил чудовище саблей по выступающим над пастью ноздрям. Голова, издав жуткий рев, отпрянула назад.

— Беги отсюда! — успел крикнуть варвар девушке, вскакивая на ноги и метнувшись назад, к месту пытки, чтобы освободить ей путь.

Голова монстра, качнувшись, вновь устремилась к нему.

Киммериец пригнулся и полоснул саблей по незащищенному костяными пластинами месту под нижней челюстью.

Фонтан черной жидкости брызнул на пол, и монстр, дернув шеей, отступил назад. Конан схватил конец веревки, на которой еще совсем недавно висел под потолком, и мгновенно завязал петлю, собираясь накинуть ее на голову чудовища. Однако он не смог увернуться от следующего броска монстра и почувствовал на своем плече укус смертоносных зубов. Киммериец упал, но тут же вскочил, перекатившись через спину. Совсем рядом с собой он увидел жаровню и надвигающуюся сверху раскрытую пасть монстра. Невероятным

усилием ему удалось схватить жаровню и ткнуть горячими угольями прямо в распахнутый зев...

Шея монстра затряслась, с шипением полетели угли, которые явно причинили ему сильную боль. Краем глаза варвар отметил, что ни лакуди, ни визиря не видно, а Мизра опять что-то шепчет, уткнувшись в ладони.

«Стало быть, визирю крышка», — успел с удовлетворением подумать Конан, примериваясь, как бы подобраться с петлей к голове чудовища, которое теперь шевелилось намного медленнее.

Голова вновь двинулась на него, но варвар ловко накинул на шею петлю и дернул свободный конец. Монстр оказался привязанным к вороту, вмурованному в стену.

Киммериец отскочил на пару шагов, чтобы перевести дух. Однако он недооценил силу чудовища. Тварь дернула шей, веревка выдержала. Еще рывок — и вырванное из стены колесо пыточного приспособления, как пущенное из пращи, врезалось в стоявшего рядом с монстром колдуна. Он упал на землю, дернулся и затих. Чудовище, порождение мага, начало уменьшаться в размерах, словно проткнутый рыбий пузырь. Конан не стал дожидаться, чем все это закончится.

Хотя зрелище и радовало глаз, все же не следовало слишком здесь задерживаться. Он в три прыжка достиг дверей и выскочил в коридор. Девушка, обхватив руками голову, сидела прямо около двери. Конан схватил ее за руку.

— Давай быстрее! Нам нужно бежать!

Она встала, но почему-то не двигалась с места, как-то странно глядя на него. Проследив за ее взглядом, варвар хлопнул себя по лбу. Он же совершенно голый! Прыгнув назад в подземелье, киммериец сорвал рубаху с одного из стражников и повязал ее на бедра. Затем он бросил прощальный взгляд на поле недавней битвы и вновь выскочил в коридор.

— Так я тебе больше нравлюсь? Вперед! В этом коридоре они не встретили ни одного стражника, зато дверей было с избытком. Киммериец на мгновение задумался. Он не запомнил расположения подземелья. Когда его вели сюда, стражники столько раз поворачивали, что он перестал следить, куда они идут. Важно было решить, что делать дальше. Вылезти через окна, которые находились здесь под самым потолком, или продолжать двигаться по коридору?

Его колебания прервал шум голосов и лязг металла где-то впереди.

Варвар толкнул ближайшую дверь. Заперто! Еще одну. То же самое... Шаги приближались. Он навалился всем телом на третью. Удача! Запор не выдержал, дверь щелкнула и растворилась.

— Быстро! — Конан втащил за собой девушку и плотно закрыл дверь.

Через несколько мгновений по коридору прогрохотали сапоги нескольких солдат. Варвар прислонился к стене и взгляделся в полумрак комнаты. Лунный свет через большое и чистое окно равномерно, хотя и скудно, освещал небольшую каморку, вдоль стены которой стояли какие-то длинные предметы. Конан взял один из них в руку. Мотыга! Судя по всему, они попали в каморку садовника. Варвар внимательно оглядел стены, нашел несколько халатов неопределенного цвета, висевших на гвозде, и попытался натянуть на себя один из них. К его удивлению, халат пришелся почти впору. Конечно, рукава оказались коротковаты и в плечах не больно-то просторно, но его хотя бы можно было запахнуть!

— Малика, поищи чего-нибудь для себя, — шепнул варвар. — Твоя одежда тоже не очень-то подходит для прогулок по дворцу.

Пока спасенная им девушка натягивала на себя халат, киммериец, действуя острием сабли, аккуратно высадил раму и выглянул в сад. Собственно говоря, это был не сад, а небольшое глухое пространство, засаженное кустарником.

Надо было торопиться, потому что в коридоре снова послышались торопливые шаги и крики солдат. Наверное, увиденное в зале для пыток произвело на них большое впечатление. До забора было совсем недалеко, и, на их счастье, в саду никто не прогуливался и не работал.

— Да пребудет с нами милость богов! — Конан помог девушке спрыгнуть вниз и тихо спустился вслед за ней.

Они легко перемахнули через изгородь, а поскольку варвар хорошо помнил дорогу к дому Аршада, то и этот путь обошелся без приключений. Несмотря на ссадины и шрамы на теле, на обожженные руки, варвар чувствовал себя превосходно. Он сделал все, что замыслил, и даже больше — ну уж за это никто не станет его упрекать!

Часть шестая

КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ СВОЕ

Глава первая

— Да, неплохо тебя отделали! — Аршад произнес это так, будто работа палача вызвала у него гордость за земляка.

Конан возвышался посреди комнаты, а чародей смазывал его раны мазями и жидкостями из различных флаконов и горшочков, которые стояли на длинном столе.

— Так, говоришь, Мусаиб вспыхнул синим пламенем?

— Угу, сторел, как щепка, — подтвердил варвар, морщась от боли.

В горячке схватки и последующего бегства из дворца он не замечал своих ран, но сейчас, в спокойной обстановке, ожоги и ссадины напомнили о себе. То же произошло и с сестрой Юлбаша. Только девушка сломалась гораздо раньше, и последние несколько переулков он просто нес ее на руках, потому что она совсем выбилась из сил от многодневных пыток, голода и пережитого ужаса.

— Девушку лучше всего будет оставить у меня, — предложил Аршад, — зачем ее тащить в ваш лагерь?

— Нет, — возразил Конан, поеживаясь от мазей и бальзамов, немилосердно щипавших кожу. — В лагере ее брат. Он, правда, пытался убить Джунгир-хана, но, думаю, его стоит простить. Пусть живет. А в Хоарезме ей оставаться опасно, даже у тебя. У вас ведь не каждый день травят хозяев, пусть и жестоких.

— Поступай, как знаешь, — не стал спорить колдун. — А что ты собираешься делать дальше?

— Вернусь в лагерь, — ответил варвар, — и поведу на Замбулу войска, которые прислал этот скелет Мусаиб...

— Ты думаешь, они согласятся, узнав, что визиря больше нет в живых?

— Во-первых, я не скажу им об этом, а во-вторых, и это даже важнее, они пойдут за деньги куда угодно, лишь бы платили.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул Аршак, — но кое-чем могу тебе помочь и я. Ты не откажешься от моей помощи?

— Откажусь? — обрадовался варвар. — Да с тобой я, словно за пазухой у Солнцеликого!

— Не навлекай на себя гнева богов, — серьезно прервал его Аршад. — Им свое, а нам свое. Есть у меня одна мысль, надо бы ее проверить. Кстати, сколько дней ты собираешься идти до Замбулы?

— Недели две, не меньше, — поразмыслив, ответил киммериец. — Был бы один, и за неделю бы добрался, а с войском и обозом быстрее не получится.

Утром Конан проснулся, словно заново рожденный: ничего не напоминало о том, что еще вчера бич обезьяны — палача безжалостно хлестал по его телу. Все раны затянулись. Даже ладони и запястья, покрытые пузырями от ожогов, стали гладкими и ровными, будто за ночь на них выросла новая кожа.

— Вот что значит магия! — прищелкнул языком варвар. — Хорошо, что от нее не всегда неприятности.

Он удовлетворенно потянулся так, что хрустнули суставы. Пора подниматься! День обещал быть нелегким. Надо выбраться из Хоарезма да побыстрее вернуться в лагерь. Киммериец встал, еще раз потянулся и прошелся по комнате. Одежда и оружие! Как же он забыл об этом? Варвар осмотрел саблю, которую вчера взял у стражника. Таким клинком только в зад у кабана ковырять! Да и идти по городу, прикрываясь лишь куском тряпки, тоже не совсем прилично. Он будет похож на беглого раба, и каждый прохожий, не говоря уже о стражниках, проявит к нему небозосновательный интерес.

— Проснулся? — В комнату вошел Аршад. — Вот, прикинь, может быть, тебе подойдет.

Он бросил на скамью сверток с одеждой. Конан оделся. Платье, как ни странно, пришлось ему впору: широкие синие шаровары, белая рубаха и кожаная безрукавка делали его похожим на обыкновенного жителя Хоарезма.

— Другое дело! — оглядывая его, причмокнул губами Аршад. — Вот взгляни-ка еще на это.

Он вышел из комнаты и тотчас вернулся. В его руки был огромных размеров меч в кожаных ножнах. Варвар схватил оружие и придиричиво его осмотрел. Клинок был по нему! Отличная офирская сталь, рукоятка перевита плетеными полосками кожи, чтобы не скользила рука. Киммериец благодарно и удивленно взглянул на колдуна:

— Откуда?!

— Да так, заваялся, — уклончиво ответил Аршад. — Я подумал, что такому воину, как ты, не пристало ходить каким-то ножичком. — Он пренебрежительно указал на саблю Конана.

— Спасибо! Ты меня здорово выручил! — Киммериец бросил меч в ножны.

— Теперь пора собираться в путь, — напомнил Аршад. — Мы с Маликой выедем открыто, а тебя спрячем среди тюков в моей арбе. Думаю, все пройдет хорошо. Выберемся за ворота, а там садись на коня и скачи в лагерь. Мы подъедем через день.

Так и поступили. Через некоторое время варвар, отплёвываясь от забившихся в рот соломы и клочьев шерсти, выбрался на свет. Он лежал в душной темноте среди мешков и тюков, скорчившись и сжимая рукоятку меча на случай, если стража обнаружит его, но все обошлось. Вскочив на коня, киммериец поднялся в стремях, помахал своим спутникам и дал коню шпоры:

— Вперед!

Лагерь было не узнать. Когда варвар несколько дней назад покидал это место, на поляне стояло всего несколько шатров палаток, теперь же все пространство, насколько мог охватить его взгляд, покрывали разноцветные купола. Вокруг все гудело, шумело, двигалось — это была стоянка большого войска. Сразу бросалось в глаза, что это отряды регулярной армии Турана.

Солдаты были одеты в белые шаровары и одинаковые белые длинные безрукавки, накинутые на малиновые туники до колен. Две широкие желтые ленты, одна вокруг бедер, другая наискось от левого плеча вниз, отчетливо выделялись на белом фоне.

Золотой грифон Турана, вышитый на груди, довершал украшение каждого мундира. Все снаряжение было ладно пригнано, а копья, алебарды и топоры составлены в пирамиды, около которых стояли постовые. Кони паслись на пастбище чуть поодаль, рядом со стадами овец и быков, пригнанных для пропитания войска. Костры располагались в специально отведенных местах, подалее от шатров. В общем, отметил про себя киммериец, все было устроено хорошо. Ему приходилось участвовать в сражениях и, как он давно уже понял, дисциплина и порядок определяют боеспособность армии.

«Неплохой отряд прислал визирь, — усмехнулся он, — да и неудивительно, для себя же старался. Не повезло бедняге, гуляет теперь себе на Серых Равнинах...»

Варвар отыскал шатер, где оставил Испарану. Соскочив с коня, он бросил поводья подбежавшему туранцу и откинул занавеску. Женщина сидела, поджав под себя ноги и, казалось, не очень обрадовалась приходу киммерийца.

— В чем дело? — спросил Конан. — Ты мне не рада? Или что-нибудь случилось?

Испарана молча кивнула. Она не поднимала головы, уставившись в землю.

— Да не молчи ты! — прикрикнул на нее варвар. — Раскрой рот и расскажи, в чем дело.

— Джунгир-хан исчез...

— Как это исчез? — удивился киммериец. — Может быть, они просто сменили стоянку и ушли подалее в горы?

— Ты меня не понял. — Испарана подняла на него усталые глаза. — Мы нашли три трупа. Тех людей, что были с ним. А его самого и след простыл...

— Когда это случилось?

— Откуда я знаю! Ночью, наверное, — огрызнулась Испарана. — Вчера вечером они были на месте... Теперь все пропало! Ты можешь это понять своими варварскими мозгами? — Она вскочила на ноги и, вцепившись в рубаху Конана, попробовала его встряхнуть.

— Ну, тогда след еще не простыл, — усмехнулся киммериец, обняв женщину и прижимая ее к себе. — Да что с тобой, Испарана? Ты всегда была такой, — он не мог сразу подобрать слово, — ну, такой... Тьфу, Нергал мне в задницу! — выругался он, потому что подходящего слова так и не нашел. — Ладно, не в этом дело, пес с ним! Не надо паники, я уверен, мы с этим разберемся! — Он погладил ее по волосам. — Кто об этом знает?

— Я и еще один человек. — Испарана подняла на него глаза, в которых подозрительно сверкала влага.

— Ну, это уже совсем ни к чему! — Варвар смахнул слезу, ползущую по ее щеке. — Безвыходных положений не бывает. Скорее всего, — потер он лоб, — вас все-таки выследили

люди Камера. Шакалы потроха! Значит, ночью... — Он задумался.

— Они его убьют! — всхлипнула Испарана.

— Не раньше, чем привезут в Замбулу, — успокоил ее варвар. — Иначе убили бы его прямо здесь... Поступим так. — Он уже принял решение. — Они, скорее всего, поехали по караванной дороге, и через пару дней будут переправляться через Ильбарс. Там я их и возьму.

— Ты что, поедешь один? — изумилась женщина.

— Послушай меня, Испарана... — Киммериец взял ее руки в свои ладони и легонько сжал их. — Я пойду напрямик через горы, и никто, кроме меня, не сможет проделать этот путь так быстро. Их не более пяти-шести человек, я справлюсь, клянусь Кромом! — Он упрямо сжал зубы. — Они у меня получают все, что заслужили.

— Конан! — Испарана, не в силах сказать что-то большее, спрятала лицо у него на груди.

— А ты, — варвар обнял ее, — дождись моего друга. Его зовут Аршад. Завтра он должен приехать сюда. Тогда сворачивайте лагерь и выступайте. Встретимся у брода через Ильбарс. Я сейчас пойду, приготовлюсь, и в погоню. Время ждать не будет.

Глава вторая

Двое суток киммериец, вспомнив все, чему научился еще в далеком детстве, провел в горах. Он поднимался на скалы, спускался в ущелья, бежал по сухой равнине, вновь переходил через остроконечные пики и спускался в долины. Иногда он забирался по каменным осыпям так высоко, что не встречал никакой живности: ни баранов, ни мышей, ни каменных ящерок. Вокруг, насколько хватало глаз, лежал снег, и только ледяные вершины сияли вдали. Лишь могучие орлы, расправив свои широкие крылья, сопровождали его бесконечный бег, удивляясь, наверное, что кто-то появился на этих безжизненных просторах. Конан передвигался налегке, взяв с собой только самое необходимое: меч и кинжал, несколько метательных ножей, длинную веревку с бронзовым крюком, которая уже не раз сослужила ему добрую службу, и две сухие лепешки. Несколько раз он останавливался, чтобы подкрепиться горстью красных кисло-сладких ягод, сжевать кусок пресной лепешки и напиться чистой, как хрусталь, воды из ручьев.

Все остальное время он шел, бежал, карабкался вверх и спускался вниз, не чувствуя усталости и не желая останавливаться, как бесконечный поток горной реки, несущийся по камням и перекатам.

Когда он, преодолев последний, уже совсем невысокий хребет, спустился в долину, всевидящее Око Митры уже в третий раз начинало свой путь по небосклону. Варвар улыбнулся и позволил себе немного расслабиться, облегченно вздохнув: самое трудное осталось позади. Его не беспокоила встреча с солдатами, похитившими Джунгир-хана. Ему столько раз приходилось сталкиваться с серьезными противниками, что он иногда даже скучал по опасным приключениям. В селении, примостившемся у невысоких зеленых предгорий, киммериец купил коня и в первый раз за эти дни нормально поел. Нормально — это, по его мнению, а вся семья крестьянина, где он остановился передохнуть, собралась вокруг и смотрела, как в утробе синеглазого гиганта исчезает такое количество пищи, которого хватило бы на обед половине их деревни. Конан сдобрил съеденное большим кувшином местного вина и почувствовал, что силы, которых он немало потратил за время

перехода через горы, возвращаются. Он щедро расплатился с крестьянином и вскочил на коня, рассчитывая к вечеру быть на месте. Расчеты киммерийца оказались верными. Через Ильбарс в этих местах были две переправы. Один брод около Самарры, где и переходило реку большинство караванов, направлявшихся в Хорайю, Шем, Хауран и дальше во все западные земли и страны. Вряд ли несколько вооруженных всадников с пленным попытаются пройти там, где встречается так много народу и шныряют дозоры туранских конников. Скорее всего, они пойдут дорогой, ведущей в Кутхемес, там людей поменьше. Варвар вышел на этот путь к полудню и решил подождать здесь, не подходя к самой реке.

Он выбрал место, где дорога делала большую петлю, огибая возвышенность. Склон холма покрывала достаточно густая растительность, так что Конан, оставив коня внизу, смог забраться повыше и, не опасаясь быть обнаруженным, видел всю дорогу как на ладони. Ждать ему пришлось довольно долго, и он уже начал беспокоиться, что ошибся в своих предположениях, когда вдаль показалась шестерка всадников. Киммериец приложил руку, прикрывая глаза от лучей солнца. Они! Пять конников ехали свободно, слегка придерживая поводья, а один, в самой середине кавалькады, держался как-то неестественно, движения его были скованны. Лица людей с такого расстояния не мог увидеть даже Конан, обладавший великолепным зрением, но варвар ни на миг не усомнился, что это Джунгир-хан и его похитители.

«Еще бы, — усмехнулся про себя киммериец, — человек, руки которого привязаны к поводьям, не может чувствовать себя свободно».

Он кубарем скатился с холма и побежал вниз к опушке леса. Пришлось немного подождать, пока всадники подъедут достаточно близко, чтобы их можно было хорошо разглядеть. Конан ожидал, схоронясь в чаще. Сначала он услышал голоса, потом стук лошадиных копыт по каменистой дороге. Всадники не спешили, видимо, лошади уже слегка выдохлись после долгого пути. У Джунгир-хана были привязаны не только руки, но и ноги крепились к стременам кожаными ремнями. Лицо мальчика казалось измученным и посеревшим, но следов побоев варвар не заметил.

«Так, — прикидывал киммериец, следя за ними из-за деревьев, — луки только у двоих: вот у этого, с зеленой лентой на лбу, и последнего. Не повезло бедолагам, им придется умереть в первую очередь. Да и остальные вряд ли задержатся на этом свете. Ну, помощь богов мне сейчас не помешает!»

Он быстро и в то же время осторожно, стараясь не шуметь, побежал напрямик по лесистому склону холма.

Всадникам же предстояло еще преодолеть изгиб дороги. Варвар успел вскочить на коня и приготовиться к встрече, когда снова послышался топот копыт. Дорога здесь выходила на небольшую поляну, так что Конана, спрятавшегося за высоким кустарником, невозможно было обнаружить до той поры, пока вся колонна не окажется на открытом месте. Так и получилось.

Первый всадник, оглядываясь по сторонам, заметил его только тогда, когда нож варвара вонзился в шею туранца, который ехал самым последним. Тот свалился с лошади, а киммериец, дав шпоры своему коню, выскочил на поляну и метнул веревку с крюком в переднего всадника. Конан столько раз использовал это оружие, что в конце концов стал непревзойденным мастером. Пущенный умелой и сильной рукой аркан обвился вокруг шеи коня, и варвар, остановив своего на полном скаку, резко дернул веревку.

Конь противника рухнул, придавив седока.

«Удачно! Спасибо, Солнцеликий!» — отметил киммериец.

Остальные трое, сначала опешившие от внезапного нападения, наконец-то увидели, что противник всего один.

— Схватить его! Вперед! — закричали они, перебивая друг друга, и повернули лошадей в сторону варвара.

Конан развернулся и погнал своего коня к лесу, но у самой кромки резко натянул поводья. Первый туранец с перекошенным от напряжения лицом оказался всего в трех шагах от него. Он уже занес свою саблю для удара, но варвар был быстрее — молниеносно повернувшись в седле, он встретил нападавшего ударом меча. Клинки сшиблись со звоном, и сабля вылетела из рук туранца. Не обращая на него внимания, киммериец пустил своего коня вправо, стараясь, чтобы лошадь противника закрывала его от двух других всадников. Затем он пришпорил скакуна и выскочил на открытое место. Теперь он преграждал туранцам путь к Джунгир-хану и оказался к нему ближе других. Пока те разворачивали коней, он подъехал к мальчику и двумя быстрыми движениями перерезал ремни, которыми тот был привязан к упряжи.

— Скачи вперед! — коротко бросил Конан, указав на дорогу, а сам встретил двух солдат, которые, развернувшись, снова бросились на него.

Своим длинным мечом варвар рубанул по оскаленной морде ближайшей к нему лошади, и она рухнула на колени.

Всадник, на мгновение потерявший равновесие, попал под второй взмах меча. С ним было покончено. Краем глаза Конан увидел, что выбравшийся из-под своей лошади лучник, припадая на вывихнутую ногу, лихорадочно шарит у себя за спиной, стараясь вытащить стрелу. Медлить было нельзя, и киммериец направил коня к нему, отмахнувшись от второго всадника. Он подлетел к лучнику и ударил клинком прямо по его расширившимся от ужаса глазам. Мгновенно развернувшись, потому что всадник уже оказался совсем рядом, варвар уклонился от удара его сабли и, выпрямляясь, полоснул мечом по нападавшему. Сдавленный вопль слился с треском разрубаемой плоти, и всадник упал бы на землю, если бы не зацепился за стремяна. Его лошадь понесла. Остался третий туранец, который все-таки успел поднять свое оружие, выбитое из его руки Конаном. Он обводил поле схватки безумными глазами: все его товарищи, кроме одного, который волочился за лошадью, запутавшись в стремянах и теряя по дороге внутренности, валялись на траве, истекая кровью. Туранец, скорее от отчаяния, чем по здравому размышлению, поднял клинок и направил коня на киммерийца.

— Тебе что, жить надоело, сын гиены? — удивился варвар.

Схватка оказалась короткой. Мощным ударом Конан снова выбил саблю из рук солдата, но уже не стал ждать, пока тот ее поднимет. Резкий удар, и его голова, отлетев от туловища, покатила под ноги коня. Все было кончено. Первое, что сделал киммериец, это обшарил кошельки своих недавних противников. Улов оказался неплохим, хотя варвар ожидал куда большего. Он оглядел поле битвы, взял кое-какое оружие поверженных врагов, поймал двух коней и, привстав на стремянах, погнал свой маленький табун вслед за Джунгир-ханом. Тот успел уйти далеко, и киммерийцу пришлось приложить немало усилий, чтобы догнать юного правителя Замбулы.

— Да стой ты! Стой! Это я, Конан! — Ему пришлось несколько раз крикнуть, пока юноша услышал его и, обернувшись, придержал коня.

— Молодец, быстро скачешь, — похвалил его киммериец, когда они поравнялись, — вот,

возьми запасного. — Он бросил мальчику поводья второго коня. — Выбери себе саблю и кинжал. Мужчина должен иметь оружие. Если он мужчина, конечно.

Джунгир-хан вспыхнул, но варвар похлопал его по плечу, успокаивая.

— Ты не виноват в том, что тебя поймали, такое может произойти с каждым. Три дня назад я влип, куда серьезнее. — И добавил, когда юноша повесил на пояс ножны с оружием: — Вот, совсем другое дело. Поехали! Мы не будем особенно торопиться. Пусти коня шагом. Войска придут к переправе только завтра.

Глава третья

Когда они подъехали к переправе, там было очень много народу. Еще издали виднелись огни костров: вдоль берега расположилось несколько караванов. Обычно перед тем как пересекать Ильбарс, все останавливались тут довольно надолго, чтобы запастись водой и продовольствием, а также починить снаряжение. Через день-два, когда они чуть отойдут к западу, их встретят жесткие сухие степи, а потом начнется пустыня, где беспечный и неподготовленный путешественник, обессиленный без запасов воды и пищи, запросто может послужить кормом для шакалов. Да и вообще, мало ли что может случиться в местах, где дождь выпадает два раза в году и жаркое дыхание песков высасывает у путника все силы.

— Нергал мне в печень! — выругался варвар. — Толпа какая!

— Разве они нам помешают? — удивленно поднял брови Джунгир-хан.

— Еще как! — Конан сплюнул. — Они движутся быстрее, чем войска, и придут в Замбулу раньше нас.

— Да, — согласился Джунгир-хан. Он понял, что беспокоило киммерийца. — Они расскажут там, что в их сторону движется армия.

— Молодец, — похлопал его по плечу варвар. — Но это дела не меняет. Мы не сможем напасть на мятежников внезапно, тут уж ничего не поделаешь. Значит, надо готовиться к осаде.

Конан вздохнул. В ранней юности ему пришлось участвовать в битве за крепость Венариум, и он прекрасно знал, что осадить противника гораздо труднее, чем сражаться в чистом поле. Мало того, что защитник имеет преимущество, укрываясь за башнями и бастионами, так надо еще иметь хоть какие-то орудия для штурма: катапульты, мангонеллы для метания камней и бочонков с горячей смолой, большие щиты, чтобы подобраться поближе к стенам, лестницы, веревки... А самое главное, специально обученных солдат. Это беспокоило варвара больше всего. Туранцам, как правило, не часто приходилось штурмовать города и крепости, их стихия — это лавина всадников, решительно бросающихся на врага.

Конан уже начал подумывать о том, что напрасно они связались с туранским воинством. Может быть, проще было тайно проникнуть в Замбулу с десятком хорошо вооруженных и обученных головорезов, таких как он сам, и попросту убить Хамера. Остальные его приспешники не будут особенно сопротивляться, если узнают, что в Замбулу возвращается законный правитель. Но вот где взять десяток таких, как он? На этот вопрос у киммерийца ответа не нашлось.

Он вздохнул еще раз. Что ж, придется действовать, как начали, и надеяться на милость богов. Они с Джунгир-ханом заночевали чуть в стороне от всех, чтобы не особенно мозолить глаза своим присутствием и не нарываться на лишние вопросы. Варвар считал, что такая

предосторожность не помешает. Укрывшись за небольшим холмом, они, по очереди, стоя на карауле, провели ночь и утром отправились на встречу с войском.

Как и рассчитывал варвар, к середине дня туча пыли, поднявшаяся из-за холмов, дала им знать, что к реке движется много всадников. Так и оказалось. Через некоторое время уже стали видны колонны со знаменами, ряды торчащих вверх копий, повозки, гурты овец. Армия приближалась, и скоро все потонуло в разноголосом шуме людских голосов, ржании лошадей, скрипе колес, щелканье бичей.

Гул все нарастал и нарастал, как будто навстречу летел огромный пчелиный рой. Испарана ехала на коне впереди отряда вместе с командиром, усатым широколицым туранцем. Увидев киммерийца и его спутника, она пришпорила коня и поскакала к ним.

— Конан! Джунгир! — закричала она еще издали.

Варвар спрыгнул с коня и, когда женщина приблизилась к ним, подхватил ее лошадь под уздцы. Он почти сдернул Испарану с седла, не дожидаясь, пока она спешится, и сжал в объятиях. Он целовал ее на виду у всех, радуясь, что подруга снова рядом с ним. Джунгир-хан, не слезая с коня, прямо сидел в седле, отвернувшись в сторону. Его смуглое скуластое лицо было хмурым и сосредоточенным.

Оторвавшись от губ женщины, киммериец обернулся к Джунгир-хану и, сделав рукой плавный жест в сторону войска, сказал:

— Вот что прислал тебе твой добрый родственник и визирь Хоарезма Мусаиб. Как опытный солдат скажу тебе, что войско очень хорошее.

— Лучший полк Хоарезма! — услышав его слова, подтвердил сказанное подскакавший к ним офицер в боевом шлеме, украшенном разноцветными перьями. — Сам наместник приказал нам следовать к Замбуле и сбросить самозванца с престола.

— Туранская армия всегда была образцом военного порядка, — поклонившись командиру, польстил ему варвар, — тем более, когда ею командуют такие мужественные офицеры!

Туранец расплылся в улыбке, несмотря на то, что лесть киммерийца не отличалась особой утонченностью, а была прямой, как копьё.

— Мое имя Октай. Эти ребята горы свернут, если им приказать, — скаля белые зубы, важно произнес командир. — Госпожа, — обратился он к Испаране, — кто этот юноша. — Он указал на Джунгир-хана.

— Это законный правитель Замбулы, наместник Илдиза Туранского, Джунгир-хан, — ответил за нее киммериец.

Лицо офицера выразило легкое недоумение, потом он нахмурился и неуверенно произнес:

— Наместник Хоарезма, наш повелитель и господин, сообщил, что Джунгир-хан убит, и замбулийский трон теперь наследует высокочтимый великий визирь Мусаиб. Клянусь Эрликом! — добавил он, поймав на себе слегка насмешливый и участливый взгляд варвара.

Синие глаза киммерийца смотрели на него с легким сожалением, как будто он, командир полка туранской армии, был нездоров и нес в горячке совершеннейшую чушь.

Лицо Октая вспыхнуло.

— Что ты скалишь зубы, пес? — Гнев начинал закипать в туранце, хотя внушительная фигура варвара удерживала его от опрометчивых поступков.

— Высокочтимый и храбрый воин, наверное, давно находится в походе, — дружелюбно ответил киммериец. — Видимо, последние новости еще не дошли до него. Испарана! —

Варвар, нахмурившись поглядел на женщину. — Ты забыла сообщить достойному офицеру, что великий визирь Хоарезма и редкостный ублюдок Мусаиб уже не сможет воссесть на престол Замбулы.

— Как это? — спросил Октай, потрясенный тем, что о высокочтимом и уважаемом вельможе какой-то варвар в потрепанной одежде выражается не только без почтения, а и вообще самым непотребным образом.

— Об этом я и хотел бы поговорить с храбрым, опытным и, без сомнения, умным воином, если на то, разумеется, будет его воля и желание. — Цветистая фраза далась варвару с трудом, и он даже незаметно от собеседников перевел дух, в душе поздравляя себя с тем, что его напыщенная речь произвела впечатление на офицера.

— Да уж сделай одолжение, расскажи. — Октай прыгнул с коня.

Он был высоким для туранца, крепким и мужественным на вид человеком средних лет. Темные с легким прищуром глаза прямо смотрели на собеседника, и киммериец почувствовал, что договориться с ним будет можно.

— Беседа будет долгой, — сказал варвар, — отдай пока приказы своим офицерам, а нам пусть поставят навес да принесут вина. Что-то в горле пересохло. Еще, — добавил он, — там, в повозке, должен быть наш достойный друг Хафар. Пусть его приведут.

— Ты прав, — согласился офицер, — долгая беседа не должна проходить всухую, клянусь Вечноживым Таримом! — Он снова обнажил в улыбке крупные белые зубы. — Хотя он, конечно, и не поощрял привычку к вину...

— Я не сомневаюсь, — улыбнулся в ответ варвар, — что ты впоследствии вознесешь молитву Эрлику, и он простит тебя.

Довольно быстро, пока войско устраивалось на привал, в стороне от всех солдаты установили шатер и приподняли его полотнища, чтобы воздух проникал внутрь и нес сидящим в нем прохладу. К полудню в степи становилось жарко. Конан, Испарана, Джунгирхан и командир туранцев уселись на расстеленном ковре из верблюжьей шерсти, и киммериец налил всем по кружке вина.

— Чтобы тебе, уважаемый, — он приподнял свою кружку, кивнул Октаю и сделал глоток, — все стало ясно как день, расскажу тебе все, что знаю. — Варвар отхлебнул еще вина и продолжил — Остальные поправят меня, если сочтут нужным, а потом приведем сюда и послушаем бывшего визиря Замбулы.

Киммериец рассказал все, что знал об интригах вокруг трона Замбулы, коротко упомянул о лакуди и гибели Мусаиба, и, закончив повествование, взглянул на офицера:

— Теперь предлагаю послушать Хафара.

Привели бывшего визиря Замбулы. Он бросился в ноги Джунгирхану, униженно умоляя о прощении.

— Заткнись! — прервал его стенания варвар. — Расскажи почтенному офицеру о своих переговорах с Мусаибом.

Хафар, запинаясь, заговорил, а Октай, слушая его, укоризненно качал головой. Потом туранец спросил:

— Почему же вы до сих пор не лишили головы такого вероломного мерзавца?

— Специально продлевали ему жизнь, чтобы ты мог выслушать его рассказ, — ответил киммериец, а Испарана и Джунгирхан кивнули в знак согласия. — Теперь он больше никому не нужен, — развел руками варвар. — Что с ним сделаем?

— Нечего и думать, — решительно произнес Октай.

Он был солдатом, человеком по-своему честным и прямым, хотя уже слегка и пообтерся в ханском дворце. Туранец любил суд скорый и правый. Подозвав офицера, он указал на Хафара и выразительно провел ладонью по горлу. Когда вопящего и извивающегося визиря утащили два рослых солдата, командир взглянул на собеседников.

— Выходит, — почесал он переносицу, — мы напрасно проделали такой большой путь. Теперь нам придется возвращаться в Хоарезм.

— Зачем возвращаться? — встрепенулась Испарана.

— Наместник послал нас поддержать Мусаиба...

— Мне кажется, — заметил Конан, — ты говорил, что вашей армии приказано вернуть трон законному властителю.

— Правильно, — начал соображать командир. — Он так и сказал: вернуть трон династии Актер-хана.

— Ну, вот и договорились! — Варвар налил еще по кружке. — Джунгир, если ты запамятовал, единственный родной сын Актер-хана. И уж во всяком случае, наместник Хоарезма не обвинит тебя в том, что ты не выполнил приказа. Скажешь ему, что вести о гибели визиря дошли до тебя только после взятия Замбулы. А повелитель Илдиз, — усмехнулся он, — будет только приветствовать установление порядка в сатрапии, да и богам угодно, чтобы народ жил под властью законного властителя.

— Разумеется, — подал голос Джунгир-хан, — воинский труд должен быть хорошо оплачен, и это я могу вам обещать.

Октай окинул взглядом собеседников. Видно было, что в его душе происходит некоторая борьба, но варвар не сомневался, какое решение примет туранский офицер. Он не ошибся.

— Ладно, — махнул, наконец, рукой командир, — это действительно удобное богам дело, и я приму в нем участие, клянусь Эрликом!

Они вышли вместе с киммерийцем из шатра, оставив вдвоем Испарану и Джунгир-хана.

— Не исключено, — снова заговорил Октай, — что нам придется брать Замбулу в осаду. Это меня беспокоит, потому что может пройти много времени, прежде чем мы добьемся успеха. Тогда армия должна найти где-то запасы воды и пищи. В пустыне взять этого негде, а с собой мы много не увезем.

— Я подумал об этом, — ответил варвар. — У меня есть в пустыне друзья из племени шанки. Я уверен, они нам помогут.

— Тогда будем переправляться на тот берег и завтра выступим. — Командир отсалютовал киммерийцу и направился к своим солдатам.

Конан пошел разыскивать Аршада. Он помнил, что тот обещал помочь ему, но слабо представлял себе, каким образом чародей собирался это сделать. Варвару хотелось это узнать не только из чистого любопытства. Он, кроме всего прочего, еще и нуждался в добром совете.

Глава четвертая

Удовлетворенный разговором с Аршадом, варвар на следующее утро, не дожидаясь, пока армия выступит в поход, отправился в дальний путь по пескам пустыни.

Он ехал один. С сожалением расставшись с конем, киммериец пересел на длинноногого меланхолического дромадера. Второй верблюд в двух бурдюках по бокам горба нес запас воды

на пять дней. По прошествии этого времени киммериец надеялся достичь оазиса шанки. Он не взял с собой никакого сопровождения, хотя в пустыне вполне могли повстречаться йоггиты, проклятые сыны шакалов, которые грабили караваны и одиноких путников. Конан надеялся на лук — самый большой, который он нашел в туранском войске, и на свой меч.

Он помахал провожавшим его Испаране и Аршаду и ударил пятками верблюда. Дромадер, медленно переставляя ноги, пустился в далекий путь. Второе животное покорно последовало за вожакom. Варвар, покачиваясь в седле, оглядывал унылый пейзаж, расстилавшийся вокруг: сухие, выжженные солнцем островки травы в безбрежном море песчаных барханов, и думал о том, как встретят его шапки.

Он вспоминал, как и о чем надо говорить с этими людьми, чтобы не навлечь на себя гнев и не испортить все дело. Их обычаи были во многом странными и не похожими на то, что составляло правила жизни других народов. Но еще более странным было поручение Аршада, которое приводило киммерийца в немалое замешательство. Колдун, узнав, что шапки бывают в Замбуле, где обменивают на рынке товары, дал варвару весьма необычное задание. Зачем это нужно, ведь в такое никто никогда не поверит? Аршад хотел, чтобы шапки на базаре — так, между прочим, — пустили слух, что Эрлик разгневан незаконным переворотом в Замбуле и может погасить солнце. Чудак этот Аршад, хотя и чародей! Конан подивился про себя его словам, но просьбу выполнить обещал. Теперь он размышлял над тем, как уговорить шанки. Горячее дыхание пустыни было хорошо знакомо варвару, поэтому он не испытывал особенных неудобств в пути. Окутав голову белой кафией, он проводил весь день на верблюде, который медленно, но верно преодолевал и песчаные барханы, и твердые, словно камень, поля высохшей глины, приближая варвара к цели его путешествия. Один раз он подвергся нападению иоггитов. Его пытались окружить четверо всадников в зеленых одеждах, но он снял одного выстрелом из лука и подбил лошадь второго. Быстро сообразив, что не на того напали, шакалы пустыни оставили его в покое, ускакав куда-то в пески — видимо, за подмогой.

Киммериец приготовился к тому, что на следующий день ему снова предстоит встретиться с ними, но этого не произошло. Наверное, потеряли следы в бескрайнем море песка, решил Конан. Через два дня после нападения йоггитов он увидел впереди всадников в белых одеждах на таких же, как у него, одногорбых верблюдах. Они заметили его и направились навстречу.

— Кто ты? — спросил его предводитель отряда, когда они сблизились и воины окружили варвара.

У всех были черные или темно-каштановые бороды, густые и коротко подстриженные. Из под белых кафий глядели на варвара свирепые глаза, обведенные черной краской.

— Я хотел бы поговорить с Ахимен-ханом или с его сыном, если ваш повелитель не сочтет возможным принять меня.

Всадники на верблюдах переглянулись.

— Откуда ты знаешь нас? — настороженно спросил преводитель.

— Я был гостем вашего повелителя несколько лет назад, — просто ответил Конан.

— Поехали, — коротко бросил ему воин.

Они достигли поросшей пальмами долины между песчаными холмами, где жили шанки, и варвар порадовался за себя, что правильно выбрал направление. Если бы он уклонился в сторону, ему пришлось бы долго искать этот оазис. С тех пор как киммериец впервые побывал здесь, ничего не изменилось. Мужчины так же ходили в белых туниках с длинными

рукавами поверх штанов желтого, оранжевого, красного или коричневого цвета. Конан помнил, что шанки получали этот цвет с помощью верблюжьей мочи и держали рецепт в строгом секрете. Женщины выделялись широкими ярко-красными одеждами. Те же цветные шатры под листьями больших пальм, которые, словно крылья, прикрывали жилища от солнца. Некоторые из проходивших мимо узнавали киммерийца и поднимали руку в знак приветствия.

— Приветствую тебя, Конан из Киммерии! — Человек с черными усами, закрученными вверх почти до самых глаз, склонил голову.

Он стоял у входа в свой шатер, приглашая варвара войти.

— Приветствую тебя, повелитель храброго народа! — Варвар поклонился в знак ответного приветствия и прошел внутрь.

— Что снова привело воина в наши далекие пески? — спросил Ахимен.

— Меня привели несколько дел, которые, я надеюсь, будут интересны и хану, — вторично поклонившись, ответил киммериец.

Песчаного цвета шатер хана был перегорожен надвое алой занавеской. Варвар заметил, что связки человеческих ушей, которые висели с каждой стороны входа, стали заметно длиннее.

— Акби! — крикнул Ахимен.

Из-за занавески вышла женщина в алой одежде и такой же яркой вуали, совершенно скрывавшей ее лицо. Вуаль почти до самого пояса была украшена подвесками. Женщина отвесила поклон варвару и замерла, ожидая приказаний хозяина.

— Счастлив отметить, — сказал варвар, вспомнив, кто та женщина, — что супруга хана находится в добром здравии, и это делает честь шатру хана и его силе.

— Наполни чашу нашего гостя! — приказал Ахимен.

Акби повиновалась, и в глиняную чашу полилась струя пенного шанкийского пива. Варвар помнил, как два года назад он наакался до полного беспамятства, поэтому сейчас учтиво поклонился хозяину и лишь слегка пригубил из чаши.

— Я вижу, — кивнул киммериец на связки ушей у входа, — что мужественный хан не оставляет одного из своих славных дел.

— Да, гость не ошибся, — ответил Ахимен. — Мы продолжаем истреблять джазихимов.

— Я надеюсь, — приступил киммериец к делу, — что хан примет от меня в дар несколько вещей, которые, как помню, имеют для вашего народа некоторую ценность. Они предохраняют от песчаной слепоты.

Он снял с пояса кожаный мешочек и высыпал на низкий резной столик горсть крупных гранатов. Конан специально приобрел их в Хоарезме, чтобы было с чего начать разговор.

— Нет, нет! — скрестил на груди руки Ахимен. — Я не могу принять такой богатый дар. Надеюсь, мой гость не проявит неудовольствия, если я возьму только один камень.

Он знаком предложил варвару расположиться на ковре из верблюжьей шерсти.

— Тогда пусть хозяин примет в дар, — киммериец убрал пару камней обратно в мешочек, — вот эти камни.

— Мне оказана слишком большая честь, — покачал головой хозяин, — я могу принять лишь половину того, что предлагает гость.

— Моя собственная честь не позволит мне подарить так мало, — сказал Конан, убирая еще один камень, после чего, вытащив кинжал, приставил его к своей груди.

— Пусть рука воина остановится! — Ахимен-хан сгреб оставшиеся камни к себе в

ладонь. — Я скорее пролью собственную кровь или навлеку гнев богов, чем позволю столь храброму воину хотя бы поцарапать свою кожу.

Представление было окончено, и киммериец вздохнул с облегчением. Его несколько раздражала манера шапки говорить друг с другом так, как будто их самих нет в комнате, однако приходилось терпеть. Теперь, хоть и придется следить за тем, чтобы не сказать какую-нибудь глупость, все пойдет куда проще. Камни хану понравились, а главное, Конан показал себя большим знатоком в соблюдении шанкийских обычаев.

— Что уважаемый хозяин может сказать о нынешнем хане Замбулы? — осторожно подошел варвар к интересующему его вопросу.

Ахимен потряс головой, как будто Конан предложил ему съесть что-то неприятное:

— Я слышал, новый хан хочет взять на службу йоггитов.

— Таким образом, — удивился варвар, — заклятые враги шанки переходят под покровительство Турана?

— Не совсем, — покачал головой Ахимен. — Хамер ведь не владыка Турана, а только его сатрап. Я послал своего сына в Аграпур-иль-Раззуф, чтобы он попросил у Илдиза Туранского защиты от его сатрапа. Все-таки мы с ним давнишние союзники, моя старшая дочь живет в его гареме.

— Вот об этом я и хотел поговорить с ханом.

Ахимен открыл рот, чтобы ответить, но в это время занавеска у входа откинулась и в шатер вошел высокий человек с вьющейся бородой и глубоко посаженными черными глазами. Даже беглый взгляд не мог не заметить сходства между вошедшим и хозяином.

— Хаджимен! — воскликнул варвар.

— Конан? — не поверил своим глазам.

Хаджимен, старший сын хана и наследник престола шанки. Они обменялись поклонами, и выпили пива в честь встречи.

— Пусть Хаджимен тоже послушает, что говорит гость, — указал хан сыну на место рядом с собой.

Конан рассказал о том, что на Замбулу идет большая армия и что он тоже способствует восстановлению Джунгир-хана на престоле, рассказал о Мусаибе и людях в Шангаре, которые пытались ему помешать.

— Другие люди живут по странным обычаям, — выслушав киммерийца, сказал Ахимен-хан. — Нам не всегда понятно, как можно хладнокровно и тайно убивать своих противников. Но правила чужеземцев — это их правила.

— Не расскажет ли мне гость, — Хаджимен повернулся к Конану, — как они собираются действовать, если сразу не удастся взять Замбулу?

— Мы собираемся осадить город.

— Но у вас не хватит воды и пищи!

— Конечно, — кивнул киммериец, — для этого я и приехал за помощью к друзьям.

— Вот оно что! — скрестил руки на груди Ахимен.

Вошла женщина, неся в руках блюдо с лепешками и овощным соусом, распространявшим крепкий чесночный запах. Судя по ее одеянию, которое состояло только из красной юбки и тяжелого пояса из серебряных монет, обвивавшего узкие бедра и спускавшегося вниз, она не была замужем. Склонившись перед сидящими, она поставила блюдо на стол. Варвар залюбовался ее крепким округлым животом и маленькими, торчавшими вперед грудями. Ондохнул про себя, поскольку знал, что, несмотря на все свое

гостеприимство и щедрость, шанки никогда не дадут дочерей своего племени на утеху чужеземцу, хотя бы и на одну только ночь. Чистота крови здесь соблюдалась очень строго, осквернять ее не позволялось никому.

— Но мы не сможем обеспечить вас больше чем на две луны, — отставив чашу, сказал Ахимен.

— Столько я и не осмелился бы просить у Ахимен-хана, — ответил варвар. — Мы рассчитываем, что сумеем справиться раньше.

— Сколько у вас солдат? — спросил Хаджимен.

— Около двух тысяч.

— Это больше, чем у Хамера, но ведь для того, чтобы держать оборону за стенами, и требуется меньше солдат.

— Да, — согласился варвар, прихлебывая густое, терпкое пиво. — Но есть еще одно. Правда, я не совсем понимаю, в чем там дело.

— Пусть воин не боится сказать нам это, даже если смысл до времени скрыт от него, — важно кивнул Ахимен.

— Если люди уважаемого хана пойдут на днях в город... — Конан посмотрел на собеседников.

— Завтра мы собираемся послать несколько человек для обмена опалов, — не дослушав гостя, сказал Ахимен.

Видимо, выпитое пиво несколько умерило его почтение к обычаям.

— Тогда, если хан соизволит, — варвар сохранял пока полную ясность в голове, — надо попросить этих людей шепнуть торговцам на рынке, что Эрлик не одобряет действий Хамера и может погасить солнце.

Конан выпалил это и перевел дух. Очень странное предложение! Ему самому было мало понятно, зачем это Аршаду, но обещание свое он выполнил.

— Погасить солнце? — в один голос воскликнули отец и сын и уставились на варвара, как на безумца.

— Да, так просил меня сказать один мой ученый друг.

— Странные обычаи других племен нас не касаются, — усмехнулся Ахимен. — Если ты нас просишь, мои люди скажут об этом.

Они продолжили беседу, обильно сдабривая ее пивом. Обсудили, как и когда шанки будут подвозить продовольствие и, главное, воду для армии Джунгир-хана. Под конец разговора языки у всех заплетались настолько, что сказанное надо было повторять трижды, прежде чем собеседники начинали понимать друг друга.

Глава пятая

На следующее утро голова у варвара раскалывалась, так, словно вчера по ней долго и упорно стучали молотом. Он проснулся в маленьком шатре желтого цвета, предназначенном для гостей, и долго не мог сообразить, где находится. Выглянув наружу, он увидел, что солнце еще только взошло, но в оазисе уже всю кипит жизнь. Видимо, ожидавшая его пробуждения девушка, та же самая, что вчера подносила им пиво и еду, сидела на корточках рядом с шатром. Она осведомилась у варвара, что он желает.

Конан, подумав немного, попросил пива, зная по опыту, как оно помогает с утра, если

перебрал накануне. Несколько глотков горьковатого напитка вернули его к жизни, и он поинтересовался, как самочувствие хана и его сына. Девушка сообщила, что Хаджимен собирает небольшой караван в Замбулу, а Ахимен-хан ожидает гостя у себя в шатре.

— Вот это здоровье! — восхитился варвар, хотя на свое пожаловаться до сих пор тоже не мог. — Крепкие ребята эти шанки, клянусь брюхом Крома!

— Как себя чувствует наш гость? — приветствовал его Ахимен-хан.

Он восседал на ковре на том же месте, что и вчера, и казалось, так и не поднимался с него всю ночь.

— Благодаря гостеприимству хана, — ответил киммериец, — я чувствую себя прекрасно.

— Гость хотел нас покинуть сегодня, — продолжал хозяин — не согласится ли он поехать вместе с нашим караваном? Это оградит его от йоггитов, — хан сплюнул, — хотя я не сомневаюсь, что такой могучий воин в защите не нуждается.

— Спасибо хану, — беря в руки протянутую ему чашу, ответил варвар. — Могу ли я предложить хозяину скромный подарок?

Он вновь вытащил камни из кожаного мешочка. Это были те гранаты, что остались после вчерашнего торга наоборот. Они вновь повторили положенное по шанкийским обычаям представление, и киммериец, в конце концов, всучил хозяину все камни, что оставило довольными обе стороны. Распрощавшись с гостеприимным ханом, киммериец присоединился к Хаджимену, и небольшой караван тронулся по пескам по направлению к Замбуле.

* * *

Когда из пустыни начал вырастать похожий на луковицу купол дворца сатрапов Замбулы, а вслед за ним алые башни и сверкающие белизной стены, которые окружали город, киммериец распрощался с Хаджимен-ханом. Шанки направились в город, а варвар повернул на восток, чтобы обойти крепость и встретить направляющуюся сюда армию. Он не хотел попасться на глаза дозорам замбулийских войск, поэтому, проехав немного, взял еще более на восток, и его верблюды шагали вперед до тех пор, пока стены и башни вновь не скрылись за горизонтом. Вдали показалось постепенно приближавшееся легкое облачко.

Скоро стало ясно, что это песчаная пыль, поднимаемая тысячами лошадиных ног. Легкий ветерок, редкий для этого времени в пустыне, гнал пыль навстречу Конану, и скоро он уже осязал приближение своего войска: мельчайшие песчинки стали заползать за одежду, в глаза, скрипеть на зубах.

Киммериец оглянулся назад. Солнце уже склонялось к закату, небо было расчерчено легкими светлыми полосами.

Конан направил своих верблюдов в сторону песчаного облачка, чтобы еще до темноты прибыть в расположение войска, которое должно было остановиться на ночлег. Когда варвар подъехал к войску, он увидел, что несколько солдат лопатами разгребают песок, обнажая ровное каменное основание. Из шатра навстречу варвару Аршак нес какие-то отливающие в сумерках золотом металлические предметы.

— Привет тебе, Конан! — кивнул он ему. — Ты выполнил мою просьбу?

— И тебе привет, — ответил киммериец. Затем с легкой обидой в голосе добавил: —

Если уж я что-то обещал, то всегда это выполняю.

— Спасибо, — сказал Аршад, устанавливая на площадке свои инструменты.

— Зачем это? — любопытно спросил варвар.

— Да вот хочу поколдовать немного, — усмехнулся чародей. — Надо кое-что проверить.

Он присел на корточки и приткнул глазом к одному из предметов, похожему на наконечник алебарды. Конан, немного постояв рядом и убедившись, что занятие звездочета мало его привлекает, отправился к шатру Испараны, ведя в поводу своих верблюдов. То, что может произойти под его сводом, интересовало его гораздо больше.

* * *

На рассвете армия выдвинулась к самой Замбуле. В городе, разумеется, уже было известно, что противник приближается. Возле стен было пусто — ни пешего, ни всадника, как будто все вокруг вымерло. На стенах виднелись вооруженные солдаты, приготовившиеся отразить штурм.

Однако варвар, вспомнив утреннюю беседу с Аршадом, посоветовал командиру армии не начинать атаки.

— Конан, — сказал ему колдун, — сегодня после полудня подведи войска к самым стенам, но так, чтобы вас нельзя было достать выстрелом из лука.

— Я могу подвести войска, но что из этого?

— Не торопись и слушай, — нахмурился Аршад. — Постарайся, каким угодно способом вызвать Хамера на переговоры. Надо, чтобы он появился на стене.

— Постараюсь, клянусь Белом! Только зачем это нужно?

— Это еще не все. Прикажи приготовить мне повозку по возможности высокую, как арбу, с задней стенкой высотой в человеческий рост. В нее должны быть запряжены два верблюда.

— Куда ты поедешь? — хохотнул варвар. — Будешь кататься вокруг города?

— И еще, — не обращая внимания на непочтительное поведение Конана, продолжал колдун, — распорядись, чтобы войска расступились, когда услышат звук трубы. Исполни все точно, как я сказал, и ничему не удивляйся, что бы ты ни увидел.

— Я уже сейчас удивлен до крайности, — покрутил головой киммериец, — но ты мне помог не один раз, и у меня нет причин тебе не верить. Сделаю все, как ты скажешь.

После этого разговора варвар разыскал командира и передал ему разговор с Аршадом.

— Колдовские штучки! — поморщился офицер. Видимо, он, как и Конан, недолюбливал волшебство и чародейств. — Что, он собирается своим взглядом расшатать крепостные ворота? Но раз ты так просишь, то почему бы не попробовать. Хотя по мне лучше всего сразу же навалиться на восточные ворота — видишь, они похуже других защищены с башен. Ну ладно, — махнул он рукой, посмотрев на киммерийца, — начать штурм мы сможем и завтра.

Солнце палило немилосердно. Солдаты, укрывшись в шатрах, проклинали и жару, и своих командиров, отложивших штурм, но стоило трубачам заиграть сбор, как войско мгновенно пришло в движение. Через некоторое время ряды воинов в белых бурнусах начали придвигаться к стенам города.

На крепостных башнях заметили, что войска противника приближаются. Солдаты засуетились, стали слышны резкие отрывистые слова команд. Конан, по знаку Аршада,

вскочил на коня и впереди цепи наступавших поскакал к городской стене. Не доезжая шагов пятьдесят до противника, он остановился и, сложив ладони рупором, прокричал:

— Эй! Наверху! Где ваш ублюдочный повелитель Хамер? Наверное, живот прихватило от страха, и он боится показаться?

Несколько стрел просвистели в воздухе, но, не достигнув варвара, упали на песок.

— Что, замбулийские собаки, силенок маловато? — продолжал подзадоривать их киммериец. — Позовите вашего хана, или как вы там теперь называете этого самозванца?

— Заткнись, киммерийская собака! — раздался голос, привыкший отдавать команды.

Киммериец, приложив ладонь ко лбу, пригляделся. На одной из башен в окружении людей в офицерских шлемах стоял человек в расшитом золотом белом бурнусе и высоком тюрбане.

— Это что там за павлин? — крикнул варвар. — Неужели это ты, Хамер, сын лживого вонючего шелудивого осла? Что тебя подняло с горшка? Неужели ты здоров?

— Вонючий червь! — раздалось сверху. — Подожди, я прикажу своим солдатам открыть ворота и разогнать твой сброд по пескам.

— Ты полный дурак! — ответил киммериец. — Ты знаешь, что владыка Турана недоволен тобой и уже наточен кол, на который он с удовольствием водрузит твою безмозглую башку?

— Моя секира еще попляшет на твоей шее, киммерийский ублюдок!

— Я не ублюдок! — захохотал варвар. — Я-то своих родителей знаю! А вот ты родился неизвестно от кого, говорят, от тухлой отрыжки больного осла!

Наверху почему-то замолчали — видимо, Хамер лихорадочно искал достойный ответ.

Вдруг за спиной варвара раздался ужасный рев трубы, такой, что от него в жилах застывала кровь. Конан обернулся. Среди расступившихся в стороны своих войск он увидел приближавшуюся к нему повозку, на которой стоял человек в алых одеждах и расшитом золотыми нитями белом бурнусе. Два верблюда медленно влекли арбу к стенам города.

— Что это еще за шут? — раздался со стены голос Хамера. — Ты решил позабавить нас перед своей позорной гибелью?

Варвар не ответил и отдвинулся в сторону, освобождая повозке место, где только что стоял сам. Когда арба поравнялась с ним, он узнал колдуна Аршада. Киммерийцу показалось, что его приятель заметно подрос с утра. Он протер глаза, не доверяя им. Нет, он не ошибался! Аршад уже был выше его самого и продолжал все увеличиваться и увеличиваться в размерах. У киммерийца был зычный и мощный голос, но когда Аршад поднял вверх руки и заговорил, то даже у него зазвенело в ушах.

— Нечестивый и подлый потомок шакала! — Трубный голос, напоминающий рев взбешенного слона, раскатился по пустыне. — Ты пренебрег своим долгом и нарушил закон, ты рассердил владыку Турана! Ты не соблюдаешь заветы Вечноживого Тарима, пророка нашего, и повелителя всех живущих Эрлика! Тебя ждет суровое наказание, и вместе с тобой пострадает вся Замбула!

Варвар с немалым удивлением наблюдал, как фигура Аршада все растет и растет, но все это пока не слишком его убедило. Хоть он и слегка побаивался колдовства, но относился к подобным шпучкам скептически, считая, что этим замбулийцев вряд ли удастся испугать.

— Скажи что-нибудь новенькое! — раздался сверху крик, в котором, однако, слышались нотки страха.

— Для начала я по повелению Эрлика погашу солнце! — громогласно объявил Аршад,

выросший уже до размеров двухэтажного дома. — Я погружу вас в вечный мрак!

— Ха-ха... — Начавшийся, было, смех на башнях Замбулы вдруг прервался на верхней ноте.

Варвар почувствовал, что по пустыне как будто пробежал холодный ветер. Стало удивительно тихо. Вдруг на башне послышался истерический вопль:

— Смотрите! Смотрите!

Армия, стоявшая позади киммерийца, отозвалась громким, многоголосым криком ужаса. Варвар взглянул на небо. Его пронизала дрожь. Боги! Какая-то темная тень начала надвигаться на светило, поглощая его лучи. От только что ослепительно сиявшего Ока Митры остался небольшой краешек, словно кусок откушенной лепешки. Еще немного, еще! Стало темно, как ночью. Зажглись звезды. Люди попадали ниц. В наступившей жуткой тишине раздался вой собак за крепостными стенами и вторящий им визг шакалов где-то недалеко в пустыне. Варвар услышал свист ескольких стрел и удар наконечников о дерево. В безмолвии еще более жутким показался голос неизвестно кого, ужчины или женщины, звонкий и низкий одновременно, ак гром больших медных тарелок. Он вибрировал в воздухе, и от этого звука хотелось убежать и зарыться глубоко-глубоко в землю.

— Вы, жители Замбулы! Избавьтесь от Хамера, иначе вас неминуемо ждет жизнь во мраке! Мрак, вечный мрак!

Наверху послышалась глухая возня, сдавленные крики, вопль ужаса, переходящий в визг, потом несколько мягких шлепков о песок, которые, тем не менее, явственно слышали все.

— Ах! — Единый вздох прошел по городским стенам по рядам наступавшего войска.

В это мгновение край солнца выглянул из мрака и залил все своим животворящим светом. Крики ликования пронеслись по пустыне. Киммериец огляделся. В двух шагах от него стояла арба с торчащими из задней стенки оперениями нескольких стрел. Под крепостной стеной шагах в пятидесяти впереди лежало несколько предметов, похожих на кучи тряпья. Варвар побежал туда.

Хамер! Неловко подогнув под себя одну ногу, перед ним лежал труп человека, который еще недавно мнил себя ханом Замбулы, могущественным властителем своих подданных. Недалеко друг на друге бесформенной кучей лежали еще два мертвеца. Видимо, чтобы окончательно задобрить богов, солдаты расправились с двумя близкими к Хамеру офицерами.

Киммериец оглянулся назад. Боязливо озираясь, несколько офицеров подходили к арбе, на передке которой Аршад, свесив вниз ноги, утирал катившийся со лба пот.

— Ворота! — закричал кто-то из солдат.

Огромные ворота, скрипя тяжелыми петлями, медленно отворялись. Все шире, шире... Наконец в проеме башни показались несколько человек в шлемах с перьями. Они медленно шли вперед по песку, держа в вытянутых руках кривые сабли.

Киммериец поискал глазами командира своего войска.

— Они сдаются! — крикнул он. — Принимай!

Его все еще бил легкий озноб. Варвар был не в силах поверить тому, что только что видел. Вокруг арбы образовалась толпа народу, но никто не решался сделать шаг ближе, как будто был очерчен невидимый круг, не пускавший их дальше.

«Вот это да! — наконец, опомнился киммериец. — Но как он это сделал? Никогда не слышал про такое! Вот что значит настоящее чародейство! Куда там до него лакуди и прочей нечисти!»

Он подошел к людям, окружившим арбу и, раздвинув их плечами, шагнул к Аршаду. Лицо у того было землистого цвета, он тяжело дышал. Видно было, что колдовство далось ему нелегко. Еще бы! Погасить солнце! Увидев варвара, Аршад хитро подмигнул ему:

— Ну, как тебе мое представление?

— До сих пор в себя не приду, — честно признался киммериец.

— Не дрожи! — усмехнулся колдун. — Считаю, что тебе помогла природа, а я просто вовремя использовал ее силы.

Глава шестая

Варвар стоял на площадке лестницы из песчаника, прорезанной в невысокой оборонительной стене и ведущей к главным дверям дворца. Сам дворец располагался дальше и представлял собой множество башен и пристроек, которые соединялись стенами из кирпича. Надо всем этим великолепием возвышался купол в форме луковицы, чей золотисто-коричневый цвет, заметный издали, сливался с цветом песков окружавшей город пустыни. Перед киммерийцем по широкой мощеной дороге, что вела к Вратам Орла, уходили последние отряды армии повелителя Хоарезма, которые прошли такой длинный путь, но ни разу не пустили в ход свое оружие.

Конан только что по-дружески распрощался с Октаем, с которым они почувствовали близость душ еще по пути в Замбулу. После обильных возлияний, не прекращавшихся по случаю победы три дня, они совсем подружились. Джунгир-хан щедро наградил всех, кто помог ему вернуть трон. Он предлагал командиру туранцев остаться и командовать замбулийскими войсками, но тот, подумав, а потом еще и послушав совета киммерийца, отказался.

— Пустыня! — объяснил он свой отказ Джунгир-хану, чтобы не обидеть ненароком правителя. — Вокруг пустыня! А я как-то больше привык к берегу моря.

И вот армия покидала пределы Замбулы. В пути их поджидал Хаджимен-хан с караваном верблюдов, навьюченных бурдюками с водой для солдат и, главное, лошадей, так что варвар мог быть за них спокоен. Неделя пути, и герои могут рассчитывать на награды от императорского дома. Хотя варвар в этом сильно сомневался, но чем не шутит старина Нергал? Может быть, владыка Турана и расщедрится на пару золотых для каждого воина, восстановившего порядок в дальних пределах его империи.

Больше всего почестей было оказано Аршаду, и заслуженно! Приятель Конана уже начал подумывать, не остаться ли ему в должности главного мага хана Замбулы, и, похоже, склонялся к положительному ответу. Колдуну варвар советов не давал: такой человек сам может дать тысячу советов и самостоятельно разобраться, что ему нужно, а что нет.

Проводив взглядом уходящие колонны солдат, Конан вернулся во дворец. Стражники, когда он проходил мимо, салютовали ему и почтительно открывали перед ним двери. Варвар не привык к такому обращению, но нельзя сказать, что это ему не нравилось.

У покоев Джунгир-хана к нему подбежал одетый в малиновые шуршащие шелка человек, показавшийся Конану знакомым. Юлбаш!

— Тебя взяли на службу во дворец? — усмехнулся варвар. — А вдруг ты снова?..

Юлбаш потупился, но, склонившись перед киммерийцем в поклоне, твердо ответил:

— Господин, это же из-за моей любви к сестре! Теперь Малика со мной, и я буду

всецело предан хану за то, что он простил меня. За тебя же, господин, я буду ежедневно возносить молитву Эрлику!

Конан не стал ему объяснять, что их Эрлик вряд ли станет печься о каком-то киммерийском варваре. Он дружески похлопал Юлбаша по плечу:

— Тебя послали за мной?

— Да, господин, повелитель хочет видеть тебя.

— Скажи, что иду.

Юлбаш убежал, а киммериец не спеша отправился вслед за ним. У высоких резных дверей два стражника отдали ему честь и распахнули створки. Варвар вошел в тронный зал. Здесь тоже ничего не изменилось за те несколько лет, что киммериец отсутствовал в Замбуле. Высокое просторное помещение, роспись на потолке, изображавшая ночное небо, и колонны в виде раскидистых акаций, которые поддерживали свод. Правда, ковер, который покрывал ведущие на возвышение ступени, был теперь желтовато-зеленого цвета, а не синего, как тот, что лежал тогда. На возвышении бросался в глаза прекрасной работы трон, выполненный из темного полированного дерева с искусной резьбой и инкрустацией серебром. Рядом с возвышением стояли красивые бронзовые водяные часы на подставке из нефрита в виде колонны, которую обвивала змея.

«Не иначе, Аршад уже расставляет везде свои инструменты, — подумал киммериец. — Значит, остается здесь, в Замбуле».

Джунгир-хан сидел на троне и, как показалось варвару, с напряжением смотрел на него, ожидая, пока тот приблизится. Конан медленно шел по мраморному с прожилками полу, каблук его сапог выбивали негромкую четкую дробь.

Когда он подошел, хан молча указал ему на низкую мраморную скамью рядом с тронном. Варвар сел. На некоторое время воцарилось молчание.

Последние дни Джунгир-хан относился к киммерийцу совсем не так, как раньше. После всех событий, в которых

Конан принял самое непосредственное и, можно сказать, главное участие, после того как Джунгир-хан был спасен от ножа убийцы и от плена у солдат Хамера, после взятия Замбулы он уже не мог смотреть на варвара теми же глазами, что и прежде. Его надменный и презрительный прищур исчез. Конан часто ловил на себе взгляд юноши, в котором легко читалось восхищение и даже что-то вроде преданности, если вообще можно говорить о таких чувствах владыки по отношению к простому воину-чужаку. Тем не менее, Джунгир-хан, несомненно, уважал Конана и, как часто бывает с юношами в его возрасте, наверное, хотел подражать ему или хотя бы в чем-то походить на него. Однако как только Джунгир-хан вновь очутился на троне, после, того как прошли дни празднования победы, раздачи наград, принятия почестей и восхвалений, он вновь изменился. Не совсем, не во всем, но варвар чувствовал почти неуловимый холодок, пробежавший между ними. Сейчас, когда Конан сидел рядом с резным тронном, весь зал представлялся ему застывшим и неудобным.

— Я позвал тебя, чтобы... Чтобы сказать... — Джунгир-хан немного замялся.

— Понимаю, — кивнул варвар, — ты хочешь спросить меня, долго ли я собираюсь пробить у тебя в гостях?

— Нет, ты не думай... — начал юноша, но киммериец видел, что именно этот вопрос мучает правителя Замбулы.

В самом деле, пора покидать этот город. Дела все сделаны, и ничто больше его здесь не удерживает. Главное, что мучает мальчишку, несомненно, Испарана! Варвар взглянул на

Джунгир-хана. Он уже почти сформировавшийся мужчина. Киммерийцу не удалось увидеть, как он владеет оружием, но сомнений в том, что юный правитель умеет это делать, у него не было: в этих краях мальчиков обучают военному искусству с младенчества. Во всяком случае, в седле он держится прекрасно. Как он лихо удирал тогда, в лесу! Киммериец усмехнулся про себя. Отношение к нему Джунгир-хана понятно без долгих речей и размышлений.

Ревность! Но ведь Испарана чуть не в два раза старше его! Пустяки... Варвар вспомнил то время — совсем недавно, кажется, — когда он пришел в Город Воров, Шадизар. Он был всего лишь чуть постарше этого юнца. Денияра! Прекрасная и влекущая! Она тоже была старше его, но Конана тянуло к ней, и еще как, несмотря на то что вокруг было много женщин, куда более молодых. Хотя бы ее служанки: Мадина, Шариза и Замира. Варвар замер от нахлынувших на него воспоминаний. Денияра! Настоящая богиня любви. Она устраивала ему такое...

Как-то раз она спросила Конана:

— Мой тигр, какая из моих служанок нравится тебе больше других?

— Девушки все хороши, — дипломатично ответил он тогда, не понимая, к чему клонит его подруга, — они все одинаково любезно относятся ко мне.

— Они все тебя хотят, — объяснила Денияра, — и поскольку ты все равно когда-нибудь изменишь мне с одной из них, а скорее всего, со всеми, то я решила, что мы вместе выберем, с кого тебе начать.

Тогда варвар почувствовал себя не очень удобно. Одно дело, когда он сам решал, нужна ему женщина или нет, и совсем другое, если она по своей воле предлагала себе замену. Он попытался отшутиться, но Денияра оставалась непреклонна. Сказать по правде, Конан не раз ловил на себе взгляды этих чаровниц, да его синие глаза тоже нередко останавливались на их прелестях. Что ж, стоит ли упускать случай, когда все само идет в руки да еще тебя и просят об этом! Он на мгновение задумался, как бы не решаясь, назвать имя, и тогда Денияра позвала самую младшую из девушек, Мадину, и приказала ей раздеться. Да, прямо здесь перед ней и киммерийцем!

Девушка зарделась от смущения и, боясь даже пошевелиться, застыла, словно изваяние. Варвар и сейчас, словно это случилось вчера, видел ее покрасневшее личико и даже кончики маленьких ушей, окрасившиеся в розовый цвет.

Сейчас Конан понимал, что никакая молодая и невинная девушка не могла бы доставить мужчине такого удовольствия, как это делала Денияра. Она наслаждалась девичьим смущением и искоса поглядывала на Конана, наблюдая, как все происходящее разжигает в нем новую страсть.

Будучи женщиной опытной в любовных уладах, она знала: то, что киммериец получит от этой девушки, потом трижды возвратится ей, когда она его заполучит вновь.

— Любовь моя, пощади ее, видишь, она почти в обмороке, — пытался заступиться за Мадину киммериец.

— Она без чувств от желания, чтобы ты объездил ее хорошенько, — Денияра подошла к служанке и принялась сама раздевать ее. — Помоги мне, Конан, — поддразнила она варвара, — или ты не знаешь, как обращаться с девушками?

Киммериец не противился, и они вдвоем начали снимать покров за покровом с юной женщины, причем Денияра успевала нежно прикоснуться к нему и дарить свои поцелуи. Обнаженная Мадина была еще красивее, чем в одежде, а это случается далеко не со всеми женщинами.

Она, по-прежнему смущаясь и опустив глаза, пыталась ладонями закрыть свое тело от обжигающих взглядов варвара. Тогда Денияра позвала двух остальных девушек и велела им тоже снять одежды. Прибывавших женщин не пришлось уговаривать долго, через мгновение они, как будто только и ждали этого, остались в одних ожерельях и кольцах.

Вспоминая это, киммериец понимал, что две служанки сговорились со своей хозяйкой, но тогда он принял происходящее за чистую монету.

— А теперь танцуйте, покажитесь нашему другу, пусть он посмотрит, умеете ли вы двигаться и нет ли у вас тайных изъянов, — приказала хозяйка.

Затянутое представление продолжало доставлять ей огромное удовольствие. Девушки легко двинулись по кругу, покачивая бедрами и поворачиваясь во все стороны, чтобы Конан мог рассмотреть их прелести. Такого варвар вынести уже не смог: он, как ястреб на стаю куропаток, бросился на них и, выхватив из круга Мадину, унес ее в свою спальню. И там он уж не подкачал! Так и продолжалось: Денияра, Мадина, Шариза, Замира, Денияра, Ма...

Но, несмотря на то, что девушки были моложе хозяйки, тела их свежее и кожа более гладкая, если бы ему пришлось выбирать, то он отдал бы предпочтение Денияре. Так что разница в возрасте не все, по крайней мере, не самое главное...

Киммериец оторвался от сладостных воспоминаний. Что ж, ему вполне понятно, как чувствует себя юноша, желающий Испарану, и как ему мешает его, Конана, присутствие.

Соратница хана! Хорошее звание... Киммерийцу не хотелось расставаться с Испараной, больше всего на свете он жаждал взять ее с собой. Но в то же время он понимал, что ничего хорошего не выйдет, если он заставит гордую красавицу скитаться с ним по всему миру. Она была настоящая боевая подруга, искусная в обращении с оружием, выносливая и сильная, но все же лучше ей остаться здесь.

— Послушай... — Он поднял глаза на Джунгир-хана, который все это время, пока он предавался воспоминаниям, напряженно ожидал ответа. — Послушай, — повторил варвар, — я клялся киммерийским Кромом и замбулийским Эрликом, шанкийской Тебой и рогами этой нечисти Нергала, что никогда не вернусь в Замбулу и даже забуду название вашего города! Видишь сам, пришлось нарушить обет. Думаю, боги простят меня за это, — усмехнулся он, — но все равно оставаться здесь мне не хочется, так же как и тогда, несколько лет назад.

Лицо Джунгир-хана прояснилось, и впервые за время их беседы на нем появилось некое подобие улыбки.

— Завтра утром я покину твой благословенный город. — Варвар встал и, похлопав правителя по плечу, добавил — Не смотри так мрачно на мир. Ты опять на троне, а все, остальное уладится, поверь мне. Жизнь продолжается!

Джунгир-хан повеселел окончательно и, когда варвар, обернувшись у дверей, дружески помахал ему рукой, ответил радостной и открытой улыбкой.

Глава седьмая

Варвар побродил на прощание по Замбуле, заглянул в пару питейных заведений, где его появление вызывало любопытные взгляды и шепот собравшихся. Везде обслуживали по первому разряду, ловя каждый его взгляд и стараясь угодить. Ему даже не приходилось заботиться о размерах счета за выпивку, поскольку каждый хозяин считал своим долгом

угостить его за счет заведения. В «Королевской Таверне» оркестр, состоявший из четырех сильно подвыпивших музыкантов, даже сыграл в его честь какой-то замбулийский марш под одобрительные хлопки и выкрики посетителей.

Наступил вечер, и киммериец возвратился во дворец.

Перед покоем Испараны щебетали и суетились несколько девушек. В одной из них варвар узнал сестру Юлбаша. Малика была одета в полупрозрачные шелковые одежды, которые не скрывали ее округлых плеч, небольших, прелестной формы груди и плоского, с легкой девичьей припухлостью живота. Бедра обвивал широкий серебряный пояс, спускавшийся вниз, как у шанкийских женщин. Никто не признал бы в ней несчастную и изможденную девушку, которую без чувств и прикрытую лишь жалкими лохмотьями притащили в подземелье визиря Хоарезма.

«Неплохо устроились брат с сестричкой», — хмыкнул про себя Конан, не упуская случая легонько щипнуть прелестницу за тугую округлость сзади. Девушка протестуяще взвизгнула, но в ее глазах варвар прочел совсем другое.

— Хозяйка твоя здесь? — спросил киммериец, откровенно рассматривая ее тело, просвечивающее сквозь тонкую ткань.

— Она ждет тебя, господин, — с легким сожалением в голосе ответила Малика.

Варвар вошел в покои Испараны. Посредине просторного помещения, стены которого были выложены розовым карпашским мрамором, находился небольшой круглый бассейн, где полулежала обнаженная Испарана. Вокруг нее суетились несколько женщин. Служанки терли мягкими губками прекрасное тело своей хозяйки. Их одежда состояла лишь из куска шелка, небрежно обернутого вокруг бедер. Конан, слегка прищурившись, оглянулся, куда бы ему присесть.

— Садись прямо на ковер, — засмеялась Испарана, ничуть не смущенная, что он застал ее в таком виде.

Скорее всего, женщина хотела, чтобы он видел все ее приготовления к ночи. Она сладко потянулась в голубоватой воде, и ее движение кошачьей грацией напомнило варвару мягкую поступь пантеры.

«Тигрица!» — глядя на нее, подумал киммериец, опускаясь на пушистые ковры, которыми был устлан пол зала.

Девушки между тем закончили омовение госпожи, и она вышла из бассейна, показавшись во всей своей красе. Капельки воды блестели на ее теле, словно мелкие переливающиеся жемчужины. Служанки закутали ее в шелк, и он тотчас пропитался водой и прилип к коже, совсем не скрывая восхитительного тела. Испарана, отпустив служанок кивком головы, медленными шагами подошла к киммерийцу. Он, не в силах больше ждать, вскочил и, подхватив женщину на руки, понес в находившуюся за полукруглым проемом в стене спальню.

— Пусти, я же мокрая! — притворно отбивалась женщина.

— Сейчас высохнешь, — пообещал Конан, приныкая к ее полным влажным губам.

Она затрепетала в его руках, и узенький быстрый язычок проник в рот киммерийца. Стараясь раздвинуть зубы, он легко касался, и ускользал, и вновь отталкивал его язык и, покорный, ловил его дыхание, чуть напрягаясь и вздрагивая под напором его губ. Варвар бережно положил Испарану на ложе и, подсунув ладонь под спину, сорвал шелковую ткань, прикрывавшую ее тело. Он сбрасывал с себя одежду, а она лежала на спине, раскинув в стороны руки, вся открывшись его взгляду, и ждала. Ее тело цвета спелого меда было

удивительно прекрасно в слабом свете двух бронзовых светильников, стоявших по краям ложа. Перевернутое отражение женщины в громадном зеркале в изголовье постели произвело на варвара странное впечатление раздвоенности, но ему было не до раздумий. Он поставил одно колено на край мягкого ложа и склонился над Испараной.

Конан медленно ласкал женщину, и она словно таяла и растворялась от его прикосновений. Тело Испараны дрожало и напрягалось, вновь замирало, а ее полные чувственные губы искали его рот и покрывали множеством нежных маленьких поцелуев его тело, вызывая в нем трепет, восторг и радость, как будто легкие, теплые дождевые капли касались его кожи в жаркий полдень. Конан страстно целовал подругу, и каждый изгиб ее тела, запах бархатистой кожи доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Варвар... Мучитель... — Женщина вытягивала тело и чуть поворачивалась, открывая киммерийцу самые потаенные его уголки. — Дикарь...

Испарана стонала и извивалась, она забыла себя, забыла, где находится, наслаждаясь его крепкими мускулами, перекатывавшимися под кожей, каждой частью его мощного тела. Нежными укусами она торопила его, но в то же время ей хотелось, чтобы это продолжалось вечно, вечно, дольше, чем вечно!

Конан нежно держал ее в объятиях, чувствуя, что приближается тот миг, когда она, изнемогая от желания, уже не сможет сдержать себя. Он не торопился и нарочно медлил, как будто терзая ее пыткой, но такой сладостной, что женщине казалось, будто разум покидает ее, она взлетает и парит над пространством, и нет ни света, ни темноты, ни воздуха — ничего, кроме всепоглощающего чувства полета, разрывающего ее изнутри на мириады сверкающих искр.

— Ты убьешь меня... — шептала она. — Никто не в силах выдержать... такое...

Варвар вошел в нее, и все окончательно растаяло в волнах острого, обжигающего наслаждения, и женщина кричала и стонала, прижимая его к себе, и это продолжалось долго, пока ее стоны не перешли в легкие всхлипы, и силы не покинули ее. Испарана замерла, а киммериец, лежа рядом, тихонько водил пальцами по ее груди, животу, подрагивающим бедрам, вызывая сладостное томление и негу. Где-то в скрытых уголках ее существа вновь поднималось сначала незаметное, а потом растущее сильнее и сильнее желание, охватывающее ее всю, от розовых кончиков ногтей на прелестных ступнях до самого последнего волоска в роскошных черных густых волосах с пурпурным отливом. И вот она уже не в силах больше сдерживаться, и все приходит еще раз, и еще, и...

Конан лежал на спине. Его колени слегка подрагивали, а в глазах мелькали радужные круги. Рядом, подложив одну руку под голову, свернулась клубочком Испарана.

Она спала. Киммериец полюбовался ее нежным телом и с хрустом потянулся. Он почувствовал волчий голод.

Спустив ноги на устланный ковром пол, варвар подошел к маленькому столику и оторвал кусок лепешки со стоявшего на нем блюда. Потом, посмотрев на остальную снедь, взял большую индюшачью ногу. Он набил рот пищей, откусывая поочередно и мясо, и хлеб, и потянулся за вином. Челюсти варвара работали, словно жернова мельницы, перемалывая все, что могла захватить рука с серебряных блюд, расставленных перед ним. Хлебнув красного бархтанского, Конан взглянул на полукруглое окошко, расположенное под самым потолком. Небо уже чуть посветлело, обещая скорый приход нового дня.

— О чем мечтаешь?

Обернувшись, он увидел, что Испарана стоит на коленях, слегка раздвинув бедра и

закинув за голову руки. Отгоняя сон, она сладко потянулась и запрокинула голову, вновь напомнив варвару гибкую, сильную пантеру.

Женщина прыгнула с ложа, подбежала к Конану, вскинула руки, обняв его за шею, и прильнула к широкой мускулистой груди. Он ощутил прохладу ее гладкой кожи и нежно прижал подругу к себе.

— Вина! — воскликнула она и жадно выпила целую чашу, налитую киммерийцем.

— Как хорошо! Вот так бы всегда! — потянулась Испарана, крепче прижимаясь к варвару. — Если ты захочешь, — она подняла на него глаза, в глубине которых киммериец уловил блеск надежды, — я без всякого сожаления брошу Замбулийский трон и пойду с тобой. Ты хочешь этого, Конан?

Варвар молчал.

— Понимаю... — поймав взгляд киммерийца, сама себе ответила Испарана, и огонек потух в ее глазах. — Боюсь, ты прав... Не пристало мне в моем возрасте скакать по горам и пустыням. Но я хочу, чтобы ты знал, варвар: я люблю тебя и вряд ли уже сумею полюбить кого-нибудь так же...

— И я люблю тебя, Испарана, — произнес киммериец. — И никогда не смогу тебя забыть. На этот раз я не буду предсказывать, что ты покроешься морщинами и постареешь к нашей следующей встрече. У меня такое впечатление, — он нежно погладил ее обнаженные плечи, — что ты вообще никогда не состаришься. Вон как этот юнец поглядывает на тебя! — не удержался он. — Клянусь вашим Эрликом, не успею я отъехать и на три лиги, как он... — Варвар махнул рукой.

* * *

Конана никто не провожал — так они уговорились с Испараной. Долгие проводы — лишние слезы... Он выехал из Замбулы вместе с Аршадом, которого сопровождали два десятка вооруженных туранцев. Еще бы, личный чародей хана! Колдун направлялся в Хоарезм, чтобы забрать оттуда свою дочь Маниже и оставшийся в доме скарб. Выехав за городские ворота, они распрощались.

— Удачи! — помахал рукой Аршад. — Я буду молить богов за тебя, киммериец.

— Благодарю, друг! — с высоты своего верблюда кивнул варвар. — Ты так помог мне! Только вот камень я твой не сберег.

— Какой камень?

— Тот, заколдованный, что ты дал мне против лакуди.

— Пустое! — рассмеялся чародей. — Их уже нет, и каждый получил своё. Одни то, что хотели, а другие то, чего оказались достойны.

Конан посмотрел вслед удалявшемуся каравану и повернул в другую сторону. Его верблюды медленно шагали на север. Киммериец собирался навестить Ахимен-хана и его сына. Шанки заслужили благодарность, и, кроме того, варвар должен был передать им приглашение от правителя Замбулы.

«Каждый получил то, чего достоин», — вспомнил он слова Аршада. Так оно и есть! Он оглядел раскрывающийся перед ним простор, синее небо, сверкающее на нем солнце и решил, что и ему боги выдали не так уж и мало. В голове варвара под мерное покачивание верблюжьих боков звучала песня, которую он частенько слышал в тавернах шадизарской

Пустыньки:

И жизни жернова вращают боги,

И в миг один все может смениться,

Ты был еще вчера в конце дороги,

Опять пришлось к началу возвратиться.

На боевом коне ты, победитель-воин,

И все приветствуют тебя, хвалу крича.

По прихоти богов теперь достоин

Лишь цепи рабской ты и хлесткого бича.

Совсем недавно нищий и забытый

Сейчас богат, в короне золотой,

Среди правителей ты самый знаменитый,

Ведь поворот судьбы бывает и такой.

Еще вчера среди красавиц волооких,

В хмельном пиру ты гордый властелин,

И вот теперь среди песков глубоких

В пустыне знойной ты бредешь один.

Ничто не постоянно под Луной.

У каждого из нас свои дороги.

И с лет молодых повязан ты судьбой.

Что впереди? То знают только боги.

Конан тронул повод мохнатого животного. Под жарким солнцем до самого горизонта бесконечной чередой расстилались пологие барханы. Впереди лежал новый неведомый путь. Жизнь продолжается!

OCR: Lord

WWW.CIMMERIA.RU